МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

Е. И. ЛИТНЕВСКАЯ

ПИСЬМЕННЫЕ ФОРМЫ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Монография

МАКС Пресс

Москва - 2011

УДК 811.161.1 БКК 81.2Рус Л.64

> Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор О. В. Дедова; доктор филологических наук, старший научный сотрудник О. Е. Фролова; доктор филологических наук, профессор А. Д. Шмелев

Л.64 Литневская Е.И.

Письменные формы разговорной речи (К постановке проблемы): Монография. — М.: МАКС Пресс, 2011. — 304 с. ISBN 978-5-317-03727-7

В монографии ставится вопрос о существовании письменной разговорной речи, рассматриваются ее признаки и условия бытования на основе разграничения признаков устности и разговорности речи и описываются такие новые жанры и формы письменной разговорной речи, как чаты, неформальная смскоммуникация, «язык падонков», а также отражение выработанных ими приемов в современной массовой художественной литературе.

Книга адресована специалистам в области современного русского языка, аспирантам и студентам филологических факультетов, а также всем, кого интересуют процессы, происходящие в русском языке начала XXI века.

УДК 811.161.1 БКК 81.2Рус

© Литневская Е. И., 2011

© Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011

ISBN 978-5-317-03727-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА І. РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	8
1.1. О предпосылках и периодах изучения русской раз-	
говорной речи	8
1.2. Русская разговорная речь с позиций функциональ-	
ной стилистики	10
1.2.1. Вопрос о сущности и количестве функциональных	
стилей	1
1.2.2. Стилистика текста. Стиль и жанр	19
1.2.3. Статус РР с позиций функциональной стилистики	2
1.3. Русская разговорная речь с позиций ортологии	2
1.3.1. Литературный язык как ядро национального языка.	
Норма кодифицированная и узуальная	2
1.3.2. К вопросу о «нормах языка» и «нормах речи»	2
1.3.3. Текст в аспекте функционально-коммуникативных	
позиций ортологии. Жанровый канон как инвариант	
(прототипическая единица) текста	2
1.3.4. Нормализация и кодификация языка	3
1.4. Русская разговорная речь с позиций коллоквиали-	
стики и семиотики	3
1.4.1. Вопрос о соотношении РР с внелитературными и	
литературными разновидностями национального языка	3
1.4.2. Проблема стратификации признаков РР	4
1.4.3. Признаки РР с точки зрения реализации в ней «сти-	
листики ресурсов» в концепции Е.А. Земской и ее соав-	
торов	4
1.4.4. Признаки РР с точки зрения реализации в ней «сти-	
листики ресурсов» в концепции О.А. Лаптевой	5
1.4.5. Признаки РР с точки зрения реализации в ней «сти-	
листики ресурсов» в концепции О.Б. Сиротининой	5
1.4.6. Признаки РР с точки зрения стилистики текста	6
1.4.7. Прагмалингвистические параметры и признаки РР	6
1.5 Вопрос о формах бытования речи (письменность /	

	67
1.5.1. Постулируемая в коллоквиалистике устная форма	
бытования РР	67
1.5.2. Семиотический подход к формам бытования речи	71
1.5.3. Соотношение понятий «функциональный стиль» и	
«устная / письменная форма речи»	77
1.6. Разговорная речь с позиций интеграции положений	
стилистики, ортологии, коллоквиалистики и семиотики	81
1.6.1. «Устность» и «разговорность» с позиций фоности-	
листики. Несколько слов о стилях произношения	81
1.6.2. Разграничение понятий «устность» и «разговор-	
ность». Признаки устности и разговорности	86
1.6.3. Вопрос о промежуточной между устной и письмен-	
ной форме бытования РР	90
1.6.4. К вопросу о текстах в РР и их жанровой классифи-	
кации	91
1.6.5. Традиционные и новые письменные жанры РР	97
1.6.6. Итоговое интегрированное определение РР и ее	
признаков	10′
ГЛАВА II. ЧАТ КАК САМАЯ «РАЗГОВОРНАЯ»	
ПИСЬМЕННАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ В ИН-	
ТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	112
2.1. Рунет как информационное, социо- и психолингви-	
стическое пространство	112
	115
2.2. Язык Рунета (общая характеристика)	116
2.3. Чат как исконный сетевой жанр	
2.3. Чат как исконный сетевой жанр	
2.3. Чат как исконный сетевой жанр	
2.3. Чат как исконный сетевой жанр	123
2.3. Чат как исконный сетевой жанр	123 126
2.3. Чат как исконный сетевой жанр	120 123 126 129
2.3. Чат как исконный сетевой жанр 2.4. Реализация в чатах фонетических признаков разговорной речи. Графика и орфография 2.4.1. Фонетика	123 126 129 137
2.3. Чат как исконный сетевой жанр. 2.4. Реализация в чатах фонетических признаков разговорной речи. Графика и орфография. 2.4.1. Фонетика. 2.4.2. Графика. 2.4.3. Орфография. 2.5. Лексика и номинация. 2.5.1. Самоназывание «чатлан».	123 126 129 137
2.3. Чат как исконный сетевой жанр. 2.4. Реализация в чатах фонетических признаков разговорной речи. Графика и орфография. 2.4.1. Фонетика. 2.4.2. Графика. 2.4.3. Орфография. 2.5. Лексика и номинация. 2.5.1. Самоназывание «чатлан». 2.5.2. Использование в чатах разговорной и просторечной	123 126 129
2.3. Чат как исконный сетевой жанр. 2.4. Реализация в чатах фонетических признаков разговорной речи. Графика и орфография. 2.4.1. Фонетика. 2.4.2. Графика. 2.4.3. Орфография. 2.5. Лексика и номинация. 2.5.1. Самоназывание «чатлан».	123 126 129 137

2.5.3. Обсценная лексика в чатах
2.5.4. Английские вкрапления в текст, или Russlish
.6. Словообразование
2.6.1. Образование узуальных некодифицированны
СЛОВ.
2.6.2. Окказиональное (авторское) словообразование
чатах
.7. Морфология
.8. Синтаксис
2.8.1. Синтаксис словосочетания
2.8.2. Синтаксис предложения
2.8.3. Синтаксис текста
.9. Пунктуация
.10. Выражение интенций и сетевой этикет
2.10.1. Выражение интенций.
2.10.2. Сетевой этикет
ЛАВА III. СМС-КОММУНИКАЦИЯ КАК ФОРМ
ІИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
.1. Общая характеристика смс-коммуникации
.2. Язык смс-сообщений с точки зрения «стилистик
есурсов» и стилистики текста
3.2.1. Соблюдение в смс-коммуникации общих признако
письменной РР
3.2.2. Графика смс-сообщений.
3.2.3. Приемы компрессии, используемые для экономи
места и в прагматических целях.
3.2.4. Параметры связности и линейности текста см
сообщения
.3. Встроенный словарь как средство унификации
.4. Языковая игра в смс-коммуникации
.5. Речевой этикет смс-общения
ЛАВА IV. «ЯЗЫК ПАДОНКОВ» КАК ЯВЛЕНИЕ РІ
лада IV. «изык падопков» как ивление II Іевой Субкультуры и как письменна
РОРМА РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
.1. «Язык падонков» как явление речевой субкультур
.1. «Язык падонков» как лингвистический феномен
4.2.1 Буквенное оформпение морфем в «языке палонков

4.2.2. Слитное, раздельное и дефисное написание	215
4.2.3. Написание прописных и строчных букв	216
4.2.4. Графическое сокращение слов	217
4.3. Унифицированность и индивидуальный стиль	
«языка падонков»	217
4.4. «Язык падонков» как письменная форма РР	220
ГЛАВА V. ОТРАЖЕНИЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В	
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТРАДИЦИИ И	
HOBATOPCTBO	22:
5.1. Еще раз о соотношении функциональных стилей и	
языка художественной литературы	22:
5.1.1. Язык художественной литературы как функцио-	
нальный стиль и как многостилевое единство	22:
5.1.2. О смешении стилей в языке художественной лите-	
ратуры XX – начала XXI века	22
5.2. Традиционные средства передачи разговорной речи	
в художественной литературе	23
5.3. Новые приемы в фиксации разговорной речи (на	
материале современной прозы, предназначенной для	
массового читателя)	23
5.3.1. Общие тенденции фиксации РР в современной мас-	•
совой литературе	23
5.3.2. Приемы отображения особенностей произношения	2.4
героя	24
5.3.3. Отражение компрессированных и стяженных форм.	24
5.3.4. Использование в художественном тексте «языка	2.4
падонков»	24
5.3.5. Отражение редукции и нейтрализации гласных	24
5.3.6. Приемы компенсации невербальной информации	25 25
5.3.7. Совмещение кириллицы и латиницы	25 25
5.3.8. Ненормативная графика текста.	
5.3.9. Игры с пунктуацией.	26
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	26
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	26

ПРЕДИСЛОВИЕ

На рубеже XX-XXI веков появились письменные формы разговорной речи, которые трудно укладываются в рамки традиционных представлений функциональной стилистики. Они проявляют себя в таких основных формах, как чаты, форумы, гостевые книги и другие формы интерактивного общения, переписка по электронной почте, смс-сообщения, общение на «аффтарском языке».

Перечисленные выше новые письменные формы связаны в первую очередь с распространением новых носителей – компьютеров, соединенных в глобальные сети, и сотовых телефонов, позволяющих не только созваниваться, но и вести смс-переписку. Они знаменательны тем, что позволяют письменно общаться опline, то есть в режиме реального времени, или в приближенных к этому режиму условиях. Анна А. Зализняк называет подобные формы «спонтанной письменной речью» [Зализняк 2006].

Исследования в области спонтанной письменной речи носят пока фрагментарный характер. Указанные выше формы имеют письменную реализацию, в силу чего в некоторых статьях, посвященных сетевому языку, высказывается мнение о появлении новой, гибридной формы коммуникации, однако существенным положением нашего исследования является отказ от признания промежуточного статуса этих форм разговорной речи и анализ их как принципиально письменных.

В настоящей работе поставлена задача рассмотреть указанные выше формы в аспекте интеграции подходов стилистики, ортологии, коллоквиалистики и семиотики.

Автор благодарит своих коллег и своих близких за помощь в работе, советы и конструктивные замечания.

ГЛАВА І. РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ПЕРИОДАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Понятия «разговорная речь», «разговорный язык», «разговорный стиль», «обиходно-бытовой стиль» используются в русистике как синонимично, т.е. для описания одного и того же объекта, так и для обозначения не полностью совпадающих объектов лингвистического исследования, однако они являются безусловно сопряженными понятиями.

В 1979 году для обозначения лингвистического направления исследований разговорной речи В.Д. Девкиным в монографии «Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика» был предложен термин «коллоквиалистика» ([Девкин 1979]); праведливости ради надо признать, что в русистике этот термин не получил повсеместного распространения, тем не менее мы будем его использовать в нашей работе для обозначения специальных исследований в области разговорной речи (далее PP).

Изучение PP в русистике имеет не столь давнюю историю, как многие другие направления лингвистического исследования.

Подготовительный период изучения РР начался в 20-е годы XX века: Б.А. Ларин, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и другие исследователи отмечали отличие устной РР от письменной и монологической и говорили о необходимости изучения живой устной речи, однако в это время данное направление исследований не получило развития: в 1954 году И.Р. Гальперин констатировал, что «устная речь еще почти не подвергалась научному анализу» [Гальперин 1954: 78].

Первые фундаментальные исследования русской РР появились во второй половине XX века (60-70-е годы и далее). Во многом эти исследования были обусловлены, с одной стороны, дискуссией о функциональных стилях, а с другой — проектом «Русский язык и советское общество» ([Русский язык и советское общество 1962], [Русский язык и советское общество 1968], [Русский язык и советское общество 1968]), всколыхнувшим интерес к живой речи разных слоев носителей современного русского языка.

Еще в 1962 году М.В. Панов, руководитель проекта «Русский язык и советское общество», в статье «О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы)» отмечает следующее: «Разговорная речь в значительной степени обособилась от остальных стилей языка. Чтобы начать планомерное исследование этой речи, надо организовать систематическую ее запись, собирание массовых фактов. Пока же характеристика разговорного стиля неизбежно будет отрывочной и скупой» [Панов 2007: 50]. И такое исследование началось в конце 60-х годов XX века на материале магнитофонных записей живой РР.

Помимо разрозненных научных работ, в отечественной русистике сформировались три основных центра изучения РР, возглавляемых соответственно Е.А. Земской, О.А. Лаптевой и О.Б. Сиротининой. Научные изыскания в области РР, представленные исследованиями этих групп, обнаруживают не только сходные подходы к объекту, но и некоторые существенные различия в его интерпретации. В 70-е годы исследователи сосредотачиваются на описании как статусных и системных параметров РР ([Земская 1973], [Сиротинина 1974], [Лаптева 1976] и др.), так и отдельных уровней и фрагментов РР ([Инфантова 1970], [Инфантова 1973] и др.). Большое количество работ этого периода изучения РР не позволяет обратиться в нашей работе к каждой из них, поэтому мы сосредоточим внимание на наиболее фундаментальных работах, послуживших основой для целых направлений исследования.

Русистика сегодняшнего дня получила мощную основу для дальнейшего исследования устной РР — программы инструментальной автоматической обработки записей РР, которые используются для более точного анализа звучащей РР. На этой основе в 2007 году начался проект Санкт-Петербургского государственного университета «Один речевой день». Работа далека от завершения, однако уже обнаружила много интересных результатов (см., напр., [Богданова 2010], [Рыко, Степанова 2010]). Таким образом, можно говорить о начале нового периода в изучении РР в устной его разновидности.

В последнее десятилетие появились отдельные работы и в области спонтанной письменной РР, однако они носят пока фрагментарный характер. Так, электронной переписке посвящена ста-

тья Анны А. Зализняк [Зализняк 2006], а особенности языка чатов затрагиваются в монографии Г. Н. Трофимовой [Трофимова 2004] и статьях [Гусейнов 2000], [Иванов 2000], [Нестеров, Нестерова 2000], [Литневская, Бакланова 2005]; интернет-дневники (блоги) описаны в диссертации [Бао Янь 2008]; смс-общению посвящена статья [Сидорова 2006]; «аффтарский» язык описан, например, в статьях [Мокробородова 2006], [Князев, Пожарицкая 2007], [Дедова 2007], [Литневская 2010]. Настоящее исследование, как хотелось бы надеяться, послужит системному изучению письменных форм РР.

1.2. РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ С ПОЗИЦИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ

1.2.1. Вопрос о сущности и количестве функциональных стилей

Разработка основных теоретических положений РР была теснейшим образом связана с активизацией исследований по функциональной стилистике.

Стилистика как самостоятельная научная лингвистическая дисциплина русистики начала формироваться в начале XX века (особенно в 20-е годы) в работах А.М. Пешковского ([Пешковский 1930]), Г.О. Винокура ([Винокур 1925], [Винокур 1941]), Л.В. Щербы ([Русская речь 1923]) и др. Так, Л.В. Щерба писал: «Развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом» [Щерба 1939: 23].

Однако основы функциональной стилистики как целостного направления лингвистического исследования заложены в 50-е годы: в 1954 году журнал «Вопросы языкознания» (№№ 1-6) провел открытую дискуссию, представленную десятью статьями разных исследователей ([Пиотровский 1954], [Сорокин 1954], [Будагов 1954], [Гальперин 1954], [Степанов 1954], [Адмони, Сильман 1954], [Федоров 1954], [Левин 1954], [Ильинская 1954]). Наиболее значимые положения этой дискуссии были обобщены «Вопросами языкознания» в редакционной статье В.В. Виноградова «Итоги обсуждения вопросов стилистики» ([Виноградов 1955]).

Мысль о необходимости рассмотрения языка в аспекте его функционирования стала достоянием русистики достаточно давно. Так, Г.О. Винокур пишет: «Язык вообще есть только тогда, когда он употребляется» [Винокур 1959: 221]. М.Н. Кожина в учебнике по стилистике русского языка в явном виде формулирует, что «только понимание языка как единства системы и ее функционирования способно объяснить в полной мере коммуникативную его природу» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 15]. Соответственно общую стилистику М.Н. Кожина подразделяет на «стилистику ресурсов» (исследование внеконтекстуальных возможностей языка) и функциональную стилистику (исследование закономерностей употребления языка в различных сферах общения) [Там же: 35].

Вопрос о сущности функциональных стилей, основаниях для их выделения и даже о количестве этих стилей до сих пор оказывается дискуссионным. Общеизвестным, в известной мере «классическим» является определение, данное В.В. Виноградовым: «Стиль — это общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73].

В ряде исследований понятие функционального стиля применяется суженно. Так, например, Д.Н. Шмелев опирается на понятие «функциональная разновидность языка» [Шмелев 1977], отказывая в статусе функционального стиля и языку художественной литературы, и разговорной речи. Этой же точки зрения придерживаются авторы учебника для вузов «Культура русской речи» под редакцией Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева [Культура русской речи 2001].

Традиционная классификация, опирающаяся в первую очередь на работы В.В. Виноградова, включает следующие функциональные стили: 1) научный, 2) официально-деловой (объединяющий изначально предложенные В.В. Виноградовым официально-документальный и обиходно-деловой стили), 3) публицистиче-

ский (в терминологии В.В. Виноградова – газетнопублицистический), 4) художественный (по Виноградову, художественно-беллетристичестический), 5) обиходно-бытовой (разговорный, разговорно-обиходный).

Подобная же классификация представлена в книгах [Солганик 2003], [Григорьева 2000] и многих других.

Несмотря на традиционность данной классификации, она не представляется незыблемой. Так, А.А. Кибрик пишет, что «эта классификация очевидно неполна, и нетрудно назвать целый ряд ф-стилей, не вписывающихся в данный перечень, например, юридический, политический, коммерческий, криминальный, религиозный...» [Кибрик 2009: 13].

Большинство исследователей подходит к расширению состава функциональных стилей весьма осторожно, однако в последнее время в современной русистике состав функциональных стилей расширился благодаря реализации мнения Л.П. Крысина о необходимости выделения религиозно-проповеднического стиля ([Крысин 1996]). Идея была поддержана частью лингвистов; так, например, А.Д. Шмелев не только не отрицает правомерность введения в классификацию этого стиля, но и рассматривает собственно языковые особенности различных видов религиозного дискурса ([Шмелев 1999], [Шмелев 2007]).

М.Н. Кожина и В.А. Салимовский в учебнике для вузов «Стилистика русского языка» также дополняют пятичленную классификацию этим шестым стилем, называя его «церковнорелигиозным» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 412-432]. Однако авторы отмечают при этом, что «функциональностилевое расслоение речи не сводится, естественно, к шести основным стилям» [Там же: 125].

Выделение функционального стиля возможно только в том случае, когда ему соответствуют специальные языковые и речевые средства, не присущие другим выделяемым функциональным стилям. Эта мысль о «семантически замкнутых, экспрессивно ограниченных и целесообразно организованных системах средств выражения» была в явном виде сформулирована В.В. Виноградовым еще в 1946 году ([Виноградов 1946: 225]) и стала опорной в дискуссии о функциональных стилях середины 50-х годов. Так,

И.Р. Гальперин пишет, что «осознанным представляется факт наличия в языках, имеющих длительную историю развития письменной культуры, определенных, более или менее замкнутых систем, отличающихся друг от друга особенностями использования языковых средств» [Гальперин 1954: 76].

Какие коммуникативные параметры речи вызывают употребление тех или иных языковых средств? Здесь у исследователей нет единодушия в установлении их состава и иерархии.

М.Н. Кожина, придерживаясь в целом виноградовской традиции понимания функциональной стилистики, высказывает следующее соображение: «Стилистическими оказываются те свойства организации текста, которые преследуют (и достигают) цели целесообразности, выразительности, эффективности высказывания в соответствии с комплексом его экстралингвистических основ, включая содержание» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 30].

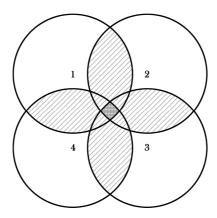
Что такое «содержание текста»? В.П. Григорьев пишет, что «не вчера возникла полемика по вопросу о том, как связаны друг с другом понятия стиля и содержания <...> Едва ли найдутся два филолога, которые, обсуждая этот вопрос, придут к единому для обоих решению. Предпочтительной кажется та точка зрения, согласно которой «содержание текста» если не целиком и буквально «входит в стиль», то определяет его как стилевая доминанта» [Григорьев 2007: 141-142].

В первую очередь, по М.Н. Кожиной, в понятие содержания текста входит его тематика: «Собственно, коммуникативная цель и весь смысл, значение стилистического в речи и направлены на наиболее целесообразное и эффективное донесение содержания до адресата <...> Это тот случай, когда граница между лингвистическим и экстралингвистическим теряется, и экстралингвистическое в известном смысле становится лингвистическим» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 31]. Аналогичные мысли были высказаны Д.Н. Шмелевым в [Шмелев 1977].

Подобный подход применяется и в исследовании О.А. Лаптевой «Русский разговорный синтаксис» (1976): «С функциональным признаком связана прикрепленность и стиля, и устноразговорной разновидности к известной тематической сфере,

вернее, тематическому циклу» [Лаптева 1976: 12]. Однако тематическая сфера определяет этот выбор не вполне однозначно, поскольку в противном случае не было бы возможности обращения к нейтральным языковым средствам. «Каждый тематический цикл имеет свой центр, где наиболее характерно представлены его тематические особенности, и периферию, где они менее заметны и переходят или в сферу нейтральных тем, или в сферу иного тематического цикла. С центром тематического цикла связана наиболее прочная прикрепленность определенных языковых средств, с его периферией – наиболее слабая, допускающая поиски иных, общелитературных синонимических средств» [Лаптева 1976: 13].

О.А. Лаптева схематично представляет тематические циклы в виде пересекающихся кругов, где зона 1 обозначает обиходнобытовые сюжеты, зона 2 – публицистические сюжеты, 3 – научные сюжеты, 4 – канцелярско-деловые сюжеты, а заштрихованная часть – сферы совмещения речевых средств, обслуживающих два и более тематических цикла, в том числе сферу нейтральных средств [Лаптева 1976: 13]:

О.А. Лаптева исключает из рассмотрения стиль художественной литературы, поскольку «язык художественной литературы – явление чрезвычайно сложное, выходящее за пределы обычного функционального стиля» [Там же: 63].

Как мы видим, автор оговаривает принципиальную возможность оформления определенной темы средствами не только сродственного ей функционального стиля, но и нейтральными средствами и даже средствами другого функционального стиля.

Другой подход к выделению основополагающего признака содержания функционального стиля, опираясь на некоторые положения В.В. Виноградова, высказывает О.С. Ахманова. В своем «Словаре лингвистических терминов» она дает следующее определение: «Стили функциональные. — Стили, дифференцируемые в соответствии с основными функциями языка — общения, сообщения и воздействия — и классифицируемые следующим образом: стиль научный — функция сообщения, стиль обиходно-бытовой — функция общения, стиль официально-документальный — функция сообщения, стиль публицистический — функция воздействия, стиль художественно-беллетристический — функция воздействия» [Ахманова 2004: 456].

Развитие идей О.С. Ахмановой представлено в исследованиях А.А. Липгарта ([Липгарт 1994], [Липгарт 1996], [Липгарт 2004] и др.) и А.И. Комаровой ([Комарова 2004]). Так, А.А. Липгарт отмечает, что «функции общения на семантическом уровне соответствует некий устойчивый и обширный набор лексических единиц, не называющих узко-специальные понятия (функция сообщения) и не обладающих ингерентными коннотациями (функция воздействия) <...> При реализации этой функции языка языковые единицы остаются «равными себе», их контекстуальная сочетаемость в рамках лексико-фразеологических и морфосинтаксических моделей не ограничивается и не расширяется, а также не наблюдается функционально-стилистической переориентации их употребления» [Липгарт 2004: 41].

Этот подход, как и предыдущий, также не представляется универсальным, поскольку «невозможность дать классификацию стилей на основе функций языка связана с тем, что они обычно присутствуют в каждом речевом акте» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 123]. На примере языка художественной литературы подобная мысль была высказана еще В.В. Виноградовым: «Язык искусства – это система художественных форм, их значе-

ний и функций. В художественной литературе эта система возникает на основе синтеза коммуникативной функции литературного и народно-разговорного языка с функцией выразительной и изобразительной» [Виноградов 1959: 110-111].

Какова бы ни была иерархия тематики и функции коммуникации внутри понятия «содержание высказывания», функциональные стили не существовали бы, если бы не сформировались определенные общественно осознанные типовые способы передачи этого содержания.

Одно из существенных условий возможности реализации этих типовых способов передачи содержания связано с понятие коммуникативной ситуации. Установление иерархических отношений между факторами содержания высказывания и коммуникативной ситуации представляется не только сложным, но и неоправданным, так как они действуют совместно: «При этом различие между ними (в препарированном, так сказать, виде) состоит в том, что фактор темы прежде всего обусловливает обращение к определенному комплексу средств, а фактор ситуации — саму возможность употребления того или иного средства» [Лаптева 1976: 59].

Фактор ситуации включает, как нам представляется, два основных компонента: 1) фактор адресата, 2) официальность / неофициальность ситуации. (Е.А. Земская доводит число этих факторов до 16, в чем будет сказано далее.)

При этом первостепенное значение для выбора коммуникативных средств имеет фактор адресата. В работе этого фактора обнаруживаются два основных момента: общность апперцепционной базы адресанта и адресата и отношения между коммуникантами.

Ю.М. Лотман в статье «Текст в процессе движения: автор – аудитория, замысел – текст» пишет: «Общение с собеседником возможно лишь при наличии некоторой общей с ним памяти. Однако в этом отношении существует принципиальные различия между текстом, обращенным «ко всем», т.е. к любому адресату, и тем, который имеет в виду некоторое конкретное и лично известное говорящему лицо. В первом случае объем памяти адресата конструируется как обязательный для любого, говорящего на

данном языке и принадлежащего к данной культуре. Он лишен индивидуального, абстрактен и включает в себя лишь некоторый несократимый минимум. естественно, что чем беднее память, тем подробнее, распространеннее должно быть сообщение, тем недопустимее эллипсисы и умолчания, риторика намеков и усложненных прагматико-референциальных отношений. Такой текст конструирует абстрактного собеседника, носителя лишь общей памяти, лишенного личного и индивидуального опыта. Он обращен ко всем и к каждому. Иначе строится текст, обращенный к лично знакомому адресату, к лицу, обозначаемом для нас не местоимением, а собственным именем. Объем его памяти и характер ее заполнения нам знаком и интимно близок. В этом случае нет никакой необходимости загромождать текст ненужными подробностями, достаточно отсылок к памяти адресата» [Лотман 1996: 87-88]. В статье «Механизмы диалога» Ю.М. Лотман отмечает, что, помимо общего для собеседников кода, «необходимо еще одно условие: взаимная заинтересованность участников ситуации в сообщении и способность преодолеть неизбежные семиотические барьеры» [Там же: 193].

Авторы «Фонетики спонтанной речи» (1988) связывают фактор адресата и с параметром официальности отношений адресанта и адресата: «Большое значение имеют отношения между коммуникантами. Разговор между друзьями, членами одной семьи и т.п. будет строиться во многом не так, как между чужими людьми (особенно если разговаривающие существенно различаются по возрасту) или между подчиненным и начальством» [Фонетика спонтанной речи 1988: 6].

Описание функциональных стилей является, таким образом, многоуровневым — от экстралингвистического к собственно лингвистическому. Так, М.Н. Кожина использует в своей работе следующий алгоритм описания каждого функционального стиля:

- 1) сфера общения и речевой деятельности,
- 2) соответствующая форма общественного сознания,
- 3) общие специфические черты стиля, его коммуникативнопознавательные особенности (в том числе содержание текста),
- 4) комплекс языковых средств разных уровней, обусловленный внеязыковыми факторами,

- 5) структура и композиция текстов данного функционального стиля,
- 6) жанровая стратификация стиля [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010].

Помимо этого, во множестве работ (в том числе в школьных учебниках) при описании функциональных стилей используются параметры официальности / неофициальности, подготовленности / спонтанности, устной / письменной формы организации и др.: «Стиль формируется в результате функционирования языка в конкретном высказывании под воздействием экстралингвистических факторов» [Там же: 121].

В современной русистике достаточно распространенной является полевая теория функциональных стилей. Согласно теории полевого структурирования, у каждого стиля есть центр и периферия; центр составляют тексты, наиболее полно отражающие специфику данного стиля, на периферии же наблюдается взаимодействие и пересечение стилей, а тексты периферийных зон имеют «видоизменения и наслоения» [Там же: 125]. Подход полевого структурирования положен в основу исследования О.А. Лаптевой. Выше была приведена принятая ею схема тематических циклов как окружностей с зонами пересечения. В центре тематического цикла (и, соответственно, функционального стиля) находятся специфические, принципиально не имеющие эквивалента языковые средства, периферия же обслуживается преимущественно общелитературными средствами, легко вступающими в отношения внутристилевой синонимии: «Чем ближе тема речи к общелитературному запечатлению, чем свободнее речь относительно как конкретно-предметной, так и общеречевой ситуации, тем реальнее становится возможность перейти на общелитературный эквивалент» [Лаптева 1976: 15]; в данных случаях возможна также замена периферийных средств одного стиля не только на общелитературные средства, но и на периферийные средства другого стиля.

Таким образом, по Лаптевой, центр каждого функционального стиля обслуживается системой языковых средств, способных составлять определенные наборы с определенной синтагматикой и парадигматикой; причем появление одних языковых средств

служит сигналом того, что высока степень появления других языковых средств данного стиля. При этом общелитературная основа представлена в каждой функциональной разновидности литературного языка (подробнее об этом будет сказано далее).

1.2.2. Стилистика текста. Стиль и жанр

На протяжении всего XX века интерес к тексту неуклонно возрастал, и можно без преувеличения сказать, что на сегодняшний день именно текст является основным объектом лингвистического исследования. Тем не менее сколько-нибудь единообразного определения текста по сей день не существует; исследователи последовательно выделяют различные признаки текста, так и не складывающиеся в единую систему.

Ю.М. Лотман в статье «Текст в тексте» (1981) отмечает, что в соотнесении понятий «язык» и «текст» существуют два подхода. При первом подходе «язык предшествует тексту, текст порождается языком», вследствие чего возникает «представление о языке как о замкнутой системе, которая способна порождать бесконечно умножающееся множество текстов» [Лотман 1981б: 3-4]. При втором подходе «текст мыслится как отграниченное, замкнутое в себе конечное образование», поскольку «текст дается коллективу раньше, чем язык, и язык «вычленяется» из текста» [Там же: 4-5]; эта же точка зрения представлена в работах И.И. Ревзина и О.Г. Ревзиной.

Как известно, само понятие «текст» Ю.М. Лотман понимает чрезвычайно широко: «Культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» [Там же: 18]

При определении текста в узком, собственно лингвистическом понимании можно идти в двух направлениях — от его формы и от его содержания.

В лингвистике текста наиболее распространен подход к определению текста «от формы». В этой традиции наиболее существенным параметром текста становится его связность, а текст рассматривается как замкнутая автономная структура. Так, например, И.Р. Гальперин определяет текст очень строго: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершен-

ностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка), и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 74]. Как мы понимаем, этому определению текста не соответствуют не только устные тексты, но и большое количество текстов письменных.

Однако в лингвистике есть и богатая традиция определения текста как продукта речевой деятельности. Так, А.И. Горшков пишет, что «текст есть феномен употребления» [Горшков 2000: 53]; близкую формулировку использует и В.Г. Костомаров: «Текст – продукт, любой результат любого общения» [Костомаров 2005: 36]. Н.Д. Арутюнова в ЛЭС также связывает понятия речь и текст и употребляет их почти синонимично ([ЛЭС 1990: 14]). Это подход «от содержания», который долгое время был принят почти исключительно в психолингвистике; в нем на первый план выдвигается такой признак текста, как цельность.

Между первым и вторым подходами есть целый ряд промежуточных. О.Г. Ревзина цитирует, например, такое определение текста, как «предметно-знаковое звено акта речевой коммуникации, представляющее собой сопряженную модель коммуникативных деятельностей участников речевой коммуникации» [Сидоров 2009: 151]. Как мы видим, в этом определении текст является собой не самостоятельную и самоценную сущность, а лишь звено-посредник в акте коммуникации. Такой подход тоже, разумеется, имеет право на существование.

О.Г. Ревзина в конце своей статьи «Текст: ускользающий объект» (2010) пишет: «Наука, как известно, ищет закономерности, и получается, что главная закономерность текста состоит в его единичности. Этой своей характеристики текст не уграчивает никогда и именно от нее не ускользает» [Ревзина 2010: 13].

Текстоцентричность породило во второй половине XX века такое направление, как «стилистика текста». Не все исследователи соглашаются с выделением этого направления лингвистического исследования как самостоятельного, поскольку и предмет, и методы исследования, и изучаемые единицы стилистики текста

и функциональной стилистики в основном совпадают. М.Н. Кожина дает такое определение этому направлению исследований: «Стилистика текста – это круг (аспект) лингвистических исследований, изучающих структурно-смысловую организацию текста (группы текстов): его композиционно-стилистические типы и формы, конструктивные приемы и в целом функционирование в нем системы текстовых (преимущественно) и дотекстовых единиц, их ролей в «построении» и выражении содержания конкретного произведения, его стилевого своеобразия. Обычно все это изучается с целью углубленного прочтения (интерпретации) содержания анализируемого текста» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 54]. Как мы видим, авторы дают чрезвычайно пространное определение этому направлению исследований, в неявном виде утверждая, что данное направление смыкается не только с функциональной стилистикой, но и со стилистикой художественной литературы.

Вопрос о жанрах как объекте не литературоведческого, а лингвистического анализа также не имеет общепринятого решения. Так, например, М.М. Бахтин определяет жанры как относительно устойчивый тип высказываний, выработанный той или иной сферой использования языка ([Бахтин 1986: 250]), М.В. Панов под речевыми жанрами понимает «относительно устойчивые типы сочетания слов разных стилистических групп в пределах одного текста» [Панов 2007: 52], а Л.П. Крысин пишет, что «речевой жанр представляет собой совокупность речевых произведений (текстов или высказываний), обладающую, с одной стороны, специфическими чертами, отличающими данный жанр от остальных, а с другой – определенной общностью, которая обусловлена принадлежностью некоторой группы жанров одному функциональному стилю» [Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация 2003: 45]; иные определения жанра см., напр., [Арутюнова 1999], [Антонов 1994], [Ивин 1984] [Седов 2004]. Это многообразие понимания термина, однако, не мешает русистам активно пользоваться понятием жанра в своих научных работах, а «рядовым» носителям языка – использовать жанровые каноны на практике.

Польский лингвист Ст. Гайда высказывает следующие соображения: «Обиходное понятие жанра складывается под воздействием группы свойств текстов. Эти признаки — прагматические, семантические и синтаксические (в семиотическом языке) — своею повторяемостью институализируются, а тексты создаются и воспринимаются через отношение к норме, которую диктует такая институционализация. Итак, жанр функционирует как горизонтальные ожидания для слушающих и модель создания для говорящих» [Гайда 1980: 25].

1.2.3. Статус РР с позиций функциональной стилистики

В функциональной стилистике понятия обиходно-бытового стиля, разговорного стиля, разговорной речи и разговорного языка в большинстве случаев отождествляются. (В специальных исследованиях по РР — коллоквиалистике — отождествление обиходно-бытового стиля, разговорного стиля, РР и разговорного языка происходит далеко не всегда.)

В учебнике «Культура русской речи» под редакцией Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева авторы вслед за Д.Н. Шмелевым разграничивают понятия функционального стиля и функциональной разновидности языка; функциональными стилями они считают официально-деловую, научную и публицистическую речи, а язык художественной литературы и разговорную речь - отдельными от стилей функциональными разновидностями [Культура русской речи 2001: 19]. Несложно заметить, что представленная классификация все равно определенным образом сополагает все приведенные выше разновидности, а в статусе стиля отказывает РР потому, что «особенности разговорной речи нигде не фиксируются <...> Поэтому разговорная речь противопоставляется как некодифицированная всем другим кодифицированным разновидностям языка» [Там же: 21]. Тем не менее авторы наряду с другими функциональными стилями описывают РР исходя из единого алгоритма: спонтанность / подготовленность, непосредственность / опосредованность, официальность / неофициальность, наличие / отсутствие базы фоновых знаний адресата и адресанта, а также собственно лингвистические поуровневые характеристики.

М.Н. Кожина, рассматривая разговорно-обиходный стиль, называет его и разговорным стилем речи [Кожина, Дускаева, Сали-

мовский 2010: 433], и просто разговорной речью [Там же 2010: 434], т.е. не разграничивает эти понятия. Одним из функциональных стилей считают РР и В.Г. Костомаров ([Костомаров 1965]), и А.Н. Васильева ([Васильева 1972]), и В. Барнет ([Барнет 1985]).

При этом некоторых работах по функциональной стилистике разговорный стиль дробится на два подстиля в зависимости от обстановки общения: первый — «официальный» (разговорноофициальный подстиль) и второй — «неофициальный» (разговорно-бытовой подстиль) [Плещенко, Федотова, Чечет 2001: 23].

Необходимо отметить, что описание PP (разговорного стиля) в работах по функциональной стилистике, как правило, опирается на сведения о PP, полученные в результате специальных исследований коллоквиалистики. Так, дадим краткую характеристику PP на основе достаточно небольшого раздела «Разговорная речь» пособия О.Н. Григорьевой «Стилистика русского языка» (2000).

В РР преобладают две основные функции: коммуникативная (передача и получение информации) и фатическая (поддержание контакта) [Григорьева 2000: 31]. Для разговорной речи характерны: 1) стандартность, 2) стереотипность использования языковых средств, 3) их неполноструктурная оформленность на синтаксическом, морфологическом и фонетическом уровнях, 4) прерывистость и непоследовательность речи с логической точки зрения, 5) ослабленность синтаксических связей между частями высказывания или их неоформленность, 5) разрывы предложения разного рода вставками, 6) повторы слов и предложений, 7) широкое употребление средств с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окраской, 8) активность языковых единиц конкретного значения, 9) пассивность единиц с отвлеченно-обобщенным значением.

Общая характеристика РР, выделяемая в работах по стилистике, выглядит так:

- сфера применения быт,
- доминирующая функция фатическая (установление и поддержание контакта),
- тип отношений между участниками диалога/полилога неофициальные,

- степень подготовленности спонтанная, неподготовленная,
 - наличие ограничений свободная,
 - круг тем неограниченный,
 - преобладающая форма речи устная,
 - форма изложения личная,
- особенности значения слов размытость, многозначность и конкретность одновременно,
- выражение оценочности косвенное и прямое, конкретное,
 - степень эмоциональности максимальная,
 - степень экспрессивности высокая.

О традициях описания PP в работах по коллоквиалистике нами будет сказано далее.

1.3. РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ С ПОЗИЦИЙ ОРТОЛОГИИ

1.3.1. Литературный язык как ядро национального языка. Норма кодифицированная и узуальная

Русский национальный язык, ядро которого составляет литературный язык, содержит и территориальные диалекты, и городское просторечие, и жаргоны разного рода — как профессиональные, так и социальные (эти разновидности национального языка называют обычно внелитературными).

По справедливому утверждению В.В. Виноградова, «анализ стилистических явлений опирается на понятие нормы языка и ее возможных вариаций – как свободных, так и функционально обусловленных» [Виноградов 1955: 66]. Однако при рассмотрении проблем нормативности РР исследователи часто исходят из разного понимания нормы.

Как известно, термин «норма» лингвисты используют в двух смыслах — широком (узуальная норма) и узком (кодифицированная норма). Так, Л.П. Крысин, известный своими исследованиями в этой области, пишет, что «в широком смысле под нормой подразумевают такие средства и способы речи, которые стихийно, спонтанно формировались в течение многих веков и которые

обычно отличают одну разновидность языка от других. <...> В узком смысле норма – это результат кодификации языка. Разумеется, кодификация опирается на традицию существования языка в данном обществе, на какие-то неписаные, но общепринятые способы использования языковых средств. Но важно при этом, что кодификация – это целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения. Результаты кодифицирующей деятельности - а этим занимаются главным образом лингвисты – отражаются в нормативных словарях и грамматиках. Норма как результат кодификации неразрывно связана с понятием литературного языка, который иначе и называют нормированным, или кодифицированным. Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации. <...> Источники обновления литературной нормы многообразны. Прежде всего, это живая, звучащая речь. Она подвижна, текуча, в ней совсем не редкость то, что не одобряется официальной нормой, - необычное ударение, свежее словцо, которого нет в словарях, синтаксический оборот, не предусмотренный грамматикой. При неоднократном повторении многими людьми новшества могут проникать в литературный обиход и составлять конкуренцию фактам, освященным традицией» [Крысин 2005: 36-37].

Таким образом, здесь в явном виде Л.П. Крысин выражает мысль, что норма в широком понимании этого термина присуща диалектам и городскому просторечию. Далее в данной статье автор использует термин «норма» только в узком его понимании, выражая при этом в неявном виде мысль, что живая РР находится вне норм такого рода, хотя и служит часто источником их пополнения

Обобщая свои представления о норме как стабилизирующем факторе литературного языка, Л. П. Крысин пишет, что, «как ни многообразен литературный язык в функциональностилистическом отношении, от других подсистем современного русского национального языка он отличается рядом присущих ему в целом лингвистических свойств, которые необходимо перечислить:

- 1) последовательная функциональная дифференцированность средств и связанная с этим постоянно действующая тенденция к функциональному разграничению вариантов (которые есть на каждом этапе развития литературного языка);
- 2) коммуникативная целесообразность нормы (это свойство естественным образом вытекает из членения языка на функциональные стили и речевые жанры);
- 3) литературная норма является результатом не только традиции, но и целенаправленной кодификации; в связи с этим:
- 4) стабильность и известный консерватизм нормы, ее медленная изменяемость: норма должна отставать от развития живой речи (ср. известный афоризм А.М. Пешковского: "Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет")» [Крысин 2004: 339-340],

1.3.2. К вопросу о «нормах языка» и «нормах речи»

Проблемам норм посвящено множество специальных исследований, рассматривающих нормы как в статическом (системном), так и в динамическом (эволюционном) отношении; это [Виноградов 1964], [Горбачевич 1978], [Горбачевич 1989], [Граудина 1980], [Ицкович 1970], [Ицкович 1982], [Ожегов 1974], [Розенталь 1974], [Скворцов 1980], [Чернышев 1970] и многие другие. Только список научных трудов Л.П. Крысина, в большей своей части состоящий из работ, посвященных языковой норме, составляет более 300 наименований. Проблемы ортологии никогда не теряют своей актуальности в силу устройства, развития и изменчивости самого языка.

К настоящему времени ортология надежно вписана в единый контекст с такими разделами лингвистики, как риторика, функциональная стилистика, теория текста, теория коммуникации и социолингвистика, а совокупность ортологии и речевого этикета составляют отдельную научно-педагогическую дисциплину «Культура речи».

В нашей работе мы не ставим цели провести хотя бы поверхностный анализ этих работ, поскольку теория норм нас интересует преимущественно с точки зрения составления типологии и стратификации стилистических (стилеобразующих) норм. Не все языковые нормы имеют отношение к стилистике; нас будут в

дальнейшем интересовать только те языковые нормы, которые актуальны для употребления языковых единиц в текстах разных стилей.

Для середины и второй половины XX века характерно стилистическое разграничение «норм языка» на дотекстовом уровне и «норм речи» на текстовом уровне, что, в частности, нашло отражение в теории и практике школьного преподавания и выразилось в понятиях «правильная речь» и «хорошая речь» (подробнее об этом будет далее). Так, Э.Г. Ризель разграничивает языковые стилистические нормы как «кодируемые списки средств, наиболее частотных в стилях», и речевые стилистические нормы — «нормы построения целого текста и его частей» [Проблемы лингвистической стилистики 1969: 117-118]. А.Н. Васильева в «Курсе лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи» (2005) также пользуется понятием речевой нормы; при этом справедливо утверждая, что речевые нормы могут устанавливаться дифференцированно для каждого стиля ([Васильева 2005: 22]).

Однако необходимость интеграции и стратификации этих типов норм давно стала очевидной. Так, С.И. Ожегов определяет
норму как «совокупность наиболее пригодных («правильных»,
«предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка,
складывающуюся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических)
из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь
или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» [Ожегов
1974: 259-260], а В.А. Ицкович отмечает, что «норма – это существующие в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива языковые единицы и закономерности их употребления» [Ицкович 1982: 8].

М.Н. Кожина объединяет языковую и речевую норму в пределах следующего определения: «Стилистические нормы – это исторически сложившиеся и вместе с тем закономерно развивающиеся общепринятые реализации заложенных в языке стилистических возможностей, обусловленные целями, задачами и содержанием речи определенной сферы общения; это правила наибо-

лее целесообразных в каждой сфере общения реализаций принципов отбора и сочетания языковых средств, создающих определенную стилистико-речевую организацию» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 154].

Е.С. Кара-Мурза в статье «Проблемы преподавания функциональной стилистики рекламы» (2007) и докладе «Конфликт норм как объект теории культуры речи» (2010) предпринимает попытку дать общую стратификацию норм русского языка от строевых до коммуникативных:

ЛИТЕРАТУРНЫЕ (ЯЗЫКОВЫЕ) НОРМЫ:

VIIIIEIIIIVII	JITTELAT FITIBLE (MSBIROBBLE) HOT MIBI.				
Уровни языка	Единицы	Тип единиц			
синтаксический	сложное предло-	коммуникативные			
	жение				
	простое предло-				
	жение				
фразеологический	свободное слово-				
	сочетание	номинативные			
	фразеологизм				
лексический	слово				
морфологический	флексии				
словообразовательный	основы				
	форманты				
графический	буквы	строевые			
	знаки препинания				
фонетический	звуки				
	интонация				

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НОРМЫ:

Нормы номинации (прямое и переносное значение – троп). Нормы отбора номинативных и строевых единиц (функционально-стилистические нормы).

ЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ:

Операции	Законы	
операции с понятиями	закон тождества	
операции с суждениями	закон противоречия и исключен-	
операции с умозаключениями	ного третьего	
	закон достаточного обоснования	

КОММУНИКАТИВНЫЕ НОРМЫ:

Нормы формирования высказываний (речеактные: прямые и косвенные акты).

Логико-композиционные (риторические) нормы (речевые стратегии и тактики).

Текстопорождающие нормы (исходные и транспонированные жанровые формы).

Этикетные нормы (в бытовой и ритуальной коммуникации).

Дискурсивные нормы (для профессиональной коммуникации, в т.ч. рекламы).

Эстетические нормы (в художественной литературе и фольклоре).

Деонтологические, корпоративные нормы (в журналистике, рекламе, пиаре).

Законодательные ограничения (законы об интеллектуальной собственности, в т.ч. об авторском праве, о товарных знаках, законы о СМИ, рекламе и др.) [Кара-Мурза 2010].

Можно предъявить претензии к размещению логических норм в ряду норм языка и речи (хотя бы потому, что они носят универсальный и невариативный характер), однако очевидно, что только соблюдение и координация в высказывании всех типов норм служит условием создания не только «правильного», но и «хорошего» текста.

1.3.3. Текст в аспекте функционально-коммуникативных позиций ортологии. Жанровый канон как инвариант (прототипическая единица) текста

Традиционное разграничение стилистических норм языка и речи базируется во многом на представлении о том, что текст – основной объект функциональной стилистики – является не языковой, а речевой единицей. Ссылаясь на высказывание Э. Бенвениста о том, что «сегментировать предложение мы можем, мы не можем сделать его интегрантом какой-либо другой единицы более высокого уровня» [Бенвенист 1974: 138], Н.К. Онипенко отмечает, что в описательной (традиционной) лингвистике «языковая система «герметизируется»: текст рассматривается как поставщик объектов для лингвистики, но сам объектом грамматики не признается» [Онипенко 2010: 69].

Однако представляется, что исследование текста в рамках традиционной, а не только функциональной лингвистики вполне возможно и оправданно. В традиционной лингвистике принято противопоставление ряда «эмических» (прототипических) единиц, принадлежащих языку, ряду «этических» единиц, являющихся их реализацией в речи в определенных позициях.

Идея выделения абстрактной языковой единицы, получающей конкретную реализацию в тексте, применятся М.Н. Кожиной в отношении научного стиля (она называет ее функциональностилистически-семантической категорией (ФССК) [Очерки истории научного стиля... 1998]) и Е.С. Кара-Мурза в отношении рекламных текстов ([Кара-Мурза, Лейчик 2003], [Кара-Мурза 2007]). Такой подход к тексту кажется нам продуктивным.

О.В. Кукушкина в монографии «Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах» (1998) справедливо отмечает, что «текст – это продукт единого процесса речемыслительной деятельности. Это результат порождения мысли (осмысления) и уточнения и опосредования этой мысли путем подбора пригодных для ее передачи языковых средств <...> Взаимосвязь между продуктами языковой и ментальной деятельности можно, как нам представляется, охарактеризовать следующим образом: типовой способ осмысления закрепляется в общественном сознании как типовой способ описания» [Кукушкина 1998: 4-5]. В более общем виде эта мысль выражается достаточно часто; так, например, Л.П. Крысин пишет: «В культурной среде всякого общества вырабатываются определенные формулы, которые обслуживают общение людей в часто повторяющихся, стереотипных ситуациях» [Современный русский язык... 2003: 491].

Безусловно, выявление и описание прототипических моделей текстов разных стилей и жанров представляются достаточно трудной задачей – в первую очередь потому, что, как справедливо отмечает О.Г. Ревзина, главная закономерность текста состоит в его единичности» [Ревзина 2010: 13]: каждый текст, и не только художественный уникален и тем самым неповторим. Однако, как известно, для исследований последнего времени характерно укрупнение объекта стилистического анализа: это уже не только текст, но и дискурс – текст в речедеятельном контексте, т.е.

«связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [Арутюнова 1990: 136]. Дискурсивные параметры и являются теми позициями, которые позволяют выделить «надтекстовую» абстрактную языковую единицу, получающую реализацию в речи в виде конкретных текстов.

В качестве абстрактной («эмической», прототипической) текстовой единицы нам представляется логичным использовать термин жанровый канон. В пределах жанровых канонов объединяются представления говорящих / слушающих о всех типах норм — от норм произношения / написания через нормы словоупотребления и сочетания (с учетом соотносительности этих средств с определенной тематикой и коммуникативной ситуацией) вплоть до типовой композиции. Иными словами, понятие жанрового канона позволяет интегрировать все три измерения текста — формальное, семантическое и функциональное, причем использование этого понятия позволяет анализировать речь-текст как в семасиологическом аспекте (жанровый канон как модель и образец для создания собственного высказывания), так и в ономасиологическом аспекте (представление о жанровых канонах как основа для восприятия текста и его оценки адресатом).

В русистике подобная прототипическая текстовая единица в явном виде не выделялась, хотя, собственно говоря, само выделение функциональных стилей и жанров — не что иное, как поиск инвариантных форм для выражения определенного содержания в определенных коммуникативных условиях. Однако термин «жанр» нам представляется метаязыковым, поэтому для описания конкретных шаблонов мы выбрали термин «жанровый канон».

Конкретной реализацией жанровых канонов являются тексты во всей их индивидуальности. Отклонения в конкретном тексте от жанровых канонов квалифицируются адресатом или как речевая ошибка, или как результат языковой игры, или как идиостиль конкретного носителя языка.

Так, например, в романе «Эта горькая сладкая месть» Дарьи Донцовой приводится следующий диалог:

– Признаёте, что данный гражданин пришел к вам вчера около двадцати двух часов с целью проведения времени, а потом

покинул принадлежащую вам квартиру посредством спуска в мусоропровод? — сурово спросил участковый.

Я вздрогнула. Нет, все-таки они ужасно разговаривают. Неужели нельзя по-человечески?

– Ой, конечно, признаю. Думала, убился насмерть.

В качестве фрагмента художественного произведения этот пример являет собою стилевую языковую игру, однако надо заметить, что подобное речевое поведение, встреться оно нам в действительности, было бы квалифицировано нами как стилистическая речевая ошибка.

1.3.4. Нормализация и кодификация языка

1.3.4.1. Соотношение нормализации и кодификации

Выше нами было сказано, что понятие нормы применимо ко всем разновидностям русского национального языка и что норма понимается исследователями не только сужено (кодифицированная норма), но и расширительно (узуальная норма). Изучение и описание норм в их динамике и статике в лингвистике принято обозначать термином «нормализация».

Так, Т.П. Плещенко и Н.В. Федотова в учебнике «Стилистика и культура речи» утверждают следующее: «Наиболее оптимальным является определение нормализации как процесса становления, утверждения нормы, ее описания, упорядочения языковедами. Нормализация представляет собой исторически длительный отбор из языковых вариантов единых, наиболее употребительных единиц. Нормализаторская деятельность находит свое отражение в кодификации литературной нормы — ее официальном признании и описании в виде правил (предписаний), в авторитетных лингвистических изданиях (словарях, справочниках, грамматиках). Следовательно, кодификация — это выработанный свод правил, который приводит в систему нормированные варианты, «узаконивает» их» [Плещенко, Федотова 2001: 17].

Нормализацию и кодификацию связывают между собой как систему соподчиненных явлений и Л.К. Граудина [Граудина 1980], и Л.И. Скворцов, который отмечает, что «понятия «кодификация» и «нормализация» оказываются в отношении соподчиненности: последняя является частью первой» [Скворцов 1980: 16].

В учебнике «Культура русской речи» под редакцией Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева отмечается, что «кодифицированные нормы литературного языка – это такие нормы, которым должны следовать все носители литературного языка. Любая грамматика современного русского литературного языка, любой его словарь есть не что иное, как его кодифицирование» [Культура русской речи 2001: 13].

Выше уже было приведено определение литературного языка, данное М.В. Пановым в статье «О литературном языке» (1972), где параметр «сознательно кодифицированный язык» ([Панов 2004: 89]) оценивается как один из основополагающих для литературного языка в целом.

Нормы литературного языка значительно менее вариативны, чем нормы внелитературных его разновидностей, и это отмечается многими исследователями: «В диалекте строение нормы часто такое: из пяти (предположим) вариантов, встречающихся в речи, разрешены (признаются в качестве нормы) один и другой и третий, остальные – отвергаются. В литературном же языке обычно так: признается верной в данных условиях общения, в данной разновидности литературного языка только одна возможность. В других условиях общения – другая возможность. Используется не меньше синонимов, произносительных вариантов и т.д., чем в диалекте, но они распределены по разным типам литературного языка» [Панов 2004: 91]. Как мы видим, М.В. Панов исходит из того, что нормы диалекта находятся в свободном варьировании, а нормы литературного языка – в отношениях дополнительной дистрибуции.

Итак, кодифицированность общепринята в качестве одного из основополагающих признаков литературного языка — в противоположность другим его разновидностям, называемым внелитературными.

Это очевидное для ортологии утверждение перестает быть таким очевидным, когда мы обращаемся к понятию нормы в контексте функциональной стилистики вообще и специального изучения РР в частности (на данном этапе исследования мы отождествляем понятия «разговорная речь» и «разговорный стиль языка»).

Общим в подходе к РР большинства исследователей является признание РР частью литературного языка (в противоположность диалектам, жаргонам и просторечию). Так, М.В. Панов рассматривает РР как безусловно принадлежащую литературному языку его разновидность: «Часто говорят, что эта раскованная и непринужденная речь находится за пределами литературного языка. На самом деле она разновидность последнего» [Панов 2007: 49-50].

Однако соотношение РР и КЛЯ видится разным авторам поразному.

Л.П. Крысин отмечает, что «разговорная разновидность литературного языка достаточно давно в науке о русском языке отграничивалась от книжной. Однако в последние десятилетия она получает интерпретацию как самостоятельная и самодостаточная система — внутри общей системы литературного языка, — со своим набором единиц и правилами их сочетания друг с другом <...> разговорный литературный язык не является предметом кодификации: в нем, безусловно, действуют определенные нормы <...> но эти нормы сложились исторически и никем сознательно не регулируются и не закрепляются в виде каких-либо правил и рекомендаций. Тем самым кодифицированность / некодифицированность — еще один, причем весьма существенный, признак, различающий книжную и разговорную разновидности литературного языка» [Современный русский язык... 2003: 43].

О.Б. Сиротинина с самых ранних своих работ ([Сиротинина 1966], [Сиротинина 1969], [Сиротинина 1974]) считает РР принадлежащей к литературному языку: РР – это «спонтанная устная литературная речь в условиях непринужденного неофициального непосредственного персонального общения» [РР в системе функциональных стилей 2009а: 3]. При этом РР ставится ею в один ряд с другими функциональными стилями и практически отождествляется с разговорным стилем: «РР – устная форма разговорного стиля» [РР в системе функциональных стилей 20096: 4].

Авторы «Русской разговорной речи» ([РРР 1973]), исходя из принятого ими общего противопоставления РР и КЛЯ, утверждают, что «РР и функциональные стили КЛЯ необходимо разграничивать, а не объединять»; при этом авторы используют понятие нормы в широком понимании и признают безусловную

узуальную нормативность РР при кодифицированной нормативности КЛЯ: «Словари и грамматики КЛЯ имеют давнюю традицию составления, тогда как РР только начинает изучаться; до сих пор нет ее полного словаря и грамматики» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1983: 21-22].

О.А. Лаптева также использует широкое понимание нормы – вне официальных средств ее кодификации: «С тех пор как автоматизм спонтанной устной речи стал считаться аксиомой, нормативный характер использования языковых средств, которыми она располагает, обычно не вызывает сомнений» [Лаптева 1976: 19]. При этом «норма не есть предписание извне, нормативными учебниками и справочной литературой. Она существует как равнодействующая коллективного языкового сознания и вместе с ним меняется. Нормативно все то, что входит в язык и закрепляется в нем» [Там же: 46]. Норма РР «сосуществует в пределах устно-разговорной разновидности литературного языка с общелитературной» [Там же: 20]. Все устное общение на литературном языке автор считает единой устно-разговорной его разновидностью, т.е. РР.

О.А. Лаптева отмечает важное отличие норм РР от норм КЛЯ: «Устно-разговорная литературная норма несравненно динамичнее кодифицированной, стремительнее в своем становлении и изменении. Вместе с тем ее отличительной особенностью является высокая степень облигаторности <...> Здесь быстрее происходят смены, речевые средства легче приобретают нормированный характер и легче исчезают. Это создает условия для возникновения своеобразных «возрастных» нормативных систем, которые могут совмещаться в пределах одной эпохи» [Там же: 26].

Иными словами, авторы специальных исследований по РР единодушны в мнении, что РР находится в зоне узуального, а не кодифицированного нормирования, однако из этого ими делаются разные выводы: Е.А. Земская и ее последователи выводят РР за пределы КЛЯ, О.Б. Сиротинина рассматривает РР как принадлежащий КЛЯ функциональный стиль, а О.А. Лаптева утверждает, что нормы РР кодифицированы лишь в той своей части, которая является «общелитературной», т.е., по нашей терминологии, совпадает с нейтралом.

Наша точка зрения по данному вопросу смыкается с точкой зрения О.А. Лаптевой и выводит нас на обобщения более универсального характера, касающиеся общих вопросов кодификации языковых средств с точки зрения их стилевого статуса.

1.3.4.2. К проблеме стилевой кодифицированности функциональных стилей

Как известно, разные языковые уровни обладают разным стилистическим потенциалом («стилистикой ресурсов»).

В наибольшей степени стилистическая дифференциация проявляет себя в лексике: все лексические единицы маркированы с точки зрения своего стилевого статуса.

Морфемно-словообразовательный уровень в стилевом отношении является вспомогательным: присоединение стилистически окрашенного форманта к стилистически нейтральной основе создает отдельную лексему, которая описывается в словаре как отдельная лексическая единица со своей собственной стилевой пометой. Так, созданная стилистически маркированным суффиксом лексема книжка имеет во всех толковых словарях помету разговорное.

При этом стилистический потенциал словообразования, безусловно, не следует преуменьшать в динамическом, деятельностном аспекте, поскольку в процессе словообразования могут создаваться стилистически маркированные новые слова, в частности авторские неологизмы (этот вопрос полно рассмотрен в монографии Е.А. Земской «Словообразование как деятельность» [Земская 1992]).

Морфологический уровень наименее стилистически дифференцирован, и это его свойство отмечено во всех общих работах по стилистике.

Синтаксис обладает бо́льшим стилистическим потенциалом, чем морфология, но для «рядового» носителя языка это положение дел не вполне очевидно.

В фонетике понятие стилистического связано с понятием «стили произношения».

На разных уровнях «стилистики ресурсов» различна и стилистическая кодификация языка.

В наибольшей степени кодифицирована лексика: помещение слова в нормирующий толковый словарь неизбежно сопровождается стилевой пометой; отсутствие пометы так же значимо, как и ее наличие, поскольку несет информацию о нейтральном стилевом статусе лексемы, – и в этом смысле все функциональные стили, в том числе и разговорный, кодифицированы в равной степени.

Все остальные уровни языка нормированы в рамках только описательной, но не предписательной кодификации: школьная грамматика включает описание и изучение преимущественно норм нейтрального стиля речи.

Однако, как мы уже говорили выше, полное описание стиля включает не только «стилистику ресурсов», но и стилистику текста, т.е. описание условий и законов употребления и сочетаемости стилистически маркированных единиц вплоть до описания, с одной стороны, целой коммуникативной ситуации, с одной стороны, и типовых способов описания в рамках конкретных жанров каждого функционального стиля — с другой.

С кодификацией такого рода дело обстоит значительно хуже не только в рамках «школьной грамматики» русского языка, но и в рамках так называемой «научной грамматики». Отдельные жанровые каноны в рамках тех или иных функциональных стилей охарактеризованы достаточно полно, другие описаны поверхностно или не описаны вовсе; важно при этом, что эти описания, строго говоря, вообще не имеют кодифицирующего характера в силу их разрозненности в отдельных научных статьях, монографиях и сборниках. Вместе они сведены, пожалуй, только в вузовских учебниках по стилистике и культуре речи, да и то в самом общем виде.

Осмелимся утверждать, что типовые способы описания самых разных жанров и функциональных стилей вообще имеют только узуальное нормирование — это речевое действие «по образцам».

Это относится в первую очередь к любым жанровым формам стилей, не используемых нами в профессиональной деятельности. Так, в речевом опыте носителя языка не существует единого стандарта в написании текста даже такого актуального для каждого члена общества официально-делового жанра, как заявление:

в каждом учреждении посетителю будет выдан свой образец. Ни один носитель языка самостоятельно не справится ни с доверенностью, ни с завещанием, ни с договором: на всё нужен образец, принятый зачастую только в данной конкретной организации.

Не лучше обстоит дело и с научным стилем. Любой преподаватель высшей школы знает, что каждого студента надо персонально учить навыкам составления курсовых и дипломных работ, рефератов и научных отчетов; при объяснении специфики текста каждого из этих жанров, его структуры и композиции, принятой в нем идиоматики и терминологии мы обычно не только рассказываем студенту об этих особенностях, но и даем ему образцы — естественные тексты уже окончивших обучение студентов или искусственно созданные шаблоны.

Более того, невозможно утверждать, что существуют четкие предписания для создания собственно научных текстов. Так, например, организаторы каждой конференции присылают описание и образец оформления тезисов, а для структурирования кандидатских и докторских диссертаций соискатель степени опирается не столько на стандарт ВАК, сколько на другие недавно защищенные диссертационные работы.

Что касается различных жанров публицистического стиля, то и тут следование стилевым образцам (равно как и отступление от них) изучается преимущественно «по прецеденту» (или не изучается вовсе) и при этом оценивается, и весьма строго, адресатом в соответствии с принятыми им за основу типовыми способами описания. Е.Я. Шмелева, анализируя общие черты реакций слушателей передачи «Грамотей», отмечает «непонимание и неприятие языковой игры журналистов» [Шмелева 2007: 626]. Видимо, для большинства населения образец хорошего текста публицистического стиля по-прежнему составляет обезличенная и выверенная нейтрально-возвышенная стилистика репортажей советских времен.

Высказанную нами мысль о лишь частичной кодифицированности литературного языка можно подкрепить и цитатой из статьи Л.П. Крысина: «В кодифицированных подсистемах, и прежде всего в литературном языке, норма объединяет в себе традицию и целенаправленную кодификацию» [Крысин 2006: 83]. Таким образом, Л.П. Крысин признает регулирование литературного языка не только кодифицированными нормами, но и нормами узуальными (традиционными, прецедентными). Представляется, что последние как раз и реализуют себя на текстовом уровне.

Предложенные выше соображения можно суммировать следующим образом. Традиционные и общепринятые представления о кодифицированности литературного языка не вполне соответствуют действительности: в полном смысле кодифицирован в предписательном аспекте только нейтрал, поскольку именно он является основным объектом изучения в школьном курсе русского языка (и, строго говоря, идеальной целью этого курса); в рамках «стилистики ресурсов» стилистически маркирована и последовательно кодифицирована только номинативная база каждого функционального стиля (лексика, в том числе терминология, и идиоматика); в отношении специфических для каждого функционального стиля жанровых канонов все функциональные стили находятся в равном положении: эти каноны усваиваются по образцам и по ним же оцениваются адресатом.

1.4. РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ С ПОЗИПИЙ КОЛЛОКВИАЛИСТИКИ И СЕМИОТИКИ

1.4.1. Вопрос о соотношении РР с внелитературными и литературными разновидности национального языка

В коллоквиалистике по вопросу о соотношении PP и внелитературных разновидностей национального языка (диалектов, разнообразных жаргонов и арго, просторечия) исследователи PP придерживаются редкого единодушия: PP не в коей мере не отождествляется с внелитературными разновидностями русского языка. Главное их различие — коммуникативная ограниченность последних (обслуживание ими определенных групп говорящих) и коммуникативная универсальность PP.

Исследователи, однако, отмечают, что взаимодействие стилей литературного языка (в том числе его разговорного стиля) с внелитературными пластами национального языка, конечно, полностью не прекращается.

Так, например, О.А. Лаптева отмечает, что РР («устноразговорная разновидность литературного языка») принадлежит,

с одной стороны, литературному языку, а с другой, «относясь к устно-речевым образованиям национального языка, обнаруживает двоякую обусловленность (факторами литературности и устности) и занимает промежуточное положение между внелитературными образованиями (в частности просторечием) и письменно-литературным языком. Существенным для понимания отношения устно-разговорной разновидности к устно-речевым внелитературным образованиям оказывается связанный с ее промежуточным положением признак ее общелитературности» [Лаптева 1976: 75-76].

Соотношение РР и литературного языка рассматривается разными исследователями далеко не так однозначно.

Общим в подходе к РР большинства исследователей является признание РР частью литературного языка (в противоположность диалектам, жаргонам и просторечию). Так, М.В. Панов рассматривает РР как безусловно принадлежащую литературному языку его разновидность: «Часто говорят, что эта раскованная и непринужденная речь находится за пределами литературного языка. На самом деле она разновидность последнего» [Панов 2007: 49-50]. Однако соотношение РР и КЛЯ видится авторам основных центров коллоквиалистики по-разному — в первую очередь из-за того, что отождествление обиходно-бытового стиля, разговорного стиля, РР и разговорного языка обычно не происходит.

О.Б. Сиротинина с самых ранних своих работ ([Сиротинина 1966], [Сиротинина 1969], [Сиротинина 1974]) считает РР принадлежащей к литературному языку: РР – это «спонтанная устная литературная речь в условиях непринужденного неофициального непосредственного персонального общения» [РР в системе функциональных стилей 2009а: 3]. При этом понятие РР ставится ею в один ряд с другими функциональными стилями и практически отождествляется с понятием разговорного стиля: «РР – устная форма разговорного стиля» [РР в системе функциональных стилей 2009б: 4]. Помимо устной РР, к разговорному стилю также принадлежит, по мнению автора и ее последователей, письменная РР.

В монографии «Современная разговорная речь и ее особенности» (1974) О.Б. Сиротинина высказывает несколько иную точку зрения на соотношение PP и литературного языка: «Понятие «разговорная речь» и уже понятия «разговорный стиль» (разговорная речь возможна только в устной форме речи, а разговорный стиль безразличен к форме), и шире, так как разговорная речь не всегда есть реализация лишь разговорного стиля литературного языка (она может быть и нелитературной). В ней могут реализовываться и более нейтральные слои литературного языка, и даже частично (хотя бы лексически) другие функциональные стили (спонтанная научная речь). Однако реализация в разговорной речи других стилей — явление редкое, не типичное, и не существенное. Важно, что разговорная речь есть не просто устная форма разговорного стиля. Ее специфика обусловлена, по нашему мнению, непосредственностью общения как условием ее появления» [Сиротинина 1974: 26].

Автор исходит из понимания того, что РР как устная форма реализации текста в ситуации непосредственного общения (именно непосредственность общения автор считает главной чертой РР) может быть представлена и литературными, и внелитературными средствами (диалектно-разговорная речь, жаргонноразговорная речь и т.д.). При этом «литературно-разговорная речь – это литературно нормированная разговорная речь, подобно тому как литературный язык – это литературно нормированный русский язык. Следовательно, центр литературно-разговорной речи – устная форма разговорного стиля литературного языка. Периферия – нейтральные слои литературного языка, используемые в непосредственном общении» [Сиротинина 1974: 33].

Е.А. Земская, руководитель проекта «Русская разговорная речи» ([РРР 1973]), исходя из принятого в работе общего противопоставления РР и КЛЯ, утверждают, что «РР и функциональные стили КЛЯ необходимо разграничивать, а не объединять» [РРР 1973: 20], поскольку «совпадающие по форме единицы РР и КЛЯ не являются функционально тождественными, а имеют различное место в системах РР и КЛЯ» [Там же].

Авторы этого центра исследований РР задаются вопросом о том, «как соотносится РР с тем явлением, которое принято называть сниженным стилем литературного языка (другое название: разговорный стиль)» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981:

50], и выделяют между ними не только сходства, но и существенные различия ([Там же]).

О.А. Лаптева в своих работах (напр., [Лаптева 1976]) вовсе отказывается от терминов «разговорная речь» и «разговорный стиль» в пользу термина «устно-разговорная разновидность литературного языка», который, несмотря на его очевидную громоздкость, употребляется ею повсеместно, за исключением нескольких ранних работ. Тем не менее вопрос о соотношении РР и функциональных стилей решается автором не вполне последовательно.

На первом этапе своего исследования О.А. Лаптева рассматривает РР в ряду других функциональных стилей. Так, важным признаком стилей русского языка, отмечаемым О.А. Лаптевой, является функциональная их определенность и прикрепленность к определенной тематической сфере, которые и определяют выбор языковых средств, характерных для данного стиля. Однако тематическая сфера («тематический цикл») определяет этот выбор не вполне однозначно, поскольку в противном случае не было бы возможности обращения к нейтральным языковым средствам.

В центре тематического цикла (и, соответственно, функционального стиля) находятся специфические, принципиально не имеющие эквивалента языковые средства, периферия же обслуживается преимущественно общелитературными средствами: «Чем ближе тема речи к общелитературному запечатлению, чем свободнее речь относительно как конкретно-предметной, так и общеречевой ситуации, тем реальнее становится возможность перейти на общелитературный эквивалент» [Лаптева 1976: 15]; в данных случаях возможна также замена периферийных средств одного стиля не только на общелитературные средства, но и на периферийные средства другого стиля.

Таким образом, центр каждого функционального стиля обслуживается системой языковых средств, способных составлять определенные наборы с определенной синтагматикой и парадигматикой; причем появление одних языковых средств служит сигналом того, что высока степень появления других языковых средств данного стиля. При этом общелитературная основа (нейтрал) представлена в каждой функциональной разновидности литературного языка.

В противоположность суждению Е.А. Земской о том, что РР противопоставлена всему КЛЯ в целом, О.А. Лаптева считает, что такое противопоставление является неверным, поскольку и РР, и любой другой функциональный стиль имеют общую базу — нейтральные (общелитературные) языковые средства: «Полная изоляция устно-разговорной разновидности от остальной части литературного языка не позволила бы ему выполнить основное его коммуникативное назначение — обслуживать единый языковой коллектив во множестве его функций» [Лаптева 1976: 18].

В этом отношении, по мнению О.А. Лаптевой, РР несколько отличается от других функциональных стилей, поскольку потребности устного общения широки и разнообразны и захватывают многие тематические циклы, в том числе характерные для других стилей речи. Автор отмечает, что «устно-разговорная разновидность, обнаруживая ряд моментов сходства со стилем, предстает как явление более сложное и многоплановое» [Лаптева 1976: 40].

В дальнейшем О.А. Лаптева в явном виде отказывает РР в статусе функционального стиля: «Устно-разговорная разновидность – не стиль уже потому, что стилевая дифференциация осуществляется лишь в пределах верхней плоскости» [Лаптева 1976: 103]; в верхнюю же плоскость автор помещает письменные формы существования языка: 1) канцелярско-деловой стиль, 2) научный стиль, 3) публицистический стиль, 4) художественнобеллетристическую речь [Лаптева 1976: 99].

Истинным антиподом РР О.А. Лаптева считает научный стиль, с канцелярско-деловым стилем РР «находится в отношениях преимущественно одностороннего проникновения канцеляризмов в литературно-разговорную речь» [Лаптева 1976: 105]. (Необходимо отметить, что в отношении взаимодействия РР и официальноделового стиля О.А. Лаптева описывает речевую ситуацию второй половины XX века, ситуация же конца XX – начала XXI века существенно изменилась.)

Взаимодействию РР с публицистическим стилем посвящена вышедшая в 1990 году отдельная работа О.А. Лаптевой – «Живая

русская речь с телеэкрана» ([Лаптева 2007]). В ней в частности постулируется, что «признание существования разного типа вариантов, в том числе и некодифицированных, равно как признание не только общелитературных, но и "сублитературных" норм (т.е. норм отдельных разновидностей литературного языка) ведет исследователей к признанию активности процесса воздействия живой разговорной речи на разные формы литературного языка» [Лаптева 2007: 52].

Таким образом, Е.А. Земская противопоставляет РР и КЛЯ как языки, находящиеся в позиции дополнительной дистрибуции, О.А. Лаптева, наоборот, все устное общение на литературном языке считает единой устно-разговорной его разновидностью, а О.Б. Сиротинина находит между РР и КЛЯ как точки сопоставления, так и точки противопоставления, но все же скорее рассматривает РР как устную разновидность разговорного стиля речи.

Несмотря на указанные различия, в русистике для описания интересующего нас объекта, каким бы ни объявлялся его статус, самым распространенным и традиционным является термин «разговорная речь», который мы и используем в нашей работе для обозначения данного объекта.

1.4.2. Проблема стратификации признаков РР

Таким образом, как мы видим, три группы исследователей РР кладут в основу ее выделения разные признаки: для Е.А. Земской и ее коллег это параметры неофициальности и непринужденности, для О.А. Лаптевой и ее последователей – устность реализации, для О.Б. Сиротининой и ее последователей – непосредственность общения. В соответствии с этим границы самого изучаемого объекта совпадают не в полной мере.

Естественно, что указанные выше параметры — не единственные признаки, характеризующие PP: ее описание включает анализ и коммуникативной ситуации, и форм бытования, и тематики, и жанрового и композиционного своеобразия, и, наконец, характеристику с точки зрения реализации «стилистики ресурсов».

Для описания признаков PP могут быть приняты два вектора — ономасиологический (т.е. от коммуникативной ситуации и замысла к специфическим средствам выражения) или семасиологический (от средств к содержанию, замыслу и коммуникативной

ситуации). Эти векторы описания соответствуют анализу объекта с точки зрения либо адресанта, либо адресата (кодированию и декодированию текста соответственно).

При описании PP в работах по коллоквиалистике эти векторы переплетаются и сочетаются: в обзорной части обычно говорится об общих, в первую очередь прагмалинвистических, параметрах PP, но затем идет подробное поуровневое описания, начинаемое обычно с фонетики.

Если принять ономасиологический вектор описания, то основополагающими для выбора РР являются факторы замысла (содержания) речи и коммуникативной ситуации. Установление между ними иерархических отношений представляется не вполне осмысленным, так как они действуют совместно.

Для нашего описания признаков PP мы примем вектор «снизувверх», т.е. пойдем от «стилистики ресурсов» к стилистике текста, поскольку такое направление описания больше соответствует хронологии работ по PP, чем обратное: многие прагмалингвистические параметры PP в полном объеме были описаны сравнительно недавно.

1.4.3. Признаки РР с точки зрения реализации в ней «стилистики ресурсов» в концепции Е.А. Земской и ее соавторов

Наиболее всеуровнево описание признаков РР с точки зрения «стилистики ресурсов» представлено в работах Е.И. Земской и ее коллег, поэтому сначала обратимся к работам [PPP 1973], [PPP 1978], [PPP 1981], [PPP 1983] и пойдем в направлении от фонетики к синтаксису.

1.4.3.1. Фонетика

Фонетика PP характеризуется различного рода изменениями, которые возникают в потоке речи говорящего в связи со стремлением к экономии языковых средств:

Гласные

- 1. Количественная редукция гласных звуков имеет следующие особенности:
- ударный гласный может редуцироваться, если слово попадает в безударное положение во фразе;
- гласный первого предударного слога может выпадать в позиции после мягкого, при условии, что это не начальный слог

слова; в этом случае второй предударный слог сохраняет свой гласный;

- гласные могут редуцироваться вплоть до выпадения, если не являются начальными или конечными, которые редуцируются в меньшей степени.
- 2. Комбинаторные изменения гласных звуков обуславливаются артикуляционно-физиологическими и информативными факторами:
- гласный может пропадать в положении между одинаковыми или близкими, но не однородными согласными;
 - гласный может выпадать при соседстве с группой согласных;
- в положении после мягкого или между мягкими согласными все фонемы, кроме $\langle y \rangle$, в безударной позиции представлены звуками [и/э] и [ь];
- слог, содержащий редуцированный гласный, сохраняется лучше, если в его состав входит фрикативный или сонорный согласный, а также если он стоит в позиции после сонорного.
 - 3. Качественная редукция:
 - гласный [у] может терять лабиализацию;
 - гласный [ы] звучит при редукции как [ъ];
 - ударный [а] после мягкого согласного может звучать как [э];
 - ударный [э] после мягкого согласного может звучать как [и];
 - ударный [о] может совпадать по звучанию с [у].
- 4. Стяжение гласных, отсутствующее в КЛЯ: «Стяжение предполагает не только полную ассимиляцию звуков по качеству, но слоговую перестройку, утрату слога и нарушение, изменение ритмической схемы слова» [PPP 1973: 64]. Стяжение возникает в месте зияния, которое образуется в результате выпадения согласного.

Согласные

В потоке РР согласные склонны к ослаблению и выпадению:

1. Выпадает интервокальнй согласный; чаще исчезают малоконтрастные окружающим гласным звонкие согласные, которым легко утратить смычку и взрыв (сонорные, звонкие взрывные, [j], [в], [в']); глухие согласные утрачиваются редко.

- 2. Утрата согласного может идти через ассимиляцию соседних звуков и образование одного долгого согласного, а затем его сокращение.
- 3. Упрощению подвергаются такие группы согласных, где все три звука или хотя бы два из них одного места образования:
- в группах *стн, здн, стл, здл, стк, стск, стц, нтц, нтск, нтк, рдц, рдч* и *лнц* утрачивается центральный взрывной согласный группы;
- в группах $\phi cm(p)$, $\phi c\kappa(p)$, вз $\phi(p)$ утрачивается первый слабый фрикативный;
 - в группах типа TST утрачивается один из взрывных;
- в группах *ств* и *стф* утрачивается или слабый фрикативный, или центральный взрывной;
- в двойных консонантных группах может происходить вставка гласного или утрата одного из согласных.
- 4. Упрощению подвергаются также согласные на конце слова перед начальным гласным следующего слова. Чаще всего выпадают сонорные и мягкие согласные, а согласные в позиции между одинаковыми гласными.
- 5. Согласные на стыке слов могут ассимилироваться по глухости-звонкости (при этом озвончается конечный глухой) и по способу образования.
- 6. Существует несколько способов упрощения конечных групп согласных: полная ассимиляция с последующим сокращением долгого согласного, исчезновение фрикативного согласного, образование дополнительного слога, редукция и потеря конечного сонорного.
- 7. Начальные консонантные группы упрощаются только в самых частотных словах и словосочетаниях.

Эллипсис слогов и слов

- 1. В РР довольно часто происходит выпадение сразу нескольких звуков, целого слога, сжатие большей части слова, целого слова или отрезка текста на стыке слов при условии быстрого темпа речи.
- 2. Сильной редукции подвержены частотные слова, словосочетания и контексты, а также нечастотные контексты, обладающие избыточностью длинных или коротких слов, или обладаю-

щие интонационно-ритмическими и фонетическими условиями, благоприятными для редукции слов.

Интонация

Интонация разговорной речи гораздо более контрастна, чем в кодифицированном языке и широко используется в качестве экспрессивного средства.

1.4.3.2. Лексическая семантика и номинация

Лексическая семантика РР имеет ряд особенностей:

- 1. Большую роль имеют суперсегментные единицы речи, а также жест, мимика, интонация, «сорняки» неподготовленной речи, заполнители пауз и т.д.
- 2. Значение каждого высказывания зависит от конситуации и контекста.
- 3. Для PP свойственна конденсация содержания, то есть информация умещается в минимум вербальных знаков; в разговоре опускается все, что известно собеседнику (благодаря общности апперцепционной базы или ситуации), отчего возникают синтаксические и лексические эллипсисы.
- 4. Часто возникает смешение смыслов отдельных слов, приобретение словом нового значения, кроме лексически закрепленного за ним в КЛЯ.
- 5. Синонимика РР имеет морфологическое своеобразие: в связи с уменьшением количества существительных синонимия минимальна, причем используются доминанты синонимического ряда, а также заместители имен дейктические слова.
- 6. Экспрессивность выражается посредством повторов, интонацией, словами-дублетами.
- 7. В речевом акте используются слова-указатели, не имеющие конкретного содержания (*такой*, *столько*). Реплики часто вводятся частицами и союзами.
- 8. Разговорная лексика несет в себе оценочный характер: «Разнообразные атрибутивные отношения в СРЯ, во-первых, характеризуют предмет через различные отношения к лицам или другим предметам; во-вторых, характеризуют предмет через указание на его внутренние свойства или качества; и, в-третьих, дают экспрессивно-эмоциональную оценку предмета или явления» [РРР 1983: 159].

В качестве номинаций могут использоваться конструкции с относительными местоимениями, конструкции со спрягаемыми формами глагола, характеризующие лицо по действию, а также конструкции с существительным в косвенном падеже с предлогом, использующиеся для обозначения субъекта или объекта действия.

Чрезвычайно часто в качестве номинации выступает так называемый именительный темы.

Специфические функции имеет и инфинитив: в PP он может распространять существительные конкретной семантики, обозначая назначение предмета, а также присоединяться к существительным с конкретным значением в номинациях типа «конкретное существительное + инфинитив + зависимое от него существительное».

1.4.3.3. Словообразование

«Словообразование в РР выполняет такие функции: а) выступает как одно из основных средств производства разного рода номинативных единиц, в том числе таких, которые создаются по потребностям данного акта коммуникации; б) активно применяется как сильное средство экспрессивизации речи; в) используется как конструктивное средство, способствующее более экономному осуществлению акта коммуникации; г) служит целям компрессии уже имеющихся номинативных единиц». [РРР 1981: 189]

Номинативное словообразование используется при необходимости дать имя какому-либо явлению действительности, необходимое для акта коммуникации. Основные средства этого типа — суффиксация и префиксация, причем в процессе окказионального словообразования используются те же форманты, что и в КЛЯ.

Суффиксальным способом образуются:

- имена лиц по предмету (с помощью суффиксов -ник-, -чик-, -ец-);
- отглагольные имена лиц по действию (-na-, -una-, -ox-, - $yu\kappa$ -, -eu-);
 - имена предметов по функции (-лк-, -ловк-);
- отсубстантивные прилагательные со значением 'похожий/наделенный свойствами того, что названо в производящей основе' (-ucm-);

- отсубстантивные прилагательные 'наделенный какой-то необязательной частью' (-am-);
- отглагольные прилагательные 'пригодный для какого-то действия' (-бельн-);
- отглагольные прилагательные 'пригодный для совершения какого-то действия' или 'подверженный в высокой степени этому действию' (- κ -).

Суффиксацией образуются и деривативные значения женскости (- κ -, -u-, -u-, -u-, -v-, единичности (-u-, - κ -) и собирательности (-i-).

Префиксальный и приставочно-суффиксальный способ тоже продуктивен. Набор приставок тот же, что и в КЛЯ.

Для существительного продуктивны следующие приставки:

- анти- со значением противоположности;
- со- со значением совместности;
- пере- со значением повторного действия;
- *nod* со значением части того, что названо в производящей основе;
- *сверх-, супер-, ультра-, архи-* со значением высокой степени обнаружения признака;
 - лже-, псевдо- со значением ложности;

Для прилагательных продуктивны приставки со значением высокой степени проявления признака (*пре-, раз-, наи-, сверх-, архи-*).

В приставочно-суффиксальном способе продуктивны комбинации приставок *после-, до-, при-, без-* с суффиксами *-н-, -ов-, -ск*-

Для наречий, образованных от прилагательных, продуктивны комбинации no-...-omy, а для отглагольных наречий — e-...-ky.

Экспрессивное словообразование

«Экспрессивным словообразованием мы называет ту сферу словообразования, которая отражает столь свойственную РР тенденцию к повышенно эмоциональному, аффективному способу выражения, связанному с непринужденностью общения между партнерами коммуникации, их раскованностью». [РРР 1981: 86]; функция экспрессивных производных — выражение положительного или отрицательного отношения к чему-либо, оценки.

У существительных могут создаваться два типа производных (ПН):

- 1) модификационные ПН выражают оттенки оценок, обозначают уменьшительность или увеличительность, относятся к той же части речи, что и ПЩ, образуются активными в РР суффиксами -'az-, -'yz-, -eнциj-, -yx-, -ox-, ишк-, -eц-, -'онк-, -yл'-, -yc'-, -'ap-, -ш-, -шк-, -ap'-; -иш-, -ин-;
- 2) мутационные ПН несут яркую экспрессивность, меняют значение ПЩ, часто переводя его в другую часть речи, образуются активными в РР суффиксы: -'az-, -'yz-, -ыш-, -ак-, -aч-, -yx-, -ах-, -ох-, -л-, -ёж-, -аж-, -н-, -отн-, -анин-, -он-, -ловк-.

Для прилагательных активны суффиксы —ущ-, -енн-, -оньк-, -оват-, а также повтор в соединении с префиксацией.

Активными способами глагольного словообразования являются суффиксация (-ну-, -ива-, -ова-, -ствова-, нича-, -а-, -е-), префиксация (раз-, пере-, недо-, под-, при-, об-, за-, у-), вторичная префиксация, префиксация с постфиксацией, а также префиксация с суффиксацией и постфиксацией.

Конструктивное словообразование в PP представлено отглагольными существительными на -ниj(e), дублирующими корень глагола предыдущего высказывания, и отадъективными существительными на -ость, обозначающими отвлеченный признак или явление — носитель этого признака.

Компрессивное словообразование

«Компрессивное словообразование состоит в построении слов, которые представляют собой разного рода сокращения имеющихся в языке номинативных единиц — слов и словосочетаний» [PPP 1981: стр.87]; оно осуществляется следующими способами словообразования:

- суффиксальная универбация, которая распространяется на частотные сочетания, актуальные в определенном кругу лиц. Активные суффиксы: -к-, -ик-, -ак-, -ушк-, -ашк-, -ух-. «Слова – результаты универбации, имеющие давнюю традицию, переходят в КЛЯ (открытка, электричка, грузовик, гнилушка)» [PPP 1981: 122].

- усечение (сокращение), которому подвергаются часто употребляемые слова и словосочетания, в результате образуется существительное.
- графическое сокращение, которое может получать статус слова (например, инициалы).
- субстантивация с образованием новых номинативных единиц существительных (вступительные, школьные, заводские).

1.4.3.4. Морфология

Местоимение

В РР число местоимений, как правило, превосходит число существительных. Местоимения выполняют функцию заполнителей пустот, вносят уточнения, пояснения в речь, а также замещают существительные.

Существительное

1. Для существительных в РР характерна высокая частотность формы И.п., а также употребление партитива (Р.п. части).

И.п. в PP является самой частотной из всех словоформ и обладает функциями, не свойственными ему в КЛЯ:

- 1) если И.п. в составе высказывания не имеет коррелята, он используется для выражения добавочного сообщения, основной темы, а при наличии коррелята названное именительным падежом актуализируется, подчеркивается. В позиции абсолютного конца фразы И.п. несет уточняющую функцию, а в позиции абсолютного начала функцию добавления, соединяющее высказывание с предыдущим;
- 2) И.п., занимающий в составе высказывания синтаксическое место главного члена, может обозначать субъект действия, носителя признака, признак лица или предмета. В конструкциях с двумя И.п. постпозитивный И.п. обозначает нечто, с чем отождествляется препозитивный. Также существуют конструкции, в которых два И.п. находятся в отношениях предикации и конструкции, в которых за И.п. следует предикативное построение «именительный падеж + спрягаемый глагол»;
- 3) в позиции зависимого члена И.п. выполняет функции качественного определителя существительного, признак предмета, употребляется в вопросительный и отрицательных конструкциях,

а также в конструкциях с предикативами на -o (типа вредно, на-do):

- 4) И.п. может являться отдельной репликой диалога (реакция на вопрос или сообщение, основная тема вопроса).
- 2. В РР существует особая звательная форма, употребляемая в функции обращения. Такие формы могут образовываться от имен собственных, названий родства или их сочетаний (дядь Коль!) и представляют собой чистую основу существительных первого склонения. Как обращения употребительны и усечения начального слога существительных, особенно слов мама (ма!), папа (па!), баба (ба!) и имен собственных (Ксю!). Звательные формы употребительны при общении с близко знакомыми людьми, часто встречаются в речи детей.
- 3. В РР могут склоняться аббревиатуры и другие неизменяемые единицы, но при склонении составных единиц нередко изменяется только последний член словосочетания.

Прилагательное

В РР имена прилагательные менее употребительны, чем в КЛЯ, так как для РР не свойственна качественно-атрибутивная характеристика предметов. Прилагательные-предикаты употребительнее, поскольку способны характеризовать и существительные, и местоимения.

Глагол

Особенностью разговорных глаголов является наличие форм, совпадающих по форме с повелительным наклонением, но имеющих иное значение. Сюда относятся формы прошедшего мгновенно-произвольного действия (возьми и споткнись) и условные и уступительные формы, обозначающие обуславливающее действие (приди я вовремя, ничего бы не случилось).

Как уже было сказано выше, специфическое употребление в PP может иметь и инфинитив.

Служебные части речи

Союзы и предлоги в РР малоупотребительны по тем причинам, что в ней мало имен существительных в косвенных падежах, а при построении предложений используются бессоюзные конструкции.

Зато частицы используются очень широко; особенно популярны частицы μ , δ ы, δ аже, mолько, u.

1.4.3.5. Синтаксис

Наиболее ярко, по мнению Е.А. Земской и ее коллег, специфика РР проявляется на синтаксическом уровне. Здесь можно выделить следующие параметры.

Сложность определения границ предложения

В РР не все сегменты речевого потока являются предложениями: одна предикативная единица может распадаться на несколько самостоятельных фрагментов, или, наоборот, части сложного предикативного целого могут интонационно сливаться в единый сегмент, поэтому основной синтаксической единицей РР принято считать интонационно завершенное высказывание.

Незамешенные позиции

В РР часто не выражаются некоторые грамматически и семантически необходимые компоненты, которые известны собеседникам благодаря общности апперцепционной базы и конситуации. При этом вербальные компоненты своими валентностями задают позиции для невербализованного смысла. Такие выражения называют конструкциями с незамещенными позициями.

Незамещенная синтаксическая позиция сигнализирует определенный смысл и синтаксическую форму компонентов, которые могут заместить эту позицию при развертывании конситуативного высказывания в неконситуативное, а незамещенные смысловые позиции сигнализируют только смысл.

В роли сигналов незамещенной позиции могут использоваться прямые и обратные валентности слов. Прямой валентностью сигнализируют личные формы глагола в позиции предиката, именной член предиката при связке, предикативное наречие в позиции сказуемого, глагол-инфинитив в позиции предиката или обязательного распространителя, глагол быть в личной форме. Обратной валентностью сигнализируют обязательные и необязательные распространители глагола-предиката, существительное или местоимение в позиции подлежащего, определения к существительному и числительные. Предлоги могут сигнализировать незамещенную позицию существительного.

Глаголы-предикаты

Специфической особенностью РР является употребление нулевых и двойных глаголов-предикатов. Наиболее употребительны нулевые глаголы движения (их сигнализируют существительные с предлогами и инфинитивами), глаголы со значением речи (существительные в форме винительного падежа с предлогом *про* и предложного падежа с предлогом *о*) и глаголы со значением «бить» (сигнализируются местоимениями второго или третьего лица в родительном или дательном падеже, если субъект выражен местоимением первого лица, несущим логическое ударение).

Двойные глаголы-предикаты используются для обозначения тесно связанных действий и выступают как единый предикат. Чаще всего так употребляются глаголы состояния и передвижения.

Актуализаторы

Основными средствами актуализации в КЛЯ являются интонация и порядок слов. При этом в PP существуют особые выделительные слова – актуализаторы.

Местоименные актуализаторы делятся на несколько групп.

- актуализаторы группы *что* употребляются чаще всего в вопросительных высказываниях и выделяют в качестве ремы части, на которые направлен вопрос;
- актуализаторы *так/как* выделяют глагольные распространители с адвербиальным значением, предикаты, а также сигнализируют о наличии вопроса в высказывании;
- актуализаторы когда/тогда, где/там, откуда/оттуда выделяют адвербиальные распространители предиката с обстоятельственными значениями и глагольные группы, в составе которых есть распространитель с соответствующим значением;
 - актуализатор такой выделяет прилагательное.

В вопросительных высказываниях РР широко употребляются для подчеркнутого выделения слов, на которые направлен вопрос, актуализаторы да или нет. Типично разговорным свойством этих актуализаторов является их способность употребляться в непосредственном контакте с выделяемым ими словом, какое бы место в высказывании это слово ни занимало. Эта способ-

ность позволяет им выделять любое слово в высказывании и делает их особенно активными в частичных вопросах.

Еще одним средством актуализации в PP являются различного рода повторы, которые содержат, как правило, два или три члена любой части речи, на которые обращается внимание. Повторение предлогов встречается исключительно в разговорной речи.

Порядок слов

В русском языке порядок слов зависит от формального грамматического строения предложения и от его актуального членения. Особенности функционирования РР оказывают существенное влияние на порядок слов. Важной тенденций, регулирующей порядок слов в высказывании, является тенденция к вынесению в препозицию наиболее важного компонента (присубстантивного существительного в родительном падеже, приглагольного существительного, инфинитива в сочетании «спрягаемая форма глагола + инфинитив» и приглагольных наречий образа действия).

Позиция начала высказывания в РР является самой сильной, а позиция начала — самой слабой, и в связи с этим функционально ослабленные слова (например, союзы) помещаются в конец высказывания. Очень часто высказывание строится как интонационно расчлененная единица, имеющая два интонационных центра. Такие ситуации возникают при дистантном употреблении синтаксических объединений (определяемое существительное и согласованное определение, глагол и наречие и так далее). «Роль порядка слов как выразителя актуального членения сводится к минимуму, так как устная речь располагает другими способами актуального членения. Тема и рема устной речи могут подсказываться ситуацией, общностью апперцепционной базы участников диалога, мимикой и жестами, и, наконец, одним из наиболее могущественных средств устной речи — интонацией. Рема в устной речи выделяется логическим ударением» [Ковтунова 1976: 60-61].

Принцип ассоциативного присоединения частей высказывания приводит к тому, что в PP очень часто используется прием добавления, то есть в конец высказывания, нередко после интонационной законченности, добавляют различного рода уточнения.

1.4.4. Признаки РР с точки зрения реализации в ней «стилистики ресурсов» в концепции О.А. Лаптевой

О.А. Лаптева в «Русском разговорном синтаксисе» (1978) сосредоточивает внимание на синтаксических признаках РР, рассматривая типизированные синтаксические конструкции, конструкции с И.п. темы, словорасположение, конструкции добавления, наложения, бессоюзия, а также двупредикатные конструкции. Материал этой монографии структурирован в схемы и таблицы и содержит подробный разбор каждой из указанных позипий.

В «Живой русской речи с телеэкрана» (1999) О.А. Лаптева дает всеуровневую характеристику РР. Так, она группирует и располагает признаки РР следующим образом:

Лексические явления: 1) неточное употребление слова, 2) употребление лексических штампов, 3) отсутствие слова как лексическая экономия, 4) наличие лишнего (ненужного) слова, 5) тавтология, 6) использование большого количества прилагательных в превосходной степени, 7) использование большого количества слов с уменьшительными суффиксами, 8) образование окказиональных слов.

Лексико-стилистические явления: 1) повтор слова, 2) повтор корня слова (например, в существительном и глаголе), 3) повтор аффикса, 4) синтаксический повтор.

Морфологические явления: 1) колебания в форме слова (например, окончания а и ы в И.п. мн.ч.), 2) тенденция к несклоняемости составных числительных и ошибки при их склонении, 3) возможность склонения несклоняемых существительных, 4) употребление отрицательных частиц.

Синтаксис словосочетания: 1) согласование по смыслу, 2) беспредложное управление с заменой формы одного косвенного падежа на другой, 3) предложное управление с заменой падежа или предлога.

Высказывание.

1. Смысл высказывания и его форма: 1) сегментация, 2) включения, 3) наложение, незавершенность, 4) завершение близкой или другой структурой, 5) ненормативное употребление причастного оборота, 6) ошибки в употреблении несобственно-прямой

речи, 7) слом смысла, 8) персонификация, 9) неточности в порядке слов.

2. Книжно-письменные синтаксические конструкции: 1) косвенный падеж в позиции именительного, 2) именительный падеж в позиции косвенного, 3) контаминированные обороты, 4) ненормативное использование деепричастного оборота.

Синтаксические средства в высказывании: 1) союзы в позиции других союзов, 2) избыточное средство, 3) отсутствующее средство.

Синтактико-стилистические книжно-письменные явления: 1) цепочки родительных падежей (от 2 до 6), 2) скопление одинаковых окончаний, 3) скопление предлогов, 4) книжно-письменная конструкция в спонтанно-речевом окружении.

Фонетические явления: 1) созвучия и рифмы, 2) редуцированные слова, 3) особенности произношения гласных, 4) особенности произношения согласных, ударения в сложных словах и профессиональные ударения, 5) фразовое ударение, 6) произношение аббревиатур, 7) влияние диалектного произношения.

1.4.5. Признаки РР с точки зрения реализации в ней «стилистики ресурсов» в концепции О.Б. Сиротининой

В коллективной монографии «Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка» (том 1 «Лексика» [Разговорная речь... 2009а], том 2 «Грамматика» [Разговорная речь... 2009б]) авторы по 100-тысячной картотеке выявляют и описывают следующие уровневые признаки РР:

- 1) основная часть лексики PP нейтральная общелитературная лексика, однако количественные пропорции употребления слов разных частей речи в PP смещены: существительные составляют 14,8% против 27%, отмеченных в Частотном словаре, местоимения 17% (против 13%), частицы 15% (против 1%), а самым частотным среди знаменательных слов оказывается глагол 17%;
- 2) глагольные лексемы однообразны: частоту выше 100 (больше 7 тысяч на 17 тысяч словоупотреблений) имеют только 27 глаголов; существительные значительно разнообразнее;
 - 3) синонимические ряды в РР представлены минимально;

- 4) полные многокомпонентные номинации (особенно собственные наименования) чаще всего редуцируются до 1-2-компонентных;
- 5) среди номинаций в PP часты окказиональные субстантиваты (*вкусненькое*) и универбаты (*научка* научная библиотека);
- 6) в РР используются фразеологизмы всех стилистических окрасок;
- 7) существительное и глагол опускаются в речи (элиминируются) гораздо чаще, чем другие части речи;
- 8) формы И.п. существительного составляют в PP около 40%, в то время как в других стилях их доля меньше 30%;
- 9) список частотных в РР глаголов в целом совпадает со списком Частотного словаря, но содержит несколько дополнительных лексем, связанных с обозначением движения и его направления:
- 10) в РР доминируют формы настоящего и прошедшего времени;
- 11) наречия при глаголах речи, движения, осязания и т.д. в РР часто ситуативно опускаются;
- 12) в словосочетании глагол часто не реализует обязательную валентность;
- 13) самый распространенный тип словосочетания в PP существительное + прилагательное (около 90%);
- 14) в РР значительно чаще, чем в других стилях, используются простые предложения;
- 15) в РР значительно чаще, чем в других стилях, используются односоставные предложения;
- 16) в РР значительно чаще, чем в других стилях, используются обращения и релятивы (добавления), но значительно реже используются однородные и обособленные члены.

Знаменательно, что авторы этого исследования используют не только описательную методику, но и сопоставительно-статистическую: РР постоянно сравнивается в точных количественных показателях с письменными и устными текстами других стилей (прежде всего научного).

1.4.6. Признаки РР с точки зрения стилистики текста

Одним из важнейших признаков построения текста PP является его высокая клишированность и автоматизированность, а также облигаторность норм PP.

Так, в 1960 году Н.Ю. Шведова в монографии «Очерки по синтаксису русской разговорной речи», которую автор называет предварительными замечаниями к изучению РР, отмечает: «В разговорной речи, как и в речи письменной, говорящий использует готовые, закрепленные в системе языка формы, которые, однако, в отличие от пользования письменной речью, обдуманно не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения. Если в письменной речи обязательно присутствует момент «избираемости» формы выражения, то в разговорной речи этого момента нет» [Шведова 1960: 3].

Авторы «Русской разговорной речи» пишут: «РР – это языковая система, для которой в высшей степени характерно стремление к использованию готовых единиц, всякого рода готовых конструкций, что объясняется автоматизмом протекания речевого акта. Говорящий, находясь в условиях непринужденного неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое «речевое поведение, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам и стереотипам» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 7].

О высокой автоматизированности и шаблонности РР пишут и другие исследователи: «Современный человек в процессе речевого общения часто использует разного рода "готовые", не создаваемые в данном акте коммуникации выразительные средства» [Современный русский язык... 2003: 493].

Однако в то же время авторы «Русской разговорной речи» отмечают, что «принципы построения разговорной речи сближают ее с языком художественной литературы. Говорящий субъект, используя разговорную речь, и автор художественного произведения могут творчески относиться к форме речи (разрядка наша — E.Л.)» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 7].

Как возможно такое противоречие и в чем оно может проявляться?

Главное проявление речевой свободы состоит в том, что адресант в PP значительно чаще, чем в других стилях, не воспроизводит, а производит новые единицы — словообразовательные и морфологические (производство, а не полное воспроизводство предложений и самого текста — универсальное свойство любого функционального стиля).

В сфере словообразования словотворчество выражается в образовании окказионализмов, чаще всего заполняющих «пустые клетки» словообразовательного гнезда. При этом окказиональное словообразование осуществляется не только на уровне модификационных и транспозиционных словообразовательных типов, но и мутационным типом деривации — часто с приращенным значением, подсказываемым контекстом. Так, авторы «Русской разговорной речи» отмечают, что «в РР фразеологичность семантики находит опору в данном коммуникативном акте, что позволяет говорящему свободно строить производные слова. Вследствие этого одна и та же по форме единица может в разных условиях получать разное осмысление. Например, слово *телефонник* может значить: 1) 'мастер, который чинит телефоны', 2) 'любитель звонить по телефону'» [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 78].

В морфологии творческий характер РР проявляется иначе: говорящий либо заполняет морфологические «лакуны» (победю, мечт и т.д.), либо сознательно нарушает правила словоизменения (например, склоняет несклоняемые существительные), т.е. включается в языковую игру — намеренное нарушение норм.

Языковая игра вообще характерна для PP, однако исследователи отмечают, что она чаще представлена в речи людей высокой речевой компетенции: «Для интеллигентской среды, в особенности для "гуманитариев", характерны такие явления, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами, словесные каламбуры и т.п. – иначе говоря, языковая игра во всех ее обличиях» [Современный русский язык... 2003: 494].

В монографии «Русская разговорная речь» 1973 года авторы в качестве основных особенностей РР выделили синкретизм и расчлененность; эти признаки выделены и в «Русской разговорной речи» 1981 года: «Принципиально иное построение речи, чем в КЛЯ, позволяет РР сополагать такие элементы языка, которые не могут быть объединены в КЛЯ (инверсии, разрыв конфигураций речи, перебивы и самоперебивы, нарушение последовательности речи). Развертывание смысла высказывания идет иным путем, чем в КЛЯ, и сопоставление самих смысловых блоков здесь иное, иначе генерируется общий смысл высказывания» [РРР 1983: 142].

О.А. Лаптева, как и авторы «Русской разговорной речи», обращает внимание на некоторый парадокс РР: «Непроизвольность выбора говорящим готовых речевых средств и приемов сосуществует с полярно противоположным свойством речевого акта — представлять сообщение в максимально свободном, слабооформленном виде, отступающем от строгих норм грамматики и словоупотребления» [Лаптева 1976: 19].

В «Живой русской речи с телеэкрана» (1999) О.А. Лаптева также отмечает, что «оба полярно противоположных качества – свобода и автоматизм - парадоксальным образом сочетаются в живой устной речи» [Лаптева 1999: 54] и посвящает особенностям строения текста РР отдельную главу и в ней отмечает следующие текстовые явления РР: «Линейность влияет на продукцию прежде всего уже известной нам сегментацией речи, при которой каждый сегмент стремится к информативной и формальной самостоятельности, и потому связи между сегментами ослабляются. Следствием ослабления связей может стать нечеткость грамматических отношений в высказывании и неявная их выраженность. Это рождает синтаксическую омонимию, или синтаксическую двусмысленность - неявность смысловой и формальной организации той или иной части высказывания. <...> Апперцепционная база, текстовая пресуппозиция, позволяющие слушающему войти в метаязык, метамышление говорящего, предопределяют возникновение у слушающего предсказуемости продолжения или завершения текста. <...> Таким образом, если текстовая и синтаксическая двусмысленность - явление грамматики и говорящего и слушающего, то текстовая и синтаксическая предсказуемость – явление грамматики слушающего» [Там же: 293-294].

В коллективной монографии «Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка» О.Б. Сиротинина утверждает, что РР по сравнению с устными жанрами научной речи обнаруживает свою нетекстовую природу: компоненты высказываний не имеют логического стержня и связаны ассоциативными связями ([Разговорная речь... 20096: 302-308]).

Позволим себе, однако, обратить внимание на тот факт, что большинство из перечисленных в данном подразделе особенностей построения текста в РР являются проявлением не разговорности, а устности. Об этом нами будет сказано в подразделе 3.3.2. нашей работы.

1.4.7. Прагмалингвистические параметры и признаки РР

Основными прагмалингвистическими (авторы «Русской разговорной речи», в частности Е.А. Земская, предпочитают называть их экстралингвистическими) признаками, обусловливающими формирование РР, являются непринужденность, непосредственность и неподготовленность общения. В наибольшей степени в коллоквиалистике состав и соотношение экстралингвистических невербальных признаков РР осмыслены в относительно недавнем исследовании Е.А. Земской «Литературный разговорный язык» (глава 3 монографии «Язык как деятельность» 2004 года, являющая собой развитие положений, высказанных в «Русской разговорной речи» 1981 года). Обратимся к этому исследованию.

Последовательно обозначая РР термином «литературный разговорный язык» (ЛРЯ или просто РЯ), Е.А. Земская начинает описание с определения того, что РЯ «обнаруживается в устной форме в условиях непринужденного неподготовленного общения» [Земская 2004: 290] и что это особая сфера коммуникации, для которой характерны (и это признается большинством исследователей РР) следующие признаки:

- устность как основная форма реализации,
- непринужденность сферы общения,

- неофициальность отношений между адресантом и адресатом,
 - неподготовленность речевого акта,
- непосредственное участие партнеров в акте коммуникации,
 - сильная опора на внеязыковую ситуацию,
- использование невербальных средств коммуникации (жестов и мимики).

Поэтому Е.А. Земская постулирует необходимость изучения РЯ «на фоне целостного коммуникативного акта, формируемого несколькими (не только вербальными!) семиотическими системами», а следовательно, исследование РЯ должно опираться на такие стороны общей проблемы, как «РЯ и структура ситуации, РЯ и невербальные средства коммуникации, РЯ и личностные и социальные особенности партнеров коммуникации и мн. др.» [Там же: 292].

Среди признаков коммуникативного акта, в котором реализуется РЯ, Е.А. Земская предлагает выделять детерминанты и компоненты: «Детерминанты – это такие признаки, которые определяют выбор говорящим той или иной языковой системы или подсистемы, у лиц, говорящих на русском литературном языке, выбор РЯ или КЛЯ в качестве вербального компонента КА. Для того чтобы говорящий использовал РЯ, необходимы следующие детерминанты: 1) непринужденность речевого акта (создается тремя компонентами: а) наличие неофициальных отношений между ПК [партнерами коммуникации]; б) отсутствие установки но сообщение, имеющее официальный, в том числе публичный, характер; в) условия, в которых протекает речевой акт, не нарушает неофициальности обстановки), 2) неподготовленность речевого акта, 3) непосредственное участие ПК в речевом акте. <...> Кроме этих признаков, есть признаки, которые могут влиять на строение РЯ, не определяя выбор РЯ или КЛЯ. Эти признаки являются компонентами КА [коммуникативного акта]» [Там же: 2951.

Е.А. Земская дает перечень невербальных компонентов коммуникативного акта ([Там же: 296-297]), которые мы представим в виде следующей таблицы:

I. Компоненты коммуникативного акта, связанные с партнерами коммуникации

зами коммуникации
два / более двух
нет / редкая / частая
визуальное / невизуальное
да / нет
близкие / нейтральные / дале-
кие
высокая / средняя / отсутствует
- роль в данном коммуникатив-
ном акте (покупатель, клиент,
пассажир),
- роли постоянные (социальное
положение, профессия, возраст,
пол, роль в семье)
да / нет
- разговорчивость: высокая /
средняя / низкая,
- склонность к творчеству в
языке: высокая/средняя/низкая
да / нет
высокая / средняя / низкая

II. Компоненты коммуникативного акта, связанные с конситуацией (конкретной ситуацией данного коммуникативного акта)

место коммуникативного акта	дома, на улице, в транспорте
связь РЯ с конситуацией	есть / нет
частотность ситуации	высокая / нет
речь имеет характер сопровож-	да / нет
дения действий партнеров	
речь имеет характер коммента-	да / нет
рия текущих событий	

Эти невербальные компоненты коммуникативного акта, по мнению Е.А. Земской, «выполняют две функции по отношению к РЯ (вербальному компоненту): восполняющую те или иные элементы, не выраженные эксплицитно в РЯ, и мотивирующие выбор тех или иных компонентов, наличных в языке. Первая функция влияет на строение РЯ в плане синтагматики (преимущественно в области синтаксиса), вторая — в плане парадигматики (преимущественно в области номинативных средств, словоупотребления и словообразования» [Там же: 299-300].

Несмотря на то что «разные компоненты КА действуют комплексно <...> могут влиять одновременно на синтаксис, строение номинаций, семантику, словообразование» [Там же: 300], далее Е.А. Земская рассматривает признаки РЯ поуровнево. Однако при этом в данной работе Е.А. Земская вписывает РР в широкий прагмалингвистический контекст. Так, нереализация валентностей и синтаксическая эллиптичность объясняется Е.А. Земской через конситуацию и общность апперцепционной базы, особенности номинации — через сиюминотность речи, политематичность — через непринужденность диалога и т.д. [Там же: 301-322].

О.А. Лаптева указывает на связь экстралингвистических параметров речи и отмеченной ею «двусмысленности» РР: «Коммуникативный аспект проблемы в том, что разного рода экстралингвистические моменты снижают степень двусмысленности вплоть до полного ее прояснения. Ситуативная обусловленность речи, разный характер отношений адресата и адресанта непосредственно воздействуют на достижение адекватности восприятия. Это в разговорной речи проявляется намного действеннее, чем в телевизионной и других разновидностях публичной речи, где воздействие экстралингвистических факторов на речь снижается вплоть до нуля. Здесь остается лишь действие фактора апперцепционной базы воспринимающего речь» [Лаптева 1999: 295].

Такая увязанность экстралингвистических и собственно лингвистических параметров PP вызывает необходимость обратиться к этим вопросам с позиций не только стилистики и коллоквиалистики, но и семиотики.

1.5. ВОПРОС О ФОРМАХ БЫТОВАНИЯ РЕЧИ (ПИСЬМЕННОСТЬ / УСТНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ) С ПОЗИЦИЙ КОЛЛОКВИАЛИСТИКИ И СЕМИОТИКИ

1.5.1. Постулируемая в коллоквиалистике устная форма бытования PP

При решении вопроса о принципиальной возможности бытования PP не только в устной, но и в письменной форме исследователи PP рассматривают два аспекта этой проблемы:

- 1) существует ли устная форма функционирования КЛЯ,
- 2) употребляется ли PP в письменной форме в условиях реальной естественной коммуникации (понятно, что специальная, собственно научно-лингвистическая форма записи любого проявления языка, будь то PP, просторечие или диалект, принципиально возможна как в приблизительном отображении этих реалий, так и с помощью специальных научных знаков и помет).

Как известно, В.В. Виноградов оперировал понятием «обиходно-бытовой стиль», считая, очевидно, РР одним из его проявлений. При этом в качестве реализации этого стиля он рассматривает и устную обиходную речь, и такие письменные жанры, как бытовые письма и дневниковые записи. Кроме того, для В.В. Виноградова было очевидным, что, хоть и в условной, стилизованной форме, РР находит письменное отражение в языке художественной литературы [Виноградов 1963].

Что касается коллоквиалистики, то в решении этих проблем исследователи существенно расходятся в мнении, и это связано с разными подходами к статусу РР и ее соотношению с КЛЯ.

Группа исследователей под руководством Е.А. Земской высказывает несколько противоречивые суждения. С одной стороны, ими утверждается, что устной формы КЛЯ не существует (об этом см. выше). С другой стороны, авторы разграничивают понятия устной и письменной формы предъявления текста, с одной стороны, и РР и КЛЯ – с другой: «РР обнаруживается преимущественно в устной форме, но не может быть отождествлена с устной речью, так как и в КЛЯ существует устная форма (лекция, доклад, публичное выступление, сценическая речь и под.)» [РРР 1973: 13].

Согласно этому разграничению, выделяются концептуально устные и концептуально письменные тексты, которые могут совпадать или не совпадать с формально устными и формально письменными текстами. К концептуально и формально устным формам относятся, например, приятельская беседа или телефонный разговор. К концептуально и формально письменным – текст законодательного документа или научной монографии. К концептуально письменным, но формально устным – случаи публичного прочтения соответствующих письменных текстов, и, наконец, к концептуально устным, но формально письменным относят частные письма, записки, многие тексты или фрагменты текстов художественной литературы. Конечно, «устность» перечисленных выше жанров в высшей степени условна: в отличие от произносимого текста, эти тексты чаще всего тщательно продумываются, подправляются и переписываются, так как не обладают одной из главных особенностей разговорной речи – функционированию в режиме реального времени. В силу этих причин авторы приходят к следующему определению РР: «Итак, мы предлагаем называть термином «разговорная речь» неподготовленную речь носителей литературного языка, обнаруживающуюся в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях между говорящими и отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер» [PPP 1973: 17]. Как вы видим, из определения РР исключен параметр устности, однако, как известно, в своих многочисленных исследованиях РР научный коллектив под руководством Е.А. Земской анализирует и описывает именно устные тексты (см., напр., [РРР: Тексты 1978]).

О.Б. Сиротинина начиная уже с ранних своих работ исходит из того, что «разговорная речь — это устная форма диалогической речи бытового или нейтрального типа разговорного стиля» [Сиротинина 1969: 387]. При определении основополагающих признаков РР она выводит на первый план такой признак, как непосредственность общения, и утверждает, что «устная форма речи, определяемая непосредственностью общения, является единственной формой существования разговорной речи» [Там же].

О.А. Лаптева вопрос о принципиальной устности бытования РР также считает чрезвычайно важным и в его решении рассмат-

ривает два соотношения: 1) устно-разговорная разновидность и устная форма проявления кодифицированного литературного языка, 2) устно-разговорная разновидность и разговорный тип письменно-литературного языка.

Принципиальным подходом к исследованию PP в работах О.А. Лаптевой является подход к PP как к устно-разговорной разновидности русского литературного языка: «Устнолитературная разновидность современного русского литературного языка — это речь различных сфер повседневного устного общения основного конгломерата современных носителей русского литературного языка, владеющих им как родным» [Лаптева 1976: 96].

При этом О.А. Лаптева утверждает, что устная форма, в которой могут быть представлены тексты не только PP, но и всех других функциональных стилей (например, устный доклад научного стиля в противоположность научной статье на эту же тему), «создает весьма существенные отличия текста устного выступления от письменного текста; достаточно взять любую стенограмму, чтобы в этом убедиться» [Лаптева 1976: 42].

В устной речи, в том числе официальной и публичной, любой адресант обычно непроизвольно допускает типизированные конструкции, характерные для РР, самоперебивы, синтаксически не законченные построения, повторы, отступления от нормативного порядка слов и т.п.; в определенном объеме возможно и включение в повествование разговорной лексики. «Таким образом, фактор публичности речи не может обеспечить существование устно-литературной кодифицированной речи, нормы которой полностью совпадали бы с письменно-литературной» [Лаптева 1976: 48].

Далее, ориентируясь на речевую практику середины XX века, автор утверждает, что опосредованность (бумага заменяет непосредственного адресата), подготовленность и официальность речи присущи только КЛЯ, имеющему принципиально письменный характер. Требования же устной речи, «организация которой носит линейно-прогрессивный характер, таковы, что они подчиняют себе языковые, преимущественно синтаксические и лексические, характеристики» [Лаптева 1976: 53].

Как мы видим, автор вступает здесь в полемику с Е.А.Земской, которая при противопоставлении КЛЯ и РР существенным считает признаки официальности и публичности употребления КЛЯ и неофициальности, непубличности и конситуативности РР. Во главу угла О.А. Лаптева ставит признак письменности / устности и утверждает, что устная форма реализации речи всегда приближает ее к РР вплоть до полного с ней слияния: «Всякая устная речь, если она не является воспроизведением письменного текста, спонтанна и обладает особенностями, выводящими ее за пределы кодифицированного литературного языка» [Лаптева 2007: 22]. Фактор официальности речи, по О.А. Лаптевой, влияет только на собственно стилистическую сферу, при этом стилистические градации в устной речи возникают только при условии высокой языковой и речевой культуры говорящего.

Е.А. Земская, как уже было сказано, постулирует полную зависимость выбора речевых средств от общей обстановки протекания речи, т.е. ситуации. О.А. Лаптева же утверждает, что факторы ситуации и темы выступают совместно: тема обязывает к употреблению определенного набора речевых средств, но ситуация накладывает отпечаток на эту закономерность. Так, например, приятели-ученые могут в неофициальной обстановке обсуждать научную тему как с преимущественным использованием средств КЛЯ, так и в обиходно-бытовом аспекте с преимущественным использованием средств РР; О.А. Лаптева соглашается здесь с О.Б. Сиротининой, которая отмечает, что в случае обиходно-бытового отношения к серьезной теме происходит смена темы — «фактически это разные темы сообщения» [Сиротинина 1970: 65].

Реальной РР, бытующей исключительно в устной форме и этой устной формой определяемой, О.А. Лаптева противопоставляет разговорный тип письменно-литературного языка — «специфическое явление, сложившееся в пределах художественной литературы <...> и отражающее наряду с устно-разговорной разновидностью и просторечно-жаргонные, и профессиональные, и диалектные элементы. В этом смысле он шире устно-разговорной разновидности <...> отношения устно-разговорной разновидно-

сти литературного языка сводятся к процессам отражения первой во втором» [Лаптева 1976: 64].

1.5.2. Семиотический подход к формам бытования речи

Семиотика как наука о знаках с самого начала своего существования (работы Ч. Пирса, Ф. де Соссюра, Э. Кассирера) представляла собой метанауку, исследования в рамках которой продолжилась в русистике в двух основных центрах — в Москве (В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский, И.И. Ревзин и др.) и Тарту (Ю.М. Лотман, Б.М. Гаспаров, З.Г. Минц, И.А. Чернов и др.), причем можно с большим основанием говорить о единой московско-тартуской семиотической школе, термины и понятия которой мы будем использовать в нашем исследовании. Коротко изложим базовые для нашей работы положения семиотики.

Основное понятие — знак — предстает в семиотике как трехсторонняя сущность, объединяющая выражение (означающее), содержание (означаемое) и синтактику (сочетаемость знака с другими знаками, не обусловленная значением (см., напр., [Степанов 1985]). Тем не менее в лингвистике в центре внимания находятся два параметра — означаемое и означающее (в традиции работ Ф. де Соссюра). Так, М.В. Панов пишет: «При анализе языка, на всем протяжении анализа, речь должна идти о языке, т.е. о знаках, объединяющих обозначаемое и обозначающее. Пренебрегая на каком-то этапе исследования знаковой природой языка, мы подменяем его изучением операций мышления, психологических процессов и т.д.» [Панов 2007: 48]

Процесс обмена знаками в семиотике носит название семиозиса: адресант (отправитель) передает адресату (получателю) информцию (сообщение) через определенный канал связи с использованием известного обоим кода. «Частным случаем семиозиса является речевое общение (или речевой акт), а частным случаем кода — естественный язык. <...> Код (и язык в том числе) представляет собой систему, которая состоит из структуры знаков и правил ее функционирования. Структура, в свою очередь, состоит из знаков и отношений между ними» [Кронгауз 2001: 31]. Ю.С. Степанов определяет любую знаковую систему как «материальный посредник, служащий обмену информацией между двумя другими материальными системами» [Степанов 1971]

Существует несколько параметров классификации знаков. Так, с точки зрения соотношения формы и содержания знаки могут быть разделены на иконические (форма и содержание знака сходны), индексальные (форма и содержание смежны) и символические (форм и содержание связаны произвольно, немотивированно); подавляющее большинство знаков являются символическими. С точки зрения канала восприятия знаки можно разделить на зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые. С точки зрения длительности – на моментальные (исчезающие) и длительные (стабильные). С точки зрения строения – на элементарные и неэлементарные.

Знаки объединяются в знаковые системы, включающие, помимо самих знаков, отношения между знаками, законы и закономерности их комбинаторики и правила функционирования. Естественный язык описывается в семиотике как первичная знаковая система, а основным объектом исследования является текст, понимаемый как результат действия знаковой системы в процессе коммуникации; во многих семиотических работах понятие текста употребляется расширительно — вплоть до понимания под текстом нематериальной культуры вообще.

Л. Ельмслев, основоположник глоссемантики выдвинул идею, позволяющую разграничить знаки и тексты. В плане содержания коммуникации необходимо различать 1) аморфный замысел, мысленный образ будущего высказывания и 2) наложения замысла на структуру конкретного языка в границах лингвистической относительности Сепира-Уорфа. В плане выражения целесообразно различать 3) материальные носители сообщения (звуки, жесты, движения и др.) и 4) формы выражения (звуки и буквы конкретного языка, средства живописи и др.). Соответственно первый уровень составляет глубинный смысл, замысел адресанта, второй уровень – поверхностный смысл текста, третий уровень – материальный носитель текста, четвертый уровень – его код (см. об этом [Соколов 2002]).

В 70-е годы XX века Вл. Барнет разграничил три типа речевых ситуаций с точки зрения использования в них различных каналов передачи информации: 1) носителем информации являются только языковые средства, 2) носителем информации является соче-

тание языковых, жестовых и мимических знаков, 3) информация передается лингвосемиотическими средствами в сочетании с социальным поведением и социальными отношениями людей (подробнее об этом см. в [Земская 2004: 290-292]).

Ю.С. Степанов об этом пишет так: «Естественный язык тесно соприкасается (и даже сливается иногда) с другой, ближайшей к нему семиотической системой — системой жестов» [Степанов 1971].

Наиболее значимой для темы нашего исследования является знаменитая работа Б.М. Гаспарова «Устная речь как семиотический объект» (1978), в которой он с позиций семиотики последовательно рассматривает соотношение устной и письменной речи. Проанализируем ее подробнее.

Б.М. Гаспаров справедливо исходит из того, что «носитель письменной культуры нового времени – от только что выучившегося читать школьника до профессионального филолога – существует в обстановке своего рода легенды, мифа об устной речи, сформировавшегося в условиях и традициях письменной культуры» [Гаспаров 1978: 65] и что «задача состоит в том, чтобы дать культурологическую проекцию различий между устной и письменной речью» [Там же: 66].

Представим параметры сопоставления устной и письменной речи, предложенные Б.М. Гаспаровым, в форме таблицы:

	Устная речь	Письменная речь
1.	Необратимость речи: в	Обратимость речи: адресант
	каждой временной точке	может корректировать текст,
	воспринимается только	а адресат – возвращаться к
	один сегмент текста, по-	любому его фрагменту и даже
	вторения и исправления не	заглядывать вперед, пропус-
	вычеркивают уже сказан-	кая некоторые части текста.
	ное, а сменяют его во вре-	
	менном следовании.	
2.	Отсутствие четкой струк-	Структурированный харак-
	турированности, по-	тер, «так как нашу память и
	скольку объем информа-	способность к прогнозирова-
	ции «не может быть цели-	нию подстраховывают много-
	ком удержан оперативной	образные возможности из

	памятью» [Там же: 74]	временного потока речи» [Там же: 74]
3.	Непроективное строение	Проективное строение тек-
] 3.		
	текста: текст «характери-	ста: четкое разделение текста
	зуется чересполосицей	на абзацы и предложения, об-
	межфразовых связей» [Там	ладающие смысловыми и
	же: 81], разрушаются гра-	формальными связями.
	ницы между фразами, син-	
	таксические сегменты на-	
	низываются с формально	
	не отмеченной их группи-	
	ровкой; используются по-	
	вторы и возвращения (в	
	варьированном виде).	
4.	Нелинейный смысл, «ко-	Линейный смысл, генери-
	торый организуется произ-	рующийся путем последова-
	вольными перестановками	тельного вывода.
	блоков так, чтобы все по-	
	лезные сопоставления	
	смысловых частей (ассо-	
	циирование которых рабо-	
	тает на формирование	
	смысла целого) были по-	
	лучены» [Там же: 81]	
5.	Недискретная многока-	Вербальная одноканаль-
	нальность: «вербальная	ность: знаки препинания,
	последовательность явля-	ударения, шрифтовые выде-
	ется лишь одним из не-	ления отчасти воссоздают ин-
	скольких параллельно ра-	тонационную структуру фра-
	ботающих каналов <>	зы, но «представлены в опре-
	так что конечный резуль-	деленных точках вербальной
	тат определяется совмеще-	последовательности, в то
	нием и взаимодействием	время как мелодика сопрово-
	этих каналов» [Там же:	ждает все течение устной ре-
	82], т.е. совмещение вер-	чи» [Там же: 86]; с мелодиче-
	бального и мелодического	скими параметрами устной
	ряда (интонация, гром-	речи сходны своей ролью по-

	кость, акцентуация, темп,	черк, размер букв, располо-
	тембр речи).	жение текста на бумаге.
6.	Наличие визуального	Отсутствие визуального ка-
	канала передачи: мимика,	нала передачи информации.
	жест, направление и харак-	
	тер взгляда (не реализуется	
	при телефонном разгово-	
	pe).	
7.	Возможность использо-	Отсутствие возможности
	вания дополнительных	использования перечислен-
	факторов речи: кинетиче-	ных факторов.
	ского (перемещение), спа-	
	циального (пространствен-	
	ное расположение), так-	
	тильного и парафонетиче-	
	ского (смех, плач и др.).	
8.	Смысл речи сложный, но	Смысл дискретен и струк-
	диффузный.	турирован.
9.	Смысл речи открытый:	Смысл речи закрытый.
	«число и характер связей	
	между отдельными частя-	
	ми устной речи не лимити-	
1		
	рованы и принципиально	
	рованы и принципиально не могут быть исчислены»	
10	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91].	
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроиз-	Смысл речи воспроизводи-
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт	мый: «конечный его резуль-
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт устной коммуникации ока-	мый: «конечный его результат обуславливает тождество
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт устной коммуникации оказывается уникальным с	мый: «конечный его результат обуславливает тождество смысловой генерации при ка-
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт устной коммуникации оказывается уникальным с точки зрения передаваемой	мый: «конечный его результат обуславливает тождество смысловой генерации при каждом акте» [Там же: 93].
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт устной коммуникации оказывается уникальным с точки зрения передаваемой информации; воспроизве-	мый: «конечный его результат обуславливает тождество смысловой генерации при каждом акте» [Там же: 93]. Текст выступает «как средст-
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт устной коммуникации оказывается уникальным с точки зрения передаваемой информации; воспроизведение текста не воспроиз-	мый: «конечный его результат обуславливает тождество смысловой генерации при каждом акте» [Там же: 93]. Текст выступает «как средство хранения, воспроизведения
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт устной коммуникации оказывается уникальным с точки зрения передаваемой информации; воспроизведение текста не воспроизводит раз переданный и	мый: «конечный его результат обуславливает тождество смысловой генерации при каждом акте» [Там же: 93]. Текст выступает «как средство хранения, воспроизведения и передачи стандартной и
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт устной коммуникации оказывается уникальным с точки зрения передаваемой информации; воспроизведение текста не воспроизводит раз переданный и принятый смысл и являет-	мый: «конечный его результат обуславливает тождество смысловой генерации при каждом акте» [Там же: 93]. Текст выступает «как средство хранения, воспроизведения и передачи стандартной и стабильной информации, а не
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт устной коммуникации оказывается уникальным с точки зрения передаваемой информации; воспроизведение текста не воспроизводит раз переданный и принятый смысл и является актом генерации нового	мый: «конечный его результат обуславливает тождество смысловой генерации при каждом акте» [Там же: 93]. Текст выступает «как средство хранения, воспроизведения и передачи стандартной и стабильной информации, а не как средство открытой гене-
10.	рованы и принципиально не могут быть исчислены» [Там же: 91]. Смысл речи невоспроизводимый: «всякий акт устной коммуникации оказывается уникальным с точки зрения передаваемой информации; воспроизведение текста не воспроизводит раз переданный и принятый смысл и являет-	мый: «конечный его результат обуславливает тождество смысловой генерации при каждом акте» [Там же: 93]. Текст выступает «как средство хранения, воспроизведения и передачи стандартной и стабильной информации, а не

Б.М. Гаспаров метафорически описывает соотношение устной и письменной речи как соотношение между эскизом и чертежом, но, тем не менее, утверждает, что различия между устной и письменной речью нельзя абсолютизировать. «Однако если нельзя говорить об абсолютном различии, то во всяком случае можно утверждать, что письменная и устная речь достаточно четко различаются общей доминирующей тенденцией в отношении выбора средств и способов генерации смысла. <...> В целом устная и письменная речь нацелены на две различные стратегии языкового поведения <...> Функциональное различие устной и письменной речи опирается в большей степени на те свойства, которые были описаны выше, чем на особенности ситуаций, в которых они употребляются. Действительно, письменная речь может протекать в условиях весьма конкретной ситуации (обмен записками – письменный диалог), но и в этом случае не теряет своего основного качества и оказывается не тождественной соответствующему по общему содержанию устному тексту. С другой стороны, устная речь, не апеллирующая к конкретной ситуации (публичное выступление, доклад), и даже не обладающая спонтанностью, сохраняет особенности устной коммуникации» [Там же: 94]. (Необходимость привести а нашей работе столь пространную цитату связана с чрезвычайной важностью для нашего исследования высказанных в ней соображений.)

Изучением невербальных средств устной коммуникации занимается относительно молодая семиотическая дисциплина — **паралингвистика**. А.В. Соколов группирует паралингвистические средства коммуникации следующим образом:

- 1) просодия (тон, интонация, темп, громкость),
- 2) экстралингвистика (смех, плач, паузы, вздохи, покашливание, звукоподражание),
 - 3) кинесика (мимика, жесты, походка, пантомимика, взгляд),
 - 4) такесика (рукопожатие, похлопывание, объятия, поцелуй),
- 5) проксемика (дистанция между партнерами коммуникации) [Соколов 2002].
- С.В. Андреева в монографии «Речевые единицы устной русской речи» (2006), говоря о системности функционирования еди-

ниц речевой коммуникации, предлагает структурировать материальные носители информации так:

- 1.1 информативы носители фактуальной информации,
- 1.2 коммуникативные регуляторы носители коммуникативной информации,
- 1.3 прагматические операторы носители дискурсивной инормации,
- 1.4 звуковые жесты носители эмоционально-чувственной информации ([Андреева 2006: 107].

Таким образом, с позиций семиотики особенности текста описываются в векторе материальный носитель текста \rightarrow код \rightarrow текст как носитель смысла речи.

1.5.3. Соотношение понятий «функциональный стиль» и «устная / письменная форма речи»

Как мы видим из приведенного выше обзора основных положений стилистики, ортологии, коллоквиалистики и семиотики, понятия функционального стиля и устной / письменной формы бытования текста рассматриваются в них по-разному.

Необходимо заметить, что соображения об отсутствии прямого соотношения функциональных стилей и форм их бытования были высказаны еще в 50-е годы XX века.

А.И. Смирницкий и О.С. Ахманова в статье «О лингвистических основах преподавания иностранных языков» (1954) пишут: «Вряд ли можно думать, что дифференциация речи по ее формам (или тем более по характеру участия в ней данного лица) может быть поставлена в простую и прямую связь со стилями речи <...> Тот или иной стиль речи все же не оказывается закрепленным за определенной ее формой. Современный роман, повесть, рассказ (не говоря уже о пьесе), естественно, дают нам в письменной форме то, что нередко именуется «разговорным» стилем. Вместе с тем в устной форме речи, например, научного работника или дипломата, может быть представлен так называемый «письменный» или «книжный» стиль» [Смирницкий, Ахманова 1954: 50].

В ходе знаменитой дискуссии о функциональных стилях 1954 года И.Р. Гальперин отмечает: «Многообразные формы функционирования языка не всегда создают какую-то определенную систему: они часто определяются условиями общения. Поэтому

представляется целесообразным различать особенности средств выражения, связанные с условиями общения, и особенности средств выражения, являющиеся результатом сознательного отбора этих средств для конкретных целей. Так, деление речи на устную и письменную, в основном, связано с условиями, в которых реализуется общение» [Гальперин 1954: 78].

Эти соображения поддерживает и В.В. Виноградов в своей обзорно-обобщающей статье: «При изучении форм речи прежде всего выступает глубокое различие между речью разговорной и речью письменной, с которыми чаще всего и связывается в самом общем плане название «стиля речи». Но это неправильно. <...> Разговорная форма речи отличается от письменно-книжной уже тем, что в ней интонация, мимика и жесты собеседников, бытовая ситуация играют огромную смысловую роль. Справедливо отмечались в связи с этим лексико-фразеологические особенности, синтаксические и интонационные своеобразия разговорной формы речи» [Виноградов 1955: 78]. Как мы видим, В.В. Виноградов несколько непоследователен в терминологии: устное он называет разговорным, а письменное — книжным, однако мысль о необходимости разграничения функционального стиля и формы реализации речи высказана достаточно четко.

Специально этому вопросу посвящена статья В.Г. Костомарова «О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» (1965). Десятилетие, отделяющее эту работу от предыдущих, является свидетельством того, что за это время мысль о необходимости разграничения этих понятий так и не стала очевидной.

Более того, в научных работах и учебниках по стилистике эти понятия слабо разграничиваются и по сей день.

Так, О.Н. Григорьева в учебном пособии «Стилистика русского языка» (2000) сополагает понятия РР и других стилей, посвящая каждому по главе, и пишет, что «разговорная речь соотносится с областью быта, домашней жизни, которая может проявляться и вне дома <...> Происходит непосредственное общение между собеседниками, устанавливаются неофициальные, непринужденные отношения, даже если участники диалога видят друг друга в первый раз» [Григорьева 2000: 31]. Из этого начала раз-

дела «Разговорная речь» можно сделать недвусмысленный вывод, что автор принимает единственную форму существования PP – устную.

Авторы учебника «Культура русской речи» (2001) дают следующее определение РР: «Разговорная речь — это спонтанная литературная речь, реализуемая в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих с опорой на прагматические условия общения» [Культура русской речи 2001: 50]. Как мы видим, в самом определении нет указания на устную форму бытования РР, однако в дальнейшем тексте этой главы авторы утверждают, что «основной, если не единственной, формой реализации разговорной речи является устная форма» [Там же: 55]. Можно было бы предположить, что авторы различают понятия РР и разговорного стиля (и это отчасти так и есть), однако РР описывается в одном ряду с другими функциональными стилями, а понятие разговорного стиля в этом ряду отсутствует.

В учебнике М.Н. Кожиной «Стилистика русского языка» (2010), как мы уже отмечали, понятия разговорно-обиходного стиля и РР отождествляются, при этом данному стилю дается следующее определение: «Под разговорно-обиходным, или просто разговорным, стилем понимают обычно особенности и колорит разговорной речи носителей литературного языка; вместе с тем разговорный стиль проявляется и в письменной форме (записки, частные письма)» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 432-433].

Как мы видим, последние два учебника, недавно изданные и вполне современные, в теории готовы разграничить понятия «разговорный» и «устный», но на практике в перечислении уровневых средств этого стиля важное место занимает описание именно фонетических признаков РР.

Большой интерес в контексте нашей работы представляет статья А.А. Кибрика «Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов» (2009). В ней утверждается, что типовые особенности текста каждого дискурса определяются как минимум четырьмя дискурсивными параметрами: 1) модус (устный или письменный канал передачи информации), 2) жанр, 3) функциональный стиль, 4) формальность [Кибрик А. 2009]. Таким обра-

зом, автор выводит параметры устности/письменности и официальности/неофициальности за пределы функциональных стилей и отмечает, что «самое крупное противопоставление между типами дискурса – это противопоставление по модусу, или каналу передачи информации <...> Хотя письменный язык изучать безусловно удобнее, элементарная логика требует признать его вторичность и производность. Совершенно очевидно, что устный модус - это исходная, фундаментальная и более простая форма существования языка, а письменный модус является производным от устного и представляет собой более позднюю, вторичную разновидность языка – и в онтогенезе, и в филогенезе» [Кибрик 2009: 5] И далее: «Различие в канале передаче информации имеет принципиально важные последствия для процессов устного и письменного дискурса» [Там же: 6]. Эти последствия А.А. Кибрик описывает так: 1) фрагментарность, квантовость устной речи / интеграция предикаций в письменной речи, 2) наличие / отсутствие контакта между говорящим и адресатом во времени и пространстве. «Следовательно, письменный модус является в первую очередь результатом аккомодации немаркированного устного языка к специфике письменной ситуации использования. Это не значит, конечно, что язык с длительной письменной традицией не может на протяжении столетий вырабатывать какие-то конвенции, которые резко отличают его от устного языка. но конвенции эти наверняка не случайны: они первоначально возникают под влиянием особенностей режима передачи сообщения, создаваемого письмом» [Там же: 9].

Далее А.А. Кибрик в традициях семиотических исследований рассматривает связь между характером текста и его материальным носителем и на основе типа носителя информации выделяет субмодусы как разновидности дискурса (общение при помощи печатного издания, телефонного разговора, телеграфа, пейджера, автоответчика и, наконец, компьютера). К сделанным автором выводам мы обратимся позднее.

1.6. РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ С ПОЗИЦИЙ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТИЛИСТИКИ, ОРТОЛОГИИ, КОЛЛОКВИАЛИСТИКИ И СЕМИОТИКИ

1.6.1. «Устность» и «разговорность» с позиций фоностилистики. Несколько слов о стилях произношения

При описании PP в работах по коллоквиалистике (равно как и в работах других лингвистических направлений исследования) признаки речи, вызываемые устностью и разговорностью, идут, как правило, в одном ряду, т.е. те параметры речи, которые определяются устной формой реализации речи, описываются как признаки разговорности речи, и это неверно.

Прежде чем приступить к их разграничению, обратимся к некоторым работам по фоностилистике.

Е.М. Болычева в статье «Формирование гуманитарной научной парадигмы в фонетике и орфоэпии» (2009) отмечает, что «в шестидесятые годы 20-го века на основе уже выдвинутых ранее идей и принципов начинает формироваться новая научная парадигма, собственно гуманитарная, когда в центре внимания ученых оказывается человек, его речь и язык. <...> В фонетике указанный подход реализуется в повышенном внимании ученых к описанию особенностей звучащей речи (как на сегментном, так и на суперсегментном уровнях) и характеристике полученных данных с точки зрения их статистической распространенности» [Болычева 2009: 22].

При детальном описании звучащей речи и соотнесении ее с кодифицирующими научными изданиями становится понятным, что «произносительная норма не является однородной и должна подразделяться на фонетическую и орфоэпическую, а соответствующие звуковые особенности следует оценивать либо с точки зрения их фонетической обусловленности, либо орфоэпической прикрепленности. <...> Объективно устаревший вариант произношения все равно останется менее употребительным, даже если орфоэпический справочник и будет считать его единственно правильным способом огласовки слова» [Там же: 27].

С вариативностью произносительной нормы связано понятие стилей произношения. При этом стили произношения, с одной

стороны, связаны с функциональными стилями языка, а с другой – с типами речевой культуры.

М.В. Панов начинает свою статью «О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)» (1963) следующими словами: «Произносительные стили связаны со стилистическими соотношениями в лексике; в известном отношении они производны от лексических стилей» [Панов 2004: 103]. Автор пишет, что «одни определенные произносительные особенности могут выполнять ту же функцию, что и слова разговорного стиля; другие же особенности функционально сопоставимы со словами торжественной окраски» [Там же: 113]. Далее М.В. Панов отмечает, что «в современном русском литературном языке примет разговорного стиля очень много, значительно больше, чем примет высокого» [Там же: 120], и перечисляет признаки разговорного стиля произношения: 1) редукция до нуля заударного гласного рядом с сонорным, 2) стяжение гласных в предударной части слова, 3) редукция согласных в сочетаниях с другими согласными, 4) редукция согласных рядом с гласными, 5) усиление по сравнению с нейтральным стилем ассимилятивного процесса смягчения согласных, 6) аккомодационное оглушение заударных гласных рядом с глухими согласными, 7) сильная качественная редукция заударных, 8) усиление аккомодации гласных между мягкими согласными, 9) редукция конечных согласных в некоторых сочетаниях. М.В. Панов утверждает, что «граница между нейтральным и разговорным стилем очень текуча и нечетка. Особенности высокого стиля в той или иной мере осознаются говорящими, но особенности разговорного остаются неосознанными» [Там же: 122] и что «особенности разговорного произносительного стиля обращены не только к отдельным словам, сколько ко всему тексту вообще; имеет значение общая тенденция, проявляющаяся во всех произносительных особенностях данного текста. Почти каждая из этих особенностей может быть и достоянием нейтрального стиля, но все они вместе выделяют стиль разговорный» [Там же: 123].

Последняя мысль была развита Р.И. Аванесовым в предисловии к монографии «Русское литературное произношение»: он, как и М.В. Панов, разграничивает «основной, нейтральный стиль

и ответвляющиеся от него в разные стороны высокий и разговорный стили» [Аванесов 1984: 33], но замечает, что «стили произношения тесно связаны со стилями языка в целом, и прежде всего со стилистическими разграничениями в лексике. Однако отношения произносительных стилей к стилям в лексике не являются прямолинейными и простыми» [Там же: 32].

О.Б. Сиротинина, автор идеи о разных типах речевой культуры, учитывает владение произносительными стилями при характеристике носителей каждого из типов культуры. Так, носителей элитарного типа О.Б. Сиротинина определяет как людей, владеющих всеми нормами литературного языка и речевого этикета: «Это означает соблюдение не только кодифицированных норм, но и функционально-стилевой дифференциации литературного языка, норм, связанных с использованием у с т н о й [разрядка наша — E.Л.] или письменной речи» [Хорошая речь 2007: 21].

В аспекте интересующей нас проблемы использования стилей произношения интересно, что автор приписывает саму способность фоностилистической дифференциации только носителям элитарной речевой культуры (мысль эта весьма спорна). Однако для темы наше исследования важно то, что автор связывает произносительные стили не только с типами речевой культуры, но и с функционально-стилевой дифференциацией языка.

«Высокий» произносительный стиль в советское время был не только показателем элитарной речевой культуры говорящего, но и обязательным, т.е. нормативным, средством реализации текстов определенной тематики в СМИ. Однако эта норма на сегодняшний день разрушена: «В современной речевой практике, особенно в СМИ, практически исчез «высокий» фонетический стиль, связанный с освещением патриотических тем, рассказом о высоких личных переживаниях, рассказом о важных событиях в жизни государства и конкретного человека. Наблюдается подмена высокого стиля нарочито сниженными, разговорными, часто вульгарными и просторечными интонациями» [Хромов 2004: 115].

Е.М. Болычева в уже упомянутой выше статье отмечает, что произносительные особенности, обнаруженные и описанные исследователями РР в 70-е годы XX века, первоначально «трактовались как принадлежность конкретного функционального стиля.

Однако сравнение полученных результатов показывает, что в области фонетики подобная зависимость не является основополагающей: те «разговорные» по Л.В.Щербе [Щерба 1937] особенности, которые сначала получили характеристику применительно к обиходно-бытовой речи [Русская разговорная речь 1973; Земская 1987], были впоследствии обнаружены и в научной речи [Борисенко 1985], и в публичной [Лаптева 1990]. Видимо, эти особенности, связанные в первую очередь с введенным Л.В.Щербой противопоставлением вариантов «полного» и «разговорного» типа произношения, являются принадлежностью естественной человеческой речи вообще и относятся к фактам собственно фонетической стилистики» [Болычева 2009: 31].

С.В. Князев и С.К. Пожарицкая в разделе «Фонетические особенности разговорной речи» своего учебника «Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия» (2005) пишут, что любой носитель языка, как правило, владеет двумя типами произнесения - «полным» (кодифицированным) и разговорным (неполным, аллегровым), при этом «первый тип произнесения используется в редких ситуациях: в разговоре с иностранцем или лицом, занимающим высокое положение в обществе, при чтении вслух документа, в котором важно точное прочтение каждого слова; второй тип используется в повседневной речевой практиве и безусловно является основным, базовым» [Князев, Пожарицкая 2005: 214]. Иными словами, авторы высказывают мысль, что аллегровый стиль произношения является естественной устной реализацией текста любого функционального стиля и тем самым не привязан к разговорному стилю (эта мысль, впрочем, несколько противоречит названию главы, в которой она высказана, поскольку в определении разговорной речи авторы опираются на концепцию Е.А. Земской).

Мы уже отмечали, что обнаруженные авторами «Русской разговорной речи» компрессированные формы были определены ими как разговорные (см. выше). Е.М. Болычева отмечает, что «исследования по выявлению корпуса форм, которые действительно регулярно подвергаются компрессии, еще только начаты. Составленные словари-списки остаются пока неполными и требуют дальнейшей доработки [Земская 1987: 206-207; Фонетика

спонтанной речи 1988: 240-245]. Существенным в этой связи представляется факт наличия у конкретного слова нескольких компрессированного произношения: [нав'эрнъь] – [нав'эрнъ], [наэнъ], [нэнъ], [нън] и т.д. Подобные ряды образуют своеобразную стилистическую парадигму, в которой одни единицы стоят наиболее близко к кодифицированной форме, а другие оказываются с трудом с ней сопоставимыми. Примеры с незначительной деформацией эталонной огласовки отдельных лексем регулярно воспроизводятся носителями языка и не замечаются ими в речи других людей при отсутствии специальной установки на «фонетическое аудирование». Появление подобных вкраплений закреплено объективной нормой и оказывается приметой нейтрального стиля произношения. Именно такая речь воспринимается нами как обычная. Следует отметить, что частотность употребления в ней несильно компрессированных вариантов остается очень незначительной. Это достигается одновременным обращением и к полному способу огласовки тех же самых слов: [съиршэнъ] наряду с [съв'иршэнъ] (совершенно). Разговорный стиль произношения формируется более широким использованием явления компрессии. Соответствующие примеры фиксируются чаще, и сами они могут несколько значительнее отступать от кодифицированного образца. Однако характер подобного отступления не должен достигать крайней степени: варианты типа [ч'о] (что), [ш'а] (сейчас), [с'он'] (сегодня) тяготеют к просторечию, равно как и вообще злоупотребление в речи компрессированными формами любого типа» [Болычева 2009: 33-34].

Авторы «Фонетики спонтанной речи» (1988) говорят об общности признаков устной речи в разных функциональных стилях (анализируя при этом, правда, преимущественно устные тексты РР): «Коммуникация посредством неподготовленной по форме, свободно и сиюминутно порождаемой устной речи, без сомнения, составляет основную долю речевой деятельности любого человека. именно эта форма устной речи, которая может сочетаться с различной степень подготовленности (обдуманности) ее содержательной стороны и использоваться в различных ситуациях общения (разговорный диалог или полилог, беседа, свободный мо-

нолог, доклад или лекция, читаемые без опоры на письменный текст, и др.), называется в данной книге спонтанной речью и является предметом экспериментального исследования с точки зрения ее звукового оформления» [Фонетика спонтанной речи 1988: 5].

Другие фонетисты еще более кардинально решают проблему нормативности компрессированных форм для устной речи текстов разных стилей. Так, Р.Ф. Касаткина утверждает: «Эллипсис гласных, согласных и целых слогов считается явлением, свойственным разговорной речи. Кодифицированная речь как будто бы свободна от этих деформаций «эталонного облика» фонетического слова. Однако анализ текстов небытовой спонтанной речи (интервью, монологи образованных людей по радио и ТВ, доклады лингвистов на конференциях и заседаниях ученого совета) позволяет установить, что и в текстах подобного рода, далеких от «разговорной» речи, присутствуют все явления, перечисленные выше. Такие фонетические реализации, как [ч'эк] (человек), [н'ик'их] (никаких), [бум] (будем), [к'ит] (какие-то), [с:нар'ий] (сценарий) и др. подобные регулярно фиксируются в спонтанной речи, относящейся к официальному стилю» [Касаткина 2006: 74].

Аналогичные выводы на точном инструментально обработанном материале делают и исследователи актуального проекта «Один речевой день»: анализируя произношение лексемы *что*, они пришли к выводу, что носители языка с нормативным в целом произношением произносят ее не только как [што], но и как [ч'о] или [шо] в зависимости от фонетического окружения и фразовой позиции [Рыко, Степанова 2010: 108-109].

1.6.2. Разграничение понятий «устность» и «разговорность». Признаки устности и разговорности

Мы полностью разделяем идею необходимости разграничения понятий «функциональный стиль» и «устная / письменная форма реализации речи», и это приводит нас к следующему шагу нашего исследования — разграничению признаков «устности» и «разговорности» текста.

Нами были перечислены фонетические признаки, связанные с устной формой реализации текста.

Другим уровнем языка, на котором проявляются признаки устности, является синтаксис.

Ранее была представлена общая характеристика синтаксиса устной речи, данная Б.М. Гаспаровым, — это «непроективное строение текста» [Гаспаров 1978: 81]. В этой же статье Б.М. Гаспаров детализирует особенности синтаксического строения фразы и текста, вызванные параметром устности:

- 1) инверсии и разрыв конфигураций: непосредственно синтаксически связанные между собой элементы отрываются друг от друга в линейном расположении;
- 2) перебивы речи: заполнение пауз незначимыми элементами вот, значит, ну, так и др.;
- 3) активизация исходных форм слов: вынос в начальную позицию И.п. темы или инфинитива;
- 4) разрушение границ между фразами: дискретные предложения, связанные между собой по определенным правилам, заменяются нанизыванием синтаксических сегментов при формально не отмеченной их группировке в синтаксически самостоятельные единицы;
- 5) повторения и возвращения (в варьируемом виде) для актуализации уже выраженных смыслов;
- 6) перестановки смысловых блоков для внесения ясности и компановки смысла, приводящие к «нелинейности» текста [Гаспаров 1978: 76-82].

В качестве примера приведем записанное нами начало второй лекции М.А. Кронгауза на тему «Русский язык в XXI веке», прочитанную им в рамках проекта «Академия» на канале «Культура» 26 октября 2010 года; полную видеозапись обеих лекций можно посмотреть в Интернете на официальном сайте канала «Культура». При записи использовался формат, принятый в [Русская разговорная речь: Тексты 1978]: знаками конца предложения являются //, !, ?; пауза обозначается как /, курсив означает убыстренный темп речи.

М.А. Кронгауз входит в аудиторию, слушатели встают, после чего М.А. Кронгауз подходит к первому ряду, пожимает руку одному из слушателей, поднимает руки вверх, приветственно машет аудитории и начинает лекцию:

«Если вы решили / что я сошел с ума / то вы хорошие носители языка // Потому что мое поведение было явно неадекватным // В чем была неадекватность? / а... // Я использовал знаки приветствия / ну хорошо еще не полез целоваться / ну я вот это вот / махал руками / руку пожал / но использовал их неправильно // Потому что лектор / так себя не ведет // Лектор не пожимает руку / не приветствует как глава государства / а... // Мы видим / м... / что одно из очень важных явлений в языке / это речевой этикет // И даже если мы выучили знаки / например знаки приветствия / то это не значит / что нас не вычислят / как чужого // Ну / скажем / как шпиона // Потому что надо / не просто знать слова и знаки / надо понимать / как их правильно использовать // <...> Сейчас словари / не всегда успевают / за изменениями в лексике / но всетаки как-то успевают // А этикет не фиксируется // Вот где узнать / что пожимать руку лектору / не нужно? // Где узнать / что надо прощаться / до свидания / а теперь можно прощаться / до связи? Тем не менее / это очень важная часть / мы все про это знаем / а вот иностранцу труднее // Или ребенку ведь тоже надо / овладеть новым этикетом // А он видит / что одни люди / ведут себя так / а другие этак» [Кронгауз 2010].

Лекция производит впечатление абсолютно грамотного текста научно-популярной направленности, М.А. Кронгауз артистичен и убедителен, много жестикулирует. Однако, как мы видим, эта «стенограмма» демонстрирует полный набор примет устности текста. Это и прямые лексические повторы, и парцелляция, и незаполненные валентности, и вводные слова, привлекающие внимание собеседника, и «паразитные» вставки – заполнители пауз.

Если наложить предложенные выше разведенные параметры разговорности и устности на общую характеристику PP, данную, например, E.A. Земской, то мы получим следующую картину.

К признакам устности можно отнести следующее:

- использование многоканальной связи (вербальной + аудиальной + визуальной и др.);
- редукция (вплоть до нуля) и комбинаторные изменения звуков в потоке речи, т.е. аллегровая речь;
 - наличие «сорняков» заполнителей пауз;

- использование И.п. темы и инфинитива в абсолютном начале предложения;
- парцеллированность речи при нечетких границах предложения;
- ассоциативная, а не формальная связь синтаксически оформленных фрагментов текста;
- интонация и порядок слов как основные средства актуализации смысла;

К признакам разговорности можно отнести следующее:

- высокая зависимость смысла от конситуации;
- конденсация содержания в минимуме вербальных знаков благодаря общности апперцепционной базы;
 - минимальность синонимики и вариативности;
- автоматизированность речи, использование шаблонов и клише;
- высокая оценочность речи за счет использования оценочной и экспрессивной лексики;
- окказиональное ситуативное словообразование (в том числе с приращенными смыслами, выводимыми из ситуации речевого общения);
- использование в качестве номинаций местоимений, существительных в косвенном падеже с предлогами, конструкций со спрягаемыми формами глагола;
 - использование форм «нового вокатива»;
- значительно более частое употребление полной формы прилагательного по сравнению с краткой формой;
- использование глагольных форм в переносном употреблении (императив в значении индикатива или конъюнктива, настоящее время в значении прошедшего и т.д.);
- морфологическая языковая игра: склоняемость несклоняемых существительных и аббревиатур, заполнение морфологических лакун (отсутствующих в КЛЯ форм) и др.;
- нулевая предикация при передаче значений движения и речи;
 - бессоюзие сложного предложения.

1.6.3. Вопрос о промежуточной между устной и письменной форме бытования РР

Совмещение признаков устности и разговорности во всех проанализированных нами работах по стилистике и коллоквиалистике (в отличие от работ по семиотике) совершенно неслучайно, в целом не является следствием научного «недосмотра» и вызвано тем, что в большинстве исследований за PP, как уже было сказано, признается только устная форма ее бытования.

Однако в последнее время появились работы, в которых в явном виде утверждается, что необходимо выделить и тексты промежуточного между письменным и устным статуса.

Так, А.А. Кибрик в уже упомянутой нами статье пишет: «Один из таких субмодусов в последнее время приобрел экстраординарную роль и иногда рассматривается как особый модус, наравне с устным и письменным. Это электронный модус. Общение по электронной почте представляет особый интерес как феномен, возникший 10-15 лет назад, получивший за это время огромное распространение и представляющий собой нечто среднее между устным и письменным д и с к у р с о м [разрядка наша – E.Л.]. Подобно письменному дискурсу, электронный модус использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью. Еще более чистым примером соединения особенностей письменного и устного дискурса является общение в режиме Talk (или Chat), при котором собеседники «разговаривают» через компьютер: на одной половине экрана участник диалога пишет свой текст, а на другой половине может видеть побуквенно появляющийся текст своего собеседника. исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активных областей современного дискурсивного анализа» [Кибрик 2009: 9].

Ю.В. Чернова в статье «Концепции письменности и устности в чате» (2010) утверждает: «Чат трудно вписать в дихотомию устности-письменности, он объединяет в себе признаки обоих концептов, поэтому мы говорим о гибридной форме коммуникации» [Чернова 2010: 792]. При этом автор исходит из совершенно справедливого соображения, что принципиальным отличием ча-

тов от других письменных форм речи является их принципиальная невоспроизводимость.

Е.В. Какорина формулирует сходную мысль: «В Интернет-коммуникации возникли новые формы письменного речевого общения, совмещающие в себе <...> устную и письменную коммуникацию» [Какорина 2010: 337].

Справедливости ради надо сказать, что идея промежуточного статуса некоторых текстов была высказана Б.М. Гаспаровым в статье «Устная речь как семиотический объект» еще в 1978 году: «...Наличие частичных, периферийных пересечений между свойствами устной и письменной речи создает возможность их сближения и образования переходных форм, как особого стилистического приема» [Гаспаров 1978: 94]. Автор не предвидит здесь появление новых каналов коммуникации, а говорит лишь о передаче РР в художественной литературе (особенно в современной ему европейской).

Нашей принципиальной позицией в данном вопросе является безусловный отказ от признания существования формы текста, промежуточной между устной и письменной. Действительно, те признаки текста, которые вызываются устной формой его исполнения (в первую очередь общая его компрессивность и фрагментарность синтаксиса), могут быть имитированы на письме, поскольку коллективное языковое сознание (а зачастую и профессиональное лингвистическое) до сих пор параметр устности не отделяет от параметра разговорности, однако с семиотической точки зрения устность и письменность текста определяются основным каналом его передачи (и, соответственно, материальным носителем текста) – аудиальным или визуальным (в данном случае вербальным).

И в этом контексте представляется необходимым рассмотреть еще два вопроса — о понятии текста применительно к PP и о традиционных и новых письменных формах PP.

1.6.4. К вопросу о текстах в РР и их жанровой классификации

Как мы уже говорили, сколько-нибудь единообразного определения текста по сей день не существует; исследователи после-

довательно выделяют различные признаки текста, так и не складывающиеся в единую систему.

О.Г. Ревзина в конце своей статьи «Текст: ускользающий объект» (2010) пишет, что «главная закономерность текста состоит в его единичности. Этой своей характеристики текст не утрачивает никогда и именно от нее не ускользает» [Ревзина 2010: 13].

Это справедливое утверждение нам кажется целесообразным сопоставить с высказанной Б.М. Гаспаровым положением о принципиальной обратимости письменного текста и принципиальной необратимости текста устного, в котором «в каждой временной точке воспринимается только один сегмент текста <...> Невозможно также возвращение к какому бы то ни было однажды пройденному состоянию» [Гаспаров 1978: 70]. Представляется, что свойство единичности является универсальным свойством текста вообще и выравнивает статус письменного и устного текста: на современном этапе развития технологий любой устный текст с легкостью может быть записан и воспроизведен (например, диктофоном сотового телефона), а любой письменный текст (и так было всегда) при каждом новом чтении может быть воспринят адресатом иначе, чем при первом прочтении.

Продуктам речевой деятельности в PP часто отказывают в статусе текстов. Действительно, если определять текст так, как это делает, например, И.Р. Гальперин, то в PP выделение текстов невозможно. Ю.М. Лотман в статье «Устная речь в историкокультурной перспективе» пишет, что «деление на «письменную» и «устную» речь вторично от общекультурной потребности делить высказывания на текста и не-тексты» [Лотман 1978: 113], т.е. отказывает высказываниям PP в статусе текста.

Однако и при значительно менее строгом определении текста возникают определенные проблемы, связанные, во-первых, с политематичностью РР и нарушением в ней признаков связности, а во-вторых – с проблемой цельности, в частности границ текста.

Одна из первых типологий текстов РР предложена О.Б. Сиротининой в статье «Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи» (1994). В основу классификации положена степень отступления от стандартной текстовой модели; в результате приме-

нения этого критерия О.Б. Сиротинина выделяет 4 типа произведений РР:

- 1. Собственно тексты, которые представляют собой рассказы, неоднократно повторенные субъектом речи. В них есть тема и ее связное раскрытие, хотя возможны и отступления от темы, вызванные репликами адресата, и нечеткая членимость текста на отдельные компоненты (последнее, как мы понимаем, связано не с разговорностью этих текстов, а с их устностью).
- 2. **Текстоиды** близкие к текстам произведения, замысел которых не продуман заранее, а состоит в том, чтобы поделиться с собеседником своими мыслями и впечатлениями о чем-либо. Их связность ослаблена, и они принципиально не завершены и всегда могут иметь продолжение.
- 3. **Тексты-разговоры**, принципиальное свойство которых разносубъектность: это диалог при активной постоянной смене ролей говорящего и слушающего.
- 4. Дискурсы обмен высказываниями без особого речевого замысла и установки на сознательную организацию речи ([Сиротинина 1994]).

Тем не менее речевые произведения типов 2-4 многими исследователями рассматриваются как тексты. Так, например, Т.В. Матвеева в статье «Непринужденный разговор как текст» (1994), помещенной в тот же сборник, что и статья О.Б. Сиротининой, считает, что все речевые произведения можно квалифицировать как тексты, отличающиеся от канонических (т.е. собственно текстов, по классификации О.Б. Сиротининой) не интеллектуальной, а эмоционально-волевой доминантой замысла ([Матвеева 1994]). Того же мнения придерживается и И.Н. Борисова в своей монографии «Русский разговорный диалог: Структура и динамика» (2007).

Более того, авторы коллективной монографии «Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи» (1991) предлагают считать текстами и минимальные по объему слабо структурированные высказывания маленьких детей, и речь больных с афазией. Для таких высказываний они используют термин «текстыпримитивы» и утверждают, что «в них реализуются все основные характеристики текста, которые и позволяют с его помощью

осуществить акт коммуникации» [Человеческий фактор в языке... 1991а: 222], т.е. выразить определенный смысл.

Мы принимает для себя широкое лингвистическое определение текста – как продукта речевой деятельности в письменной и устной форме. Тем самым в нашей работе текстами считаются любые произведения РР, хотя мы и признаем некоторую условность их выделения. Для некоторых текстов определение их границ связано с экстралингвистическими факторами; так, например, текст телефонного разговора заканчивается, когда абоненты кладут трубку или когда связь прерывается (в последнем случае разговор не завершен, а именно прерван). А если экстралингвистических границ у акта коммуникации нет? Например, есть ли границы у текста разговора людей, живущих в одной квартире? Следует ли считать каждое смс-сообщение самостоятельным текстом или это реплики диалога? Каковы границы диалога в смскоммуникации, если он всегда (через минуту, час или день) может быть продолжен? В каждом конкретном случае мы принимаем решение исходя из общей коммуникативной ситуации.

К вопросу о тексте в РР имеет непосредственное отношение и вопрос о жанрах устной речи вообще и РР в частности.

В рамках нашего исследования мы не будем вдаваться в теорию жанровой классификации всех функциональных стилей языка и ограничимся только указанием тех традиционных жанров РР, которые выделены в работах исследователей разных направлений. О новых жанрах РР, связанных с интернет- и смскоммуникацией, будет сказано в подразделе 1.6.5. нашей работы.

В работах по коллоквиалистие выделяют следующие жанры («виды») устной речи: интервью, разговор, доклад, репортаж, рассказ ([Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 12]), диалог, полилог, разговорные миниатюры ([Русская разговорная речь: Тексты 1978: 12-15]) и др. Из этих жанров к РР имеют отношение разговор (диалог или полилог) и рассказ (монолог). Остальные устные жанры, как представляется, являются более частными и в конечном счете могут быть подведены либо под первый, диалогический (например, спор), либо под второй, монологический (например, тост) жанр.

Сходных позиций придерживаются и авторы коллективной монографии «Фонетика спонтанной речи» (1988): «Для описания СР [спонтанной речи] наиболее универсально можно считать классификацию, выделяющую 3 основных жанра в зависимости от числа коммуникантов: «) монолог, 2) диалог, 3) полилог – с их соответствующими подвидами» [Фонетика спонтанной речи 1988: 12].

Справедливости ради надо отметить, что выделение монологических жанров PP весьма условно, поскольку любая устная речь при непосредственном контакте ориентирована на реакцию собеседника (вербальную или невербальную), поэтому в данном случае было бы верно под монологическими жанрами PP иметь в виду те жанры, которые предполагают минимальную активность адресата.

Так, О.А. Лаптева отмечает, что «установка на слушателя создает принципиальное сходство между диалогом и монологом в устно-разговорной речи <...> Слушатель (слушатели) обычно также не остается безучастным и молчаливым: если это не прямые реплики констатирующей, поощрительной, оценивающей или эмоционально-экспрессивной направленности (да ну, неужели, то во всяком случае (когда такое реплики по внешним причинам невозможны, например, на лекции) разными способами выражаемая реакция. Таким образом, контакт получается двусторонний – при преимущественной речевой деятельности одной стороны» [Лаптева 1976: 50].

Как уже было неоднократно сказано, в научных трудах и учебниках по стилистике и коллоквиалистике для РР признается преимущественно устная форма бытования, однако почти в каждой из этих работ признается, что существуют письменные тексты, приближающиеся к РР. Среди традиционных текстов такого рода называют частные записки, письма, иногда дневники; особый статус с точки зрения намеренного использования в ней приемов РР имеет художественная литература.

Авторы «Русской разговорной речи» пишут, что жанры РР не так четко противопоставлены, чем жанры других стилей языка: «В отличие от КЛЯ, где границы между жанрами строго определены, в РР эти границы размыты, и один жанр естественно пере-

растает в другой. Это вполне объяснимо спонтанным характером устной речи» [Русская разговорная речь: Тексты 1978: 12]. Авторы предлагают разноосновную классификация жанров РР:

- 1) по числу коммуникантов и степени их участия: рассказ, диалог, полилог;
- 2) по целевой направленности и социальным ролям: семейный разговор, диалог сослуживцев на бытовые и профессиональные темы, разговор взрослого с ребенком, разговор с животным, перебранка и др.

Жанровую специфику PP авторы указанного исследования предпочитают описывать через стереотипные коммуникативные ситуации, вызывающие значительную клишированность речи: разговор покупателя с продавцом, парикмахера с клиентом и т.д. [Там же].

Авторы коллективной монографии «Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация» (2003) утверждают, что «жанрово-стилистическое многообразие разговорной речи еще недостаточно изучено» [Современный русский язык... 2003: 46].

Дают краткую характеристику жанров РР и авторы работ по стилистике.

О.Н. Григорьева в своей «Стилистике русского языка» (2000), как уже было сказано, единственной формой бытования РР считает устную речь. Другие авторы подходят в проблеме существования письменной РР менее категорично.

В «Культуре русской речи» под редакцией Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева (2001) сказано, что «к письменной форме разговорной речи можно отнести только записки и другие подобные жанры» [Культура русской речи 2001: 55], а в помещенной в это же издание хрестоматии в разделе «Разговорная речь» в качестве примеров приводятся некоторые письма, записки, поздравления и дневниковые записи. При этом устные и письменные жанры бытования РР авторы представляют в одном ряду; это 1) беседа, 2) разговор, 3) спор, 4) рассказ, 5) история, 6) письмо, 7) записка, 8) дневник [Там же: 83-89].

Даже в вышедшем в 2010 году учебнике М.Н. Кожиной «Стилистика русского языка» в качестве жанров письменной РР упо-

минаются только записки и частные письма (см. [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 433]).

Единственный, пожалуй, учебник по стилистике, в котором учтены не только традиционные, но и новые письменные жанры PP, — это «Русский язык и культура речи» М.Ю. Сидоровой и В.С. Савельева (2008). Так, авторы выделяют отдельный параграф «Письменная разговорная речь» и в нем пишут: «Как ни парадоксально, разговорная речь помимо устной обладает еще и письменной формой. Впрочем, это кажется удивительным только на первый взгляд. Дело в том, что многие письменные тексты выполняют те же функции, что и устная разговорная речь. Целью обмена письмами, записками, интернет- и смс-посланиями является непринужденное общение на бытовые темы, носящее спонтанный характер. ту же цель преследуют коммуниканты, общающиеся в рамках компьютерных форумов и чатов. Вполне естественно, что общие задачи приводят к использованию сходных языковых черт» [Сидорова, Савельев 2008: 398].

Рассмотрим традиционные и новые формы письменной РР более подробно.

1.6.5. Традиционные и новые письменные жанры РР

1.6.5.1. Традиционные («бумажные») жанры письменной РР Среди традиционных «бумажных» жанров письменной РР представляется целесообразным провести границу между спонтанными и неспонтанными текстами.

К спонтанным бумажным письменным текстам РР относятся, пожалуй, только записки — и только тогда, когда они действительно написаны в режиме on-line. В этом случае они опираются на конситуацию и имеют высокую формальную и смысловую компрессию. Другие же признаки разговорности (использование разговорной лексики и грамматики) в них могут присутствовать или же не присутствовать; более того, записки, переданные лицу, с которым адресант не находится в неформальных отношениях, будут написаны нейтральным стилем, и единственным признаком разговорности в них будет компрессия, вызванная конситуацией.

Иное дело частные бумажные **неофициальные письма** и д**невниковые записи** как неспонтанные речевые жанры. Степень конситуативности в них может быть значительно ниже, но зато

традиция использования маркированных разговорностью средств разных языковых уровней (лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического) достаточно устойчива, поскольку именно эти средства придают тексту неофициальный характер, интимизируют его.

Так, например, приведем отрывок из письма А.С. Пушкина к жене, Н. Н. Пушкиной, от 3 августа 1834 года:

Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая, кто виноват, я или почта, и оставляешь меня две недели без известия о себе и о детях. Я так был смущен, что не знал, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утешило. Описание вашего путешествия в Калугу, как ни смешно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться в скверный уездный городишко, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу? <...> Просил я тебя по Калугам не разъезжать, да, видно, уж у тебя такая натура.

В этом отрывке, как мы видим, очень высока плотность языковые признаки РР:

- использование разговорной и просторечной лексики: женка, таскаться, скверный, разъезжать, что за охота, союз да в значении 'но', частицы уж и вовсе не, вводное слово видно,
- слово с оценочным словообразовательным суффиксом *горо- дишко*,
 - инверсионный порядок слов в некоторых предложениях,
 - повтор слова скверный,
 - обращение,
 - наличие вопросительного предложения,
 - употребление личных местоимений 1 и 2-го л. ед. ч.,
 - употребление глаголов в настоящем времени,
- употребление отсутствующей в языке формы множественного числа слова *Калуга* (по Калугам разъезжать) для обозначения всех маленьких провинциальных городов.

Б.М. Гаспаров отмечает: «В неофициальной переписке, в дневниковых записях и т.д. мы встречаемся с аналогичными элементами деятельности пишущего и читающего: остановки, обдумывание следующей фразы, перечитывание, вставки, исправления и т.п. представлены в этой сфере достаточно широко. Можно

сказать, что объем и сложность такого рода работы скорее связана с длиной текста, чем с его функциональной сферой: короткая, в несколько слов деловая записка, заявление и т.п. скорее могут быть написаны (и прочтены) «на одном дыхании», без нарушений временного течения текста, чем длинное частное письмо» [Гаспаров 1978: 73-74].

Безусловно соглашаясь с точкой зрения Б.М. Гаспарова, мы, тем не менее, хотим подчеркнуть, что в случае частного письма или дневниковой записи обращение к разговорным ресурсам языка происходит у людей с высокой речевой компетенцией вполне осознанно.

Письму (эпистолярию) как жанру письменной РР посвящено множество работ; это, например, [Белунова 2000], [Акишина 1982], [Акишина, Формановская 1981] и др.

А.А. Акишина в своей статье «Письмо как один из видов текста» (1982) отмечает, что частное письмо — единственный жанр монологической речи, который имеет личностный характер общения: «Благодаря этому письмо как жанр требует учёта адресантом ответного восприятия адресатом, что является особенностью любого устного диалога <...> по целевой установке оно [письмо] приближается к устной бытовой речи, следовательно, имеет близкую к устной речи композиционную структуру, но, как всякий письменный текст, даёт возможность наблюдать эту структуру» [Акишина 1982: 57-63];

Еще одним традиционным бумажным письменным жанром РР является **дневник**. В диссертационном исследовании Бао Янь, посвященном интернет-дневникам (блогам), приведено сопоставление традиционного бумажного дневника с жанром, получившим название «наивного письма». Интерес исследователей «наивного письма» вызывают «человеческие документы, где даны разные типы письма в эволюционной последовательности, например, дневник, который человек вёл много лет. Он начинает с самодельного "ручного" письма, а заканчивает "нормальным" литературным» [Энциклопедия «Социология» 2003].

Дневники приближают нас к наиболее далекой от спонтанности области словесности – художественной литературе. Между фикциональной художественной литературой и реальным дневником имеется литературно-художественная прослойка – автобиографическая литература; исследованию общих свойств этого литературного явления, а также новых в этой области произведений посвящена докторская диссертация Т.Г. Кучиной «Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI века: Перволичные повествовательные формы» (2008).

Наибольший интерес с точки зрения реализации признаков РР представляет фикциональная художественная литература. Представленная в ней РР является имитацией, стилизацией, чаще всего встречается в репликах персонажей или несобственнопрямой речи и выполняет особые эстетические и характерологические функции.

Ю.М. Лотман отмечает, что «создание художественного произведения знаменует качественно новый этап в усложнении структуры текста. Многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. <...> В свете сказанного текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые» [Лотман 1981а: 5-7].

Близких позиций в отношении к тексту придерживается и Л.Я. Гинзбург в статье «Устная речь и художественная проза» (1979) ([Гинзбург 1979]).

Особенностям реализации устной РР в художественной литературе (в первую очередь в диалогах персонажей) и драматургии посвящено множество работ ([Винокур Т. 1984], [Женетт 1972], [Кожевникова Н. 1976], [Изотова 2006] и др.).

М.В. Китайгородская в главе «Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов)» коллективной монографии «Русский язык в его функционировании: Коммуникативнопрагматический аспект» (1993) отмечает, что «формы передачи чужой речи различаются характером соотношения между авторским планом (планом говорящего) и планом чужой речи. В пря-

мой и косвенной речи авторский план и план чужой речи существуют отдельно друг от друга, в противоположность несобственно-прямой речи, где они оказываются слитыми <...> Как представляется, сама специфика феномена чужой речи, предполагающего определенный состав «действующих лиц и исполнителей», дает основания для рассмотрения его в коммуникативнопрагматическом аспекте» [Китайгородская 1993: 65].

На наш взгляд, наиболее полным лингвистическим исследованием в области использования РР в художественной литературе до сих пор является монография Кветы Кожевниковой «Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы)» (1971), обзор которой будет проведен нами далее.

Более подробный анализ традиций и новаторства в употреблении PP в художественной литературе будет проведен в главе VII нашей работы.

1.6.5.2. Новые жанры письменной РР

Возникновение новых жанров письменной РР связано с появлением принципиально новых материальных носителей текста — компьютеров, связанных в глобальные сети, и сотовых телефонов, позволяющих не только созваниваться, но и вести переписку.

Само появление новых материальных носителей текста, с одной стороны, позволило использовать ранее разработанные коды, а с другой – породило возможность и необходимость их изменения и дополнения (или выработки новых кодов).

С точки зрения семиотики, «энергетические затраты на существование самой знаковой системы пропорциональные энергетическому объему передаваемой ею информации. Чем более высоко организована знаковая система, тем меньшую часть общей энергии составляет передаваемая ею информация и тем меньше энергия, необходимая для существования самой знаковой системы» [Степанов 1971]. Иными словами, общепринятой в семиотике является связь характера кода и длины текста.

М.В. Панов в статье «Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка» (1968) выделил присущие самому языку противоположности, определяющие его саморазвитие. Это 1)

антиномия говорящего и слушающего: интересы слушающего ограничивают интересы говорящего, 2) антиномия узуса и возможностей языковой системы, 3) антиномия кода и текста, 4) антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака, 5) антиномия информативной и экспрессивной функций языка.

В контексте нашего исследования нас интересует антиномия кода и текста: «Если говорящий и слушатель понимают друг друга, то это означает, что у них в памяти существует общий код (набор знаков) и они по общим для них законам сочетают их, создавая текст. Между текстом и кодом существует определенная связь: стоит нам укоротить код (выбросить из него некоторые знаки), как, при прочих равных данных, необходимо будет удлинить текст <...> Стремление упростить, т.е. укоротить, код и стремление укоротить, т.е. упростить, текст – антагонистичны. В истории языков может осуществляться одно из этих устремлений - пока не будет чрезмерно нарушено противоположное стремление; вслед за этим процесс идет обычно в противоположном направлении» [Панов 2007: 18-19]. Вслед за этим М.В. Панов отмечает, что «в эпохи резкой демократизации языка эта антиномия в огромном большинстве случаев разрешается в пользу текста» [Там же: 22].

По поводу последнего утверждения М.В. Панова Л.П. Крысин возражает, что антиномия текста и кода «разрешается в пользу кода (он увеличивается) в асоциально замкнутых коллективах говорящих <...> Напротив, в социально не замкнутых, «текучих» коллективах, где языковые привычки говорящих постоянно испытывают воздействие речевых особенностей других групп, вливающихся в состав носителей данной языковой подсистемы, код сокращается, зато текст испытывает тенденцию к удлинению» [Крысин 2004: 317].

Мы полностью согласны с утверждением Л.П. Крысина: применительно к настоящему времени появление новых носителей текста породило изменение кода в сторону его удлинения (появления новых знаков), и это, как мы покажем в дальнейшем, позволило значительно сократить текст в тех типах дискурса, где используется этот измененный код.

Первые существенные изменения в коде письменной коммуникации породил **Интернет**. Л.П. Крысин еще в 2003 году утверждал, что «все виды непрямого, дистантного общения осуществляются средствами книжного языка» [Современный русский язык... 2003: 42]. Представляется, что это утверждение нельзя считать верным по отношению, в первую очередь, к особенностям языка Интернета.

О.В. Дедова в статье «О языке Интернета» (2010) определяет язык Интернета как «совокупное обозначение многообразных сдвигов (речевых, текстовых, коммуникативных, семиотических), обусловленных распространением электронного сетевой коммуникации» [Дедова 2010: 37].

В каких жанрах бытует Рунет (русский Интернет)? Понятно, что классификацию жанров Рунета можно давать по разным основаниям.

Л.А. Капанадзе в своей статье «Структура и основные тенденции развития электронных жанров» объединяет все группы текстов, встречающиеся в Интернете, в одну большую, которую именует «гипержанром» [Капанадзе 2001: 246]. По ее мнению, это «специфический модус бытования текста, связанный с электронными носителями» [Там же] и включающий тексты на различных языках, всевозможные видео-вставки, таблицы, рисунки и другие фрагменты, объединенные между собой гиперссылками. Л.А. Капанадзе в своей статье предлагает следующее жанровое деление Интернета: веб-сайт, домашняя страница, электронная библиотека, информационно-поисковые системы, электронный журнал, электронное письмо, чат, гостевая книга, коллекция программ, музыки, каталоги (например, Интернет-магазина), коммерческие объявления, рекламные баннеры, конференции и так далее.

Л.Ю. Иванов в статье «Язык интернета: заметки лингвиста» (2000) предлагает следующую классификацию жанров Интернета: 1) жанры, имеющие традиционные «бумажные» аналоги (автор отмечает, что в Рунете представлены все виды таких жанров вплоть до «сетературы»), 2) исконные сетевые жанры [Иванов 2000].

- Е.В. Какорина таже отмечает очевидную функциональную и жанровую неоднородность языка интернет-коммуникации и выделяет такие сетевые коммуникативно речевые жанры, как домашние страницы, интернет-форумы, гостевые книги, чаты, персональные интернет-дневники [Какорина 2010: 337].
- М.Ю. Сидорова в монографии «Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение» (2006), давая классификацию собственно сетевых жанров, отмечает: «Жанры межличностной коммуникации в Интернете это ICQ, чат, форум, дневник (блог), электронная переписка (e-mail), гостевые книги, МUD, тематические ньюсгруппы (newsgroups). Все остальные разновидности сводимы к перечисленным» [Сидорова 2006: 55]. Эти жанры, по мнению М.Ю. Сидоровой, различаются следующими параметрами:
- продолжительностью жизни текста (активной (для автора и читателей) и пассивной (предусмотренное на самом сетевом ресурсе или осуществляемое по желанию пользователя в домашнем компьютере физическое сохранение текста);
- соотношением линейности/гипертекстовости в расположении последовательности высказываний, составляющих диалогический и полилогический текст;
- иерархией этих высказываний по способу «нарастания» текста;
- уровнем спонтанности/обработанности (шкала от чатов к дневникам);
- онлайновостью/офлайновостью (необходимость одновременного нахождения в сети);
- количеством участников: коллективные, или публичные и приватные, где люди общаются один на один;
- скоростью обмена информацией: синхронные общение в режиме реального времени и несинхронные, рассчитанные на передачу сообщений в режиме ожидания;
- степенью модерируемости: регулирование коммуникации администрацией сайта или назначенными для этой цели участниками коммуникации; премодерация (предварительный «досмотр» текстов до публикации) и постмодерация (право администратора

или модератора удалить не соответствующий правилам текст и наказать участника, нарушающего правила общения) [Сидорова 2006: 55-56].

- О.В. Дедова в статье «О языке Интернета» (2010) отмечает, что «в настоящий момент речевое поведение коммуникантов в чатах, форумах, блогах, социальных сетях уже в достаточной степени дифференцировано, чтобы говорить об этих программно поддерживаемых формах общения как о состоявшихся коммуникативных жанрах <...> Сейчас уже вполне очевидны принципы классификации жанров межличностного общения в Интернете. При этом обычно учитываются такие параметры, как:
- отсроченность / неотсроченность по времени. Можно выделить жанры синхронные, когда взаимодействие происходит в режиме реального времени (здесь и сейчас) и асинхронные, предполагающие возможности задержки ответа. К первой, наиболее интерактивной группе относятся чаты, ICQ, MUDs (от англ. «multi-user dimension» ролевая игра), ко второй интернетфорумы, гостевые книги, электронная почта, блоги;
- ориентация на устные/письменные стилистические нормы. К письменным тяготеют форумы, а чаты, ICQ, напротив, воспроизводят специфику разговорной речи;
- тематика. Существуют юридические, политические, литературные <чаты>, форумы, блогерские сообщества и т.д.

Помимо вышеупомянутых жанров межличностного общения, практически не отмеченных национальной спецификой, Рунет вырабатывает собственные коммуникативные формы. Так, здесь огромной популярностью пользуются коллективные литературные игры, стирающие грань между литературным творчеством, графоманией и письменной межличностной коммуникацией» [Дедова 2010: 35-36].

Л.Ю. Шипицина в статье «Классификация жанров компьютерно опосредованной коммуникации по их функции (2009) выделяет 6 групп жанров: 1) информативные (сетевые СМИ, словари, каталоги, поисковые системы и др.), 2) директивные жанры (интернет-магазины и др.), 3) фатические жанры (чаты, электронные письма, форцмы), 4) презентационные жанры (интернет-

дневники и др.), 5) эстетические жанры (сетература), 6) развлекательные жанры [Шипицина 2009: 171-178].

Отмеченные всеми процитированными выше авторами жанры интернет-коммуникации описаны в разной мере. Одни явились объектом небольших статей, чаще всего размещенных в Сети, другие — объектом монографий и диссертационных исследований (см., напр., [Морослин 2010]).

Так, М.Ю. Сидорова в упомянутой выше монографии в числе прочего рассматривает интернет-дневники и приходит к выводу, что «эти тексты — продукт свободной речевой деятельности русских людей рубежа тысячелетий, письменная фиксация многих актуальных процессов, происходящих сегодня в русском языке, отражение языковой картины мира, индикатор состояния речевой и общей культуры наших современников» [Сидорова 2006: 74]. В развитие этой темы в 2008 году Бао Янь защитила кандидатскую диссертацию «Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискуссии (на материале интернет-дневников)» ([Бао Янь 2008]), в которой автор приходит в числе прочего к выводу, что интернет-дневники являются одним из самых творческих и приближенных к литературе жанров в сетевом пространстве.

Понятно, что далеко не все названные выше жанры интернет-коммуникации могут быть признаны письменными жанрами РР; представляется наиболее адекватным отнести к сетевым письменным жанрам РР чат, ICQ и отчасти блог, а для остальных собственно сетевых жанров (не рассматривая жанры, заимствованные из внесетевого бытования) признать их общую стилевую нейтральность с возможными иностилевыми вкраплениями или даже их приближенность к языку художественной литературы (как, например, в интернет-дневниках).

Таким образом, наиболее «разговорным» (и тем самым наиболее для нас показательным) является чат как интернет-жанр коммуникации в режиме on-line. О его особенностях будет сказано в главе II нашей работы.

Другим новым материальным носителем текста является сотовый телефон с его возможностями письменной смскоммуникации. И технические, и идеологически коммуникатив-

ные возможности этого носителя иные, и в процессе развития традиций его эксплуатации формируется иной коммуникативный код. Смс-коммуникация будет объектом нашего исследования в главе III.

В глава IV исследуется такое, казалось бы, маргинальное явление, как «язык падонков», однако, как мы покажем, это явление имеет непосредственное отношение к письменной PP.

Глава V посвящена традиционным и новым приемам отражения PP в текстах художественной литературы.

1.6.6. Итоговое интегрированное определение РР и ее признаков

Е.А. Земская в главе «Литературный разговорный язык» монографии «Язык как деятельность» (2004) отмечает, что в исследовании РР еще много нерешенных вопросов: «Эти вопросы точнее можно сформулировать так:

- 1. В какой мере и как именно собственно языковые характеристики РЯ зависят от структуры КА [коммуникативного акта]? Можно ли обнаружить виды такой зависимости и повторяющиеся (т.е. «предсказуемые», не сугубо индивидуальные) типы «ситуативных преобразований» высказываний РЯ, виды эллиптизации и т.п.?
- 2. Как происходит «стыковка» языковых средств КА с неязыковыми? Какие именно невербальные средства (кроме жеста и мимики, т.е. акций ПК [партнеров коммуникации]) участвуют в коммуникации? Какие из них могут рассматриваться как средства знакового характера?
- 3. Как коррелируют характериологические, возрастные, социальные, образовательные и другие особенности говорящих с лингвистическими характеристиками PP?
- 4. Можно ли построить типологию ситуаций КА, коррелирующую с лингвистическими различиями структуры РЯ?

Эти и многие другие вопросы ждут своего исследования, еще только начинают изучаться» [Земская 2004: 292-293].

Обобщая проанализированный нами теоретический и практический материал, а также тот практический материал, который мы рассматриваем в главах II-V, мы пришли к выводу, что всестороннее описание PP возможно дать лишь при интеграции по-

ложений стилистики, ортологии, коллоквиалистики и семиотики, и это помогает дать ответы на некоторые поставленные Е.А. Земской вопросы.

Выше мы с опорой на работы Б.Г. Гаспарова и Е.А. Земской разграничили признаки, традиционно приписываемые PP, на признаки, вызываемые устностью (и тем самым свойственные устным жанрам и других функциональных стилей), и собственно разговорные признаки речи. Проанализировав новые письменные формы PP, мы возьмем на себя смелость сделать еще один шаг: отделить признаки, вызываемые устностью, от признаков, вызываемых спонтанностью речи (и потому находящих последовательное выражение в on-line формах письменной PP). В результате такого разграничения мы получаем три группы признаков.

К признакам устности относятся:

- использование многоканальной связи (вербальной + аудиальной + визуальной и др.);
- редукция (вплоть до нуля) и комбинаторные изменения звуков в потоке речи, т.е. аллегровая речь;
 - наличие «сорняков» заполнителей пауз;
 - интонация как средство актуализации смысла.

К признакам спонтанности относятся:

- парцеллированность речи при нечетких границах предложения;
- ассоциативная, а не формальная связь синтаксически оформленных фрагментов текста;
 - порядок слов как средство актуализации смысла;
- ullet использование И.п. темы и инфинитива в абсолютном начале предложения.

К признакам разговорности относятся:

- высокая зависимость смысла от конситуации;
- конденсация содержания в минимуме вербальных знаков благодаря общности апперцепционной базы;
 - минимальность синонимики и вариативности;
- автоматизированность речи, использование шаблонов и клише;

- высокая оценочность речи за счет использования оценочной и экспрессивной лексики;
- окказиональное ситуативное словообразование (в том числе с приращенными смыслами, выводимыми из ситуации речевого общения);
- использование в качестве номинаций местоимений, существительных в косвенном падеже с предлогами, конструкций со спрягаемыми формами глагола;
 - использование форм «нового вокатива»;
- значительно более частое употребление полной формы прилагательного по сравнению с краткой формой;
- использование глагольных форм в переносном употреблении (императив в значении индикатива или конъюнктива, настоящее время в значении прошедшего и т.д.);
- морфологическая языковая игра: склоняемость несклоняемых существительных и аббревиатур, заполнение морфологических лакун (отсутствующих в КЛЯ форм) и др.;
- нулевая предикация при передаче значений движения и речи;
 - бессоюзие сложного предложения.

Как мы видим, собственно «разговорные» признаки РР могут быть сведены к четырем основным параметрам:

- 1) конситуативность как основа смысловой и формальной компрессии (или, наоборот, компрессия как следствие конситуативности),
- 2) шаблонность речи как следствие превалирования смысла над формой,
- 3) использование маркированной разговорностью лексики (в первую очередь экспрессивной),
- 4) словообразовательная (в меньшей степени морфологическая) языковая игра, реализующая возможности системы, но нарушающая нормы КЛЯ.

Таким образом, в контексте настоящего исследования **PP** определяется нами как функциональная разновидность языка, не привязанная четко к передаче определенного (бытового) содержания, а вызванная в первую очередь прагмалинвистиче-

скими параметрами коммуникативной ситуации: это спонтанная (неподготовленная) речь в контексте неформальной (неофициальной) личностно ориентированной коммуникации.

РР может быть представлена как в устной, так и в письменной форме (устная речь продолжает быть основной формой ее бытования). Многие черты, традиционно приписываемые РР, являются признаками не разговорности, а устности как формы реализации текста и характерны не только для РР, но и для устных жанров других функциональных стилей, а также спонтанности речи.

Характерной чертой PP является **политематичность**, но возможны и монотематические тексты PP.

Жанровые формы PP определены в меньшей степени, чем в других функциональных стилях, но тяготеют или к **беседе** (диалог), или к **рассказу** (монолог), но всегда ориентированы на вербальную или невербальную реакцию адресата.

РР обладает значительной формальной и смысловой компрессией из-за общей апперцепционной базы адресанта и адресата и общей конситуативности речи. Эти же признаки порождают особенности разговорного синтаксиса.

Базой РР является нейтральный стиль в его устной и письменной форме. С точки зрения «стилистики ресурсов» разговорные вкрапления в нейтрал представляют собой следующее:

- маркированная разговорностью (в том числе экспрессивно-оценочная) лексика,
- номинативное и стилистическое окказиональное словообразования (с опорой на ситуацию),
- окказиональное заполнение морфологическое лакун (номинативно обусловленное или игровое),
- намеренное нарушение коммуникативно значимых уровневых норм (место ударения, склоняемость и др.), т.е. языковая игра.

Ориентированность на конкретные общие для адресанта и адресата фоновые знания позволяют включать в конкретные тексты РР любые **иностилевые** вкрапления (например, термины, соци-

альные и профессиональные жаргоны), а также разного рода прецедентные тексты.

Письменные формы PP, по большей части ориентированные на нормы КЛЯ, демонстрируют **удлинение кода**, вызванное возможностями материального носителя текста, и, соответственно, возможность сокращения текста по сравнению с письменными текстами других функциональных стилей.

Границы текста PP часто трудноустановимы и далеко не всегда определяются исчерпанностью адресантом темы. Часто установление границ письменного текста PP связано с внешними, экстралингвистическими параметрами речи.

Степень нормированности PP аналогична степени нормированности других функциональных стилей: это кодифицированная нормированность «стилистики ресурсов» и узуальная нормированность стилистики текста.

ГЛАВА ІІ.

ЧАТ КАК САМАЯ «РАЗГОВОРНАЯ» ПИСЬМЕННАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. РУНЕТ КАК ИНФОРМАЦИОННОЕ, СОЦИО-И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Нет никакого сомнения, что русский сектор Интернета – Рунет – состоялся и как структурный элемент Глобальной сети, и как особое информационное, социо- и психолинвистическое пространство.

Политологи и социологи характеризуют Интернет как особую информационную и коммуникативную среду, отличающуюся совокупностью следующих признаков (эта классификация дана, например, в [Михайлов, Михайлов 2004]):

- виртуальность (создание идеального «заместительного мира»),
- интерактивность (активность не только адресанта, но и адресата), гипертекстуальность (принципиально открытая система текстов, делающая Интернет «глобальной памятью» человечества),
- глобальность (стирание в едином информационном пространстве политических, экономических, социальных и прочих границ),
- креативность (инсценировка индивидуальности пользователя через различные самопрезентации),
- анонимность (возможность неперсонифицированной коммуникации, при которой личность пользователя по сути сводится к его тексту),
- мозаичность (фрагментарность, объединенная гипертекстуальностью).

Каждый из перечисленных признаков Интернета не уникален, но их объединение в одном коммуникативном пространстве порождает никогда не существовавшую ранее уникальную коммуникативную среду.

Невозможно точно сказать, сколько людей пользуется услугами русского Интернета, однако на сайтах [http://internet.strana.ru]

и [http://monitoring.ru] утверждается, что в России примерно каждый шестой взрослый житель получает информацию из Интернета. Отмечается, что активно использовать Интернет начинают и дети примерно с 13 лет, причем растет число и более молодых пользователей Глобальной сети (10-12 лет). Кроме того, Рунетом пользуется множество «неучтенных» русскоговорящих людей в других странах мира, особенно на постсоветстком пространстве.

П.В. Морослин приводит интересную статистику: в 2009 году Интернетом пользовались 40 миллионов россиян, при этом годовой прирост суточной аудитории сети составил 34%. Среди молодежи используют Интернет для общения 46% опрошенных, для учебы – 27%, для досуга – 19% [Морослин 2010: 14].

А.Е. Войскунский, заведующий лабораторией психологии интеллектуальной деятельности и информатизации факультета психологии МГУ, в статье «Развитие речевого общения как результат применения Интернета» приводит следующую статистику: по данным опроса фонда «Общественное мнение», в течение месяца более половины пользователей посещают не менее одного англоязычного сайта, при этом 7% пользователей оценивают свое владение английским языком как отличное, 23% — как хорошее, 38% — как удовлетворительное. Таким образом, более двух третей пользователей русского Интернета владеют английским языком в степени, достаточной для его использования в Сети. Только 6% опрошенных совсем не владеет английским языком. А.Е. Войскунский характеризует Интернет-аудиторию как в целом молодую и неплохо образованную [Войскунский 2005].

Л.Ю. Иванов в статье «Язык интернета: заметки лингвиста» также отмечает, что люди, посещающие Интернет, относятся преимущественно к группе авторитетных носителей языка: по данным фонда «Общественное мнение», приведенном на сайте [http://www.monitoring.ru], 49% пользователей Рунета имеет высшее образование, 15% — неполное высшее (по-видимому, это студенты). Таким образом, доля пользующихся Интернетом людей с высшим образованием в 2,5 раза превышает долю имеющих высшее образование среди населения России, а доля имеющих неполное высшее образование соответственно выше в 3,5 раза [Иванов 2000]. Мнения о высокой речевой компетенции пользо-

вателей Рунета придерживается и Г.Н. Трофимова [Трофимова 2004].

Однако тот же Л.Ю. Иванов отмечает, что «по мере того, как аудитория ГС [Глобальной сети] расширяется, ее состав становится все более разнородным, стремясь в идеале точно отражать профессиональный и половой состав всех говорящих на соответствующем языке. Незатронутым остается пока лишь возрастной дисбаланс» [Иванов 2000]. М.Ю. Сидорова и Бао Янь также не соглашаются с Г.Ф. Трофимовой в том, что большую часть пользователей Интернета составляют носители высокой речевой компетенции (интеллектуальная элита общества) и на основании статистических данных утверждают, что основную часть пользователей Рунета составляют студенты и представители среднего класса. [Сидорова, Бао Янь 2007].

Функции Интернета, как отмечает Л.Ю. Иванов в той же статье, удивительно точно соотносятся с функциями языка: важнейшей является коммуникативная функция; релевантны для Сети и частные разновидности коммуникативной функции – фатическая (контактоустанавливающая) и волюнтативно-персуазивная (убеждающая). Действительно, через Интернет люди ведут переписку по электронной почте, участвуют в разных формах on-line и offline общения. Интернет используется для пропаганды идеологии и бизнеса, а также – очень широко и многообразно – для рекламы. Наряду с этим Интернет выполняет когнитивную функцию как инструмент приобретения знаний, тезаурусную функцию («резервуар» для накопления и хранения знаний), культурообразующую (средство формирования новой глобальной информационной культуры и ее отдельных субкультур) и эстетическую (средство не только развлечения, но и реализации художественно-творческого потенциала) [Иванов 2000].

Вопрос о жанрах Интернета был нами рассмотрен в предыдущей главе. Наибольший интерес для нашего исследования представляют исконные сетевые жанры, так как именно в них наиболее полно реализуются языковые новации, характерные особенности языка Интернета. Кроме того, на базе их изучения проще выявляются возможные направления воздействия языка Сети на общелитературный язык.

2.2. ЯЗЫК РУНЕТА (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Что такое Интернет с точки зрения филолога-лингвиста? Это особая коммуникативная среда, никогда ранее не существовавшая. По утверждению А.Е. Войкунского, Интернет «представляет собой уникальный полигон, на котором развертывается испытание естественного языка» [Войскунский 2005].

Мы не ставим перед собой цели дать пространную характеристику всему языку Интернета, тем более что этому посвящено множество англоязычных и русскоязычных статей и монографий (см., например, [Трофимова 2004], [Сидорова 2006], [Дедова 2010], [Какорина 2010] и библиографию к этим исследованиям).

В контексте нашей работы важно отметить две общих черты интернет-языка.

Первая значимая для нас и отмеченная Л.Ю. Ивановым еще в 2000 году особенность языка Интернета заключается в том, что в нем прослеживаются две взаимосвязанные тенденции – усложнение и упрощение текста, которые затрагивают и план выражения, и план содержания, и план прагматических интенций.

Усложнение плана выражения связано в первую очередь с тем, что в Интернете возникла новая единица лингвистики текста — гипертекст (истории и теории гипертекста посвящена монография [Дедова 2008]). О.В. Дедова в результате рассмотрения разнообразных и порой взаимоисключающих подходов к гипертексту дает следующее его определение: «Гипертекст — это модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающая возможность читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [Дедова 2008: 50].

И в то же время происходит упрощение формы как выражения, так и содержания, что особенно ярко проявляется в исконных сетевых жанрах. При этом язык Сети (как, впрочем, и язык внесетевой коммуникации) становится все более диффузным, размывая и жанровые, и стилевые рамки.

Второй важной для нашего исследования чертой языка Интернета является представленная в нем конкуренция норм КЛЯ и PP, с одной стороны, и норм письменной и устной речи – с другой.

А. Травин еще 1999 году отмечает, что «саму виртуальную коммуникацию можно считать мостиком между письменной речью (линейной в пространстве и имеющей возможность исправлений) и устной речью (линейной во времени, то есть когда сказанное нельзя отменить)» [Травин 1999], а Л.Ю. Иванов фиксирует «конкурирующее воздействие норм письменной и устной речи» [Иванов 2001: 134]. М.Б. Бергельсон в статье «Языковые аспекты виртуальной коммуникации» (2002) также приходит к выводу, что технические возможности в Интернет-общении порождают письменную фиксацию устной речи [Бергельсон 2002]. Бао Янь придерживается аналогичной точки зрения в своей диссертации, посвященной интернет-дневникам (блогам) [Бао Янь 2008].

Нашей принципиальной позицией по данному вопросу является отказ от признания промежуточного статуса этих форм РР и рассмотрение их как принципиально письменных. При этом важно, что письменная РР представляет собой не только и не столько попытку как можно точнее зафиксировать устную РР, сколько особую семиотическую систему, использующую возможности материального носителя текста, о чем было сказано в предыдущей главе (см. об этом также, напр., [Литневская 2009а], [Литневская 2009б]).

2.3. ЧАТ КАК ИСКОННЫЙ СЕТЕВОЙ ЖАНР

Для анализа нами выбран самый спонтанный и потому самый разговорный из исконно сетевых жанров – чат.

Чаты являются едва ли не самыми посещаемыми местами в Рунете. В некоторых число зарегистрированных пользователей превышает 8 тысяч, за день его посещают около 1000 человек, а одномоментно находится более сотни. Случаи, когда люди проводят в чатах до 15-18 часов подряд, причем едва ли не каждый день, являются отнюдь не беспрецедентными. Но даже среднестатистические закрепившиеся посетители чата, пришедшие пообщаться, редко покидают его раньше чем через полчаса, время

же нахождения на сайтах других типов, как правило, меньше. По числу отвлекаемых на себя «человеко-часов» чаты — едва ли не абсолютный лидер Рунета [Нестеров, Нестерова 2000].

Само название «чат» происходит от английского слова *chat*, что означает 'треп, болтовня'. Чат — это разговор в режиме реального времени (on-line), происходящий «здесь и сейчас». И естественно, что такой жанр не был бы возможен без современных средств компьютерной коммуникации. Для того чтобы пользоваться чатом, нет необходимости использования дорогостоящего оборудования, не требуется наличие какого-либо образования или специальной подготовки. В чате постоянно происходит полилог, складывающийся из множества реплик, некоторые из которых адресованы всем посетителям, а некоторые — кому-то определенному. Максимально допустимое время для обдумывания и отправления своей реплики — 1-2 минуты, после чего реплика будет бессмысленна, так как с экрана исчезнет вопрос, а разговор может перейти совсем в другое русло.

Таким образом, чат вынуждает общаться быстро и кратко, не предоставляет времени на продумывание, тщательную фиксацию и корректирование текста; это, как уже было сказано, разговор в режиме реального времени, поэтому в нем широко используются всевозможные средства компрессии, разработаны и продолжают разрабатываться приемы усложнения кода ради сокращения объема текста.

Привлекательность чата состоит в возможности широкого общения, причем общения комфортного, без выхода из дома и сопровождающих этот выход неудобств типа плохой погоды и отсутствия места для встречи, а также материальных затрат на совместный поход в кино или за пивом. Однако известно, что участники большинства чатов, особенно существующих в локальных сетях, практикуют и встречи в реальности, но это не отменяет ритуала чуть ли не ежедневного общения в Сети. При этом большинство пользователей чатов — молодежь в возрасте от 14 до 26 лет, не испытывающая проблем с общением и заведением новых знакомств. Почему же чат был и остается так популярен?

В. Нестеров, посвятивший несколько работ исследованию психологии общения в чатах, отвечает на этот вопрос следующим

образом: «Наиболее доступным, демократичным и предлагающим максимальные возможности для самовыражения ресурсом Интернета является именно чат. Дело в том, что он предоставляет человеку уникальные возможности для самовыражения, которые отсутствуют в реальном мире. Некоторые из этих возможностей универсальны для любых социальных коммуникаций в Сети, другие присущи только чатам» [Нестеров 2000].

Конечно, для многих пользователей чат — это функциональный аналог телефонного разговора или личной беседы в кругу друзей или знакомых, однако для многих чат (как и блог) — это инобытие, поскольку чат позволяет человеку прожить иную жизнь в ином, виртуальном пространстве. В чате человек может представиться кем угодно, вплоть до изменения пола (что бывает нередко, особенно в связи с тем, что в Рунете соотношение мужчин к женщинам 10:1 — эти сведения представлены в [Левин, Левина 2001]), причем все окружающие будут воспринимать его именно так и никак иначе, и придумать себе любой виртуальный образ.

В. Нестеров находит элегантное сравнение чатового бытия с карнавалом в его интерпретации М.М. Бахтиным, понимаемым как сама жизнь, но оформленная особым, игровым образом ([Нестеров, Нестерова 2000]).

Г. Гусейнов в статье «Другие языки. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей» (2000) высказывает схожую мысль: «Превращения русского языка в Сети обусловлены не столько практическими потребностями упрощения кода, сколько игровыми условиями виртуального пространства, или коммуникации-игры. Иначе говоря, массовому пользователю важно не увеличить проходимость информации, но сделать предельно зримым собственное присутствие в Сети» [Гусейнов 2000].

Добровольный выбор партнеров по коммуникации (в чате легче уйти от нежелательного общения, чем во время реального визуального контакта) делает собеседников более открытыми, чем в реальности.

Конструирование личности и свободное самораскрытие в Сети обусловливает стилевое разнообразие текстов.

Чат внешне напоминает пьесу, но отличие заключается в том, что реплики организованы не по правилам логики, а по времени возникновения. Порядок следования реплик показывает, что они не упорядочены линейно. Диалог может получаться прерывистым, так как вероятна ситуация, что адресант отправляет сообщение и, еще не получив ответа, отправляет другое, а затем уже получает ответ на первое сообщение. Это нарушает логику диалога и хотя сохраняет хронологию, но хронология эта фиксирует лишь момент отправки и не отражает логической последовательности. (В диалоге, простроенном линейно и по законам логики, реплика подается не в тот момент, когда отправитель смог ее сформулировать, а в момент, вписывающийся в общий диалог или полилог).

К тому же, один и тот же адресант может поддерживать одновременно несколько линий разговора с разными лицами, т.е. допустимо положение, при котором все общаются со всеми, и это усиливает впечатление сумбурности от чтения такого текста, в нем переплетаются «сюжетные линии». Интернет изменяет механизмы передачи информации в процессе коммуникации относительно привычного положения в реальном мире. Хотя чат воспринимается как письменная фиксация речи именно PP, благодаря вводу с клавиатуры она воспринимается иначе, чем устная PP. Возможно, набранный текст меньше связан с отправителем; так, например, невозможен его графологический анализ, он унифицирован, отклонения задаются возможностями чата в большей мере, нежели волей коммуниканта. Созданный и отправленный текст сообщения раз и навсегда отчужден от автора и не подвержен изменениям.

В нашем исследовании мы исходим из того, что особенности языка чатов вызваны, во-первых, объективной необходимостью компрессии и бытованием этого жанра в письменной форме в режиме реального времени, а с другой стороны, потребностями самовыражения участников (вплоть до творения иной реальности), постепенно оформляющимися в систему неписаных, но всем известных правил.

Чат отвечает всем требованиям, предъявляемым к РР: он относится к неофициальной речи, средой его бытования является сфе-

ра обиходно-бытовых отношений и неподготовленного, неформального общения.

С экстралингвистической точки зрения, как уже было сказано, PP характеризуется тремя основными чертами: 1) неподготовленность акта коммуникации, 2) непринужденность акта коммуникации, 3) непосредственное участие говорящих в акте коммуникации [Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 5].

Последнее свойство РР требует комментария, поскольку оно одновременно и соблюдается, и нарушается: участники чата, как уже было неоднократно отмечено, общаются в режиме реального времени (и в этом непосредственное участие их в диалоге), однако современные возможности компьютера пока не предоставляют возможностей устного полилога пользователей, сидящих за разными компьютерами (скайп лишь начало разработок в этой области), поэтому общение в чате опосредовано текстом, создаваемым на компьютере и выводимом на индивидуальном мониторе каждого чатланина.

2.4. РЕАЛИЗАЦИЯ В ЧАТАХ ПРИЗНАКОВ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Самой характерной особенностью чата является то, что он является письменной формой PP, причем в режиме реального времени (on-line).

Основным отличием устной речи от письменной является то, что устная речь линейна, она разворачивается в одном направлении во времени, в устной речи нет черновых вариантов, сказанное нельзя отменить. Временной отрезок между отправлением и получением сообщения очень мал, скорость получения сообщения равна скорости звука, все варианты сообщения предлагаются для интерпретации получателем. Кроме того, это «живая речь», не опосредованная письменными знаками, символами. В ней участвуют паравербальные факторы, такие, как интонация, уровень голоса, громкость.

Письменная речь развивается в пространстве — сверху вниз и справа налево. Она опосредована через символы письма и поэтому лишена участия невербальных факторов. Мы рассматриваем ситуацию, когда типичным для чата является такое положение

вещей, когда отправитель печатает свое сообщение, видя его целиком или частично. Отправитель набирает сообщение с клавиатуры, отправляет, и оно возникает на экране получателя. Сообщение можно откорректировать до отправки, созданное (но не отправленное сообщение) можно удалить и вообще не отправлять. Теоретически между моментом создания и моментом отправления сообщения возможен большой временной промежуток, позволяющий проанализировать и проконтролировать текст, но в действительности скорость набора сообщения высока и сравнима со скоростью говорения, отсюда и вытекает сходство устной речи с формой общения в чате, где скорость общения определяется только скоростью набора текста. Как показывает практика, сообщения редко редактируются, а стиль общения, принятый в чатах, позволяет допускать ошибки в орфографии, неточности в структуре предложений, расставлять знаки препинания «по смыслу», а не «по правилам». Полученное сообщение прочитывается, и в дальнейшем к его тексту не возвращаются.

Если отправитель, видя на мониторе свое сообщение, замечает допущенные ошибки, он посылает следующее сообщение, со-держащее исправления. Однако подобные сообщения-исправления создаются лишь в том случае, когда, по мнению автора, ошибка может существенно повлиять на восприятие содержания текста — таким образом, сохраняется спонтанность, присущая РР. Речь в чате является такой фиксацией РР, её отражением в письменной форме и соотносима с устной РР, хотя сохраняет черты речи письменной, а именно возможность анализа и корректировки высказывания.

Для анализа нами были взяты некоторые локальные чаты и веб-чаты, адреса которых указаны в библиографии. Объем обработанной информации составляет более 3 Mb.

На иллюстрации покажем устройство чата. Слева – время сообщения (час, минута, секунда), затем ник, затем реплика, которая набрана коммуникантом и специальной клавишей введена за один прием. Фрагмент представляет собой непрерывную фиксацию десяти минут чат-коммуникации (интересно обратить внимание на время – это 4 часа утра).

```
[04:06:15] <Wonder> :bath::wow:
[04:06:17] <IMax> :no:
[04:06:29] <OS/2> :photo:
[04:06:44] <Wonder> :photo::wo:
[04:07:17] <OS/2> :toilet:
   [04:07:43] <OS/2> ....
  [04:07:47] < Archimonde> если посмотреть чат за последние 2 часа, то 99% будет тока смайлов: coolman: [04:07:59] < Wonder> (y)
[04:07:59] <Wonder> (у)
[04:08:15] <OS/2> все дружно подняли свои ж и пошли на улицу :beer:
[04:08:23] <Wonder> я с радостью=)
[04:08:27] <Archimonde> за пивом :drunk:
[04:08:34] <OS/2> ну и чо тя держит?
[04:08:46] <Archimonde> :cheers: пошли
[04:09:02] <OS/2> где встречаемся
[04:09:14] <Archimonde> у танка :snipe:
[04:09:23] <OS/2> далеко
[04:09:23] <OS/2> :(
[04:09:33] <Archimonde> а где ближе?
[04:09:33] <Archimonde> а где ближе?
[04:09:40] <Archimonde> :baby:
[04:09:40] <Archimonde> :baby:
[04:09:40] <OS/2> уту у 7 континента
[04:09:49] <Имя> lol
[04:10:06] <Wonder> че уже валяешься?
[04:10:06] <DiBaZoool> о
 [04:10:06] < Wonder> че уже валяешься?
[04:10:06] < DiBaZoool> 0
[04:10:11] < Archimonde> скока народу идет?
[04:10:19] < OS/2> я
[04:10:20] < Wonder> : haha:lol
[04:10:21] < Archimonde> : band:
[04:10:25] < DiBaZoool> вы гоните чтоль?
[04:10:30] < DiBaZoool> или реально?
[04:10:30] < Tolkar или на "Tu$ha"
[04:10:38] < Archimonde> а почему бы и нет
[04:10:38] < Archimonde> а почему бы и нет
   [04:11:13] «Тівhа кароч кто идёт [04:11:13] «Тівhа» кароч кто идёт
  [04:11:17] < Archimonde> хотя там холодно :hmm: [04:11:32] < Tu$ha> не пиво греет
[04:11:32] <Tu$ha> не пиво греет (04:11:39] <Archimonde> точняк:) (04:11:47] <Archimonde> точняк:) (04:11:48] <Tu$ha> Имя: бу (04:12:18] <Имя> бя (04:12:24] <Имя>:"( (04:12:27] <Tu$ha> Не спать (04:12:31] <Имя> фик (04:12:41] <Tu$ha> пошли бухать (04:12:41] <Archimonde> зуамп: (04:12:42] <Woodney> точное: (04:12:52] <Tu$ha> bash: beer: (04:12:55] <DiBaZooL> :baby: (04:13:08] <Archimonde> :boxed:
   [04:13:03] <Archimonde>:boxed:
[04:13:03] <Archimonde>:boxed:
[04:13:31] <Tu$ha> корочь не хоти как хотите ая пошёл
[04:13:39] <Tu$ha> ...
   [04:13:53] - Тизна ....
[04:13:53] - Archimonde > один чтоль? : shock:
[04:14:11] - Ти$ha > а ни кто не идёт
  [04:14:11] < Tu$ha> а ни кто не идёт [04:14:24] < Wonder> ВНИМАНИЕ!!! ТУША У ТАНКА!!! ОТСТОРОЖНО! [04:14:35] < Имя> :е [04:14:36] < Wonder> кусается [04:14:39] < Tu$ha> не к танку далеко идти [04:14:43] < Wonder> кусается [04:14:43] < Wonder> ктоскоп: [04:14:57] < Archimonde> :'( [04:15:16] < DiBaZoool> на сходненской тоже есть танк :)
  [04:15:17] <Tu$ha> у бывшего океяна ещо можно [04:15:51] <Archimonde> не.. далековато
```

2.4.1. Фонетика

Иногда заимствованное слово «чат» заменяется русским переводом — «болталка» или «треп». Использование этих слов для обозначения общения в Интернете указывает на общее восприятие такого общения именно как разговора, а не как переписки. Однако уровень технологий пока не позволяет вести голосовое общение, нет между собеседниками и визуального контакта. Обитатели чатов практически полностью лишены возможности использовать и воспринимать невербальные (жесты, мимика, позы и т.п.) и паравербальные (тон, тембр, скорость, паузы в речи) средства, то есть те средства устной коммуникации, которые, по мнению психологов, определяют до половины результата в коммуникативном акте.

Нехватка этих средств при непринужденном разговоре нуждается в средствах компенсации, и они в значительной степени разработаны на уровне создания особого кода.

Паравербальные средства (темп, паузы, тон) передаются при помощи символов, совпадающих со знаками пунктуации — «псевдопунктуации» (термин наш — E.Л.), разных буквенных регистров и многократного повторения букв.

Многоточие с произвольным количеством точек передает темп речи, например (здесь и далее подобный способ введения реплик означает их несвязанность и изолированное извлечение из чатов в качестве примеров):

- *Ну* да, но...... *Не знаю.......Но ду*маю......возможно. *Вай нот*
- Кафка хорош..... Санд хороша...... Достоевский так вообще удивителен.....
- я бы до этого не додумал...так бы и бросил на полумысли... да...
 - а мы всяк...но бывало лучше При этом количество точек часто означает длину паузы:
 - Aга.....

Тире (вместо которого часто используется дефис) употребляется для выделения значимой информации, противопоставления ее предшествующему тексту, помещения ее в центр внимания читателя-слушателя:

• *бр-р-р-р-р – НЕНАВИЖ*У!!!

Количество знаков препинания по иконическому принципу соответствует силе эмоций, например:

- щаз! я тут что чай пью чтолЬ???
- привет Мак Кинли Ха уду ю ду!!!!
- Кто во что играет????????????

В сообщениях присутствуют слова звукоподражательного характера, в сочетании с многоточием они также обозначают интонирование:

- *x*_M
-xe....
- XA XA XA
- Э..Ребята, можно с кем нить поговорить?
- нда...

Высота голоса, как правило, передается выделением текста заглавными буквами, или «капсом» (от англ. Caps Lock – режим заглавных букв):

- НАРОД!!!
- ДЕЙТЕ СЦЫЛКУ НА ОСТРОФСКИЙ FTP ПЛИЗ!!!!!!!!!!!!!!
 - ПИПЛЫ! Слушай сюда!!!!!!!!

Характерно, что текст, написанный заглавными буквами, воспринимается окружающими именно как крик, и на несколько фраз, написанных таким образом, можно получить ответ: «Ты чего орешь?»

В некоторых случаях, впрочем, заглавными буквами может выделяться значимая для отправителя информация:

• *пивас ХОЧУ!!!!*

Протяженность звука при повышенной эмоциональности (имитация крика) или, наоборот, задумчивости или лени передается многократным повторением буквы (чаще гласной, обозначающей гласный ударного слога):

- АЛЁЁЁЁЁЁЁЁ!
- Yeeeeeeeaaaah!!!!!
- оставь корррротенький ежик
- спааааааать

Иногда такое употребление приводит с игровому эффекту:

- <aLeX> а где в Строгино есть Школа №66?
- <DiBaZoooL> там
- $< aLeX > \Gamma \partial e??$
- $<\!DiBaZoooL\!>$ вооооон там

Невербальная информация может замещаться как вставкой иконок-символов (смайликов), так и при помощи метатекста.

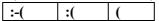
Смайлики (от англ. *smile* 'улыбка'), или **эмотиконы**, — это иконические значки, которые можно набирать с клавиатуры в виде сочетания традиционных графических знаков или же вставлять в сообщение из готового списка.

Положительные эмоции, улыбка обычно обозначается так:

(Возможны и многочисленные варианты – с подмигиванием, с высунутым языком и др.)

Отрицательные эмоции обозначаются чаще всего так:

Существуют целые списки смайликов, отражающих разнообразные оттенки переживаний. В современных чатах смайлики могут заменяться рисованными, в том числе анимированными, картинками, число которых может быть достаточно большим.

При наборе смайликов с клавиатуры количество скобок соответствует силе эмоции, например:

- Bay....cynUp))))))))))))
- OOO спасибо)))))))))))))))))))))))))

Для экономии времени, необходимого для внесения смайликов в текст, сложные смайлики могут заменяться буквами русского алфавита. Так, в последнее время смайлик XD, набирающийся в режиме переключения в латиницу, всё чаще заменяется на $X\!\varOmega$ или $x\partial$.

У смайликов есть и еще одна функция – обозначение интенции сообщения (см. об этом в подразделе «Прагматика» данной главы).

Другим компенсационным механизмом является введение метатекста. Во-первых, метатекст может выступать как «текстовый заменитель зрительной информации» [Бергельсон 1999]. Вовторых, метатекст может содержать «пояснения отправителя в

связи с его прогнозом текущего состояния знаний получателя» [Там же].

Метатекст такого рода часто содержит описание мимики, жестов и поз, принимаемых (якобы принимаемых) автором реплики. Очевидно, что метатекст совершенно необязательно отражает реальное поведение пользователя и часто продуцируется с игровыми целями. Метатекст информирует о появлении и уходе из чата или смене ника, при этом может возникать игровой стилистический контраст:

[23.04.00] Появляется Ukrop

[23.17.28] SUB уходит из общего чата

[22:47:19] dittohead вынужден вас покинуть ненадолго

[22:47:21] *<dittohead>* ща приду

Вторая цель ввода метатекста, свидетельствующая о сохранении спонтанности речи, – уточнение мысли, комментарий произнесенных реплик, например:

- серзко=мерзко
- ...я все время очепятываюсь.

Таким образом, метатекст позволяет избегать неоднозначного восприятия текста. На письме метатекст обычно дается в скобках или отдельной репликой, последняя форма применяется чаще для ввода комментариев к высказываниям.

2.4.2. Графика

Возможность использования в одном ряду букв и иконок характеризует не только интонационный фонетический, но графический уровень текста. Но графические особенности текста этим не ограничиваются.

Авторы учебного пособия «Основы психолингвистики» (2008) отмечают, что «в настоящее время явно и отчетливо наблюдается увеличение роли графических паралингвистических средств в передаче информации» и что «наука о невербальных средствах письменного текста получила название метаграфемики. В ее составе можно наметить три раздела:

- 1) синтаграфемика исследует пунктуационные способы передачи информации;
- 2) супраграфемика рассматривает возможности шрифтового варьирования;

3) топографемика изучает соотношение частей текста в пространстве» [Горелов, Седов 2008: 62]

Существенной особенностью языка Интернета вообще и языка чатов в частности является активное использование <u>латиницы</u> и специально разработанных графических средств.

Г. Гусейнов утверждает, что «на внешнем уровне, или уровне повседневной визуальности, мы имеем дело с переменами письма. Впервые после 1920-х годов, с тех пор как в Советской России всерьез обсуждался вопрос о переводе русского языка на латинский алфавит, русская азбука в России сильно потеснена латиницей» [Гусейнов 2000].

Автор отмечает, что «существует несколько ступеней сосуществования латиницы и кириллицы: традиционное для досоветской эпохи включение фрагмента на чужом языке в русский текст; полная латинская транслитерация русского текста; написание русских букв, по умолчанию указывающих на латинские, принадлежащие соответствующим клавишам (так, 3.Ы. означает *P.S.*); создание слов из фрагментов кириллицы и латиницы (вы DOO Мывать вместо выдумывать, за LOO Раться вместо просторечного залупаться); симуляция кириллицы с использованием 12 букв латинского алфавита и создание текстов на этом симулянте; наконец, создание русских слов по принципу калькирования, замены метафорического ключа или воспроизведения отдаленной фонетической ассоциации (Мелкомягкие, мелкомякоть = microsoft; шаровары = shareware; девица = device; зашарить ресурсы = to share)» [Там же].

Последняя из отмеченных Г. Гусейновым позиций (создание компьютерных жаргонизмов на основе калькирования и транслитерирования английских слов, в том числе с использованием языковой игры) не относится непосредственно к уровню графики будет рассмотрена нами в подразделах «Лексика» и «Словообразование».

В чатах всеобщее распространение получили внедряемые в русский текст записанные латиницей заимствованные аббревиатуры самой разной семантики, например:

BTW = by the way ' κ cmamu',

TIA = thanks in advance 'заранее благодарен',

```
TIE = take it easy 'относись проще', IOW = in other words 'иными словами',
```

LOL = laughing out loud 'громко смеясь'.

Можно утверждать, что при общении в Рунете такие сокращения используются достаточно часто.

К числу заимствований относится и сокращение *IMHO*, что значит *In my humble opinion* 'по моему скромному мнению', причем на русском языке оно транслитерируется как *имхо* и в некоторых случаях утрачивает написание с использованием заглавных букв. Более подробная классификация аббревиатур представлена в подразделе «Лексика».

Помимо этого, в чатах широко распространились словасокращения, в записи которых по созвучию используются иные буквенные или даже цифровые знаки. Эти приемы имеют широкое распространение в англоязычной культуре, причем используются они не только в Интернете, но и в несетевых сферах бытования языка: заголовках, рекламе, даже дорожных знаках (именно в несетевом употреблении они и появились изначально), например:

```
B4 = before 'перед', CUL8R = see you \ later 'увидимся позже' и просто L8R = later 'позже',
```

```
U2 = you too 'и ты',

4U = for you 'для тебя',

4ever = forever 'навсегда':
```

• Aшан 4ever!

В русскоязычном Интернете эти и подобные написания встречаются повсеместно, кроме того, возникают полусокращения русских слов, например: 4то, по4ему, за4ем, пебком и подобные. Л.А. Капанадзе называет подобные полусокращения «графическими макаронизмами» и говорит об этом явлении как о совершенно новом в практике русского письма [Капанадзе 2001: 254].

Часто встречается и употребление цифры δ вместо буквы δ , и употребление \$ вместо δ и вместо w:

• Я вот Бритни Спирс е\$ал...не, ну чуть-чуть конечно преувеличиваю

"Tu\$ha" изменяет имя на "6ухой Tu\$ha"

На латинице написаны и слова, которые специально разработаны для того или иного чата и могут быть внесены в текст как готовые единицы. Эти слова с двух сторон ограничены двоеточиями и употребляются обычно для обозначения невербальных и паравербальных средств (например, :chees: :drunk:) — см об этом более подробно в подразделах «Лексика» и «Прагматика».

В целях экономии принята передача количественных и порядковых числительных при помощи цифр:

- что я сказала 15 минут назад
- встречается у 7 континета:)
- давно не играл 1 на 1

Часто встречается использование вместо слов символов, илиоматическое письмо:

- some \$
- ...была куча ? (=вопросов)
- 100%-тно.

Латиница часто используется и при самоназывании – в никах, например: *Salex, TransWall, DiBaZoooL, ROCKY* (о культуре самоназывания см. в разделе «Лексика»).

Кроме перечисленных акронимов и полусокращений, в речи участников чата встречается и такие сокращения, анализ которых переводит нас с графического на орфографический уровень.

2.4.3. Орфография

Орфография — раздел языкознания, изучающий систему правил единообразного написания слов и их форм. Центральным понятием орфографии является орфограмма — написание, регулируемое орфографическим правилом или устанавливаемое в словарном порядке, то есть написание слова, которое выбирается из ряда возможных с точки зрения законов графики.

Орфография состоит из нескольких разделов:

- 1) написание значимых частей слова (морфем) корней, приставок, суффиксов, окончаний, то есть обозначение буквами звукового состава слов там, где это не определено графикой;
 - 2) слитное, раздельное и дефисное написание слов и их форм;
 - 3) употребление прописных и строчных букв;
 - 4) правила переноса;

5) правила графических сокращений слов.

2.4.3.1. Графическое (неаббревиатурное) сокращение слов

Начнем с последнего раздела и рассмотрим неаббревиатурные сокращения.

Графические сокращения, в отличие от аббревиатур (сложносокращенных слов), употребляются только в письменной речи и при озвучивании текста раскрываются. Существует три способа графического сокращения слов – использование дефиса (ϕ из-ра – ϕ изкультура), косой черты (δ /у – бывший в употреблении) и точки (m. e. – то есть).

Сокращение слов на письме в КЛЯ базируется на следующих правилах:

- 1) может опускаться только цельная, нерасчлененная часть в составе слова обычно не менее чем из двух букв (num-pa литература, в/o высшее образование);
- 2) нельзя сократить слово выбрасыванием его начальной части;
 - 3) сокращение не должно приходиться на буквы \ddot{u} , b, b.

Часть сокращений, используемых в чатах, является общепринятыми и для других форм бытования языка: m.e., m.h., u m.d., min, например:

• ...ну, как тіп пара.

При этом графические сокращения такого рода могут записываться так, как они могли бы произноситься, например u m9 d9 u m9 n9.

Другие сокращения в литературном языке не приняты и даже могут нарушать общепринятые правила сокращений:

- пжста, верни мне книгу сегодня, когда до универа доберешься...
 - ну, ты которое читала (назв)
 - лучш всех, а у тебя?
 - можеш тел зап

В чатах почти не принято при сокращении ставить точки, дефисы, косую черту:

- а мне надо делать литру
- буду физру снимать

Некоторые из усечений, например Mcкв вместо Mocква или Eбург вместо Eкатеринбург являются типичными.

Появление сокращений свидетельствует о признаках письменной речи при общении в чатах: сокращения рассчитаны на зрительное восприятие.

Большой интерес представляет реализация в чатах и других разделов орфографии: буквенное оформление морфем (написание значимых частей слова), слитное, раздельное и дефисное написание слов и использование прописной и строчной букв.

2.4.3.2. Буквенное оформление морфем

Правописание морфем в КЛЯ регулируется в русском языке тремя принципами – фонематическим, традиционным, фонетическим.

Главным из отклонений от нормативной орфографии в чатах является увеличение числа слов или морфем, написанных в соответствии с фонетическим принципом, иными словами, «пишется, как слышится». Причем чем больше места в текущем сознании отправителя занимает данная информация, тем больше зрительного пространства получателя занимает языковая форма, передающая эту информацию. Графическая форма некоторых слов приближена к звуковой и похожа на транскрипцию, сближаясь при этом с сокращениями, описанными выше, например:

- чёш делать то
- эт-хрошо
- а ниччё, мило
- ну, чё?
- лана усем пока
- я тебя щас кикну
- на работу нада!!

Последний пример смыкается с примерами, приведенными в связи с обозначением темпа, тембра и эмоциональной окраски речи, где многократно повторенная буква имитирует протяженность звука.

Отклонения от орфографической нормы могут носить ситуативный характер, как, например, феньк ю вери мач! или штоля-а, или быть традиционными, общепринятыми в чатах. К последним можно отнести чё вместо что, щас вместо сейчас, чего-нить вме-

сто vero-huбydь, sdpacme вместо sdpacmesyume, sauue вместо so-oбице, sm вместо smo в общении на русском языке (подобное распространено и при общении на английском: smoothing u вместо smoothing you, smoothing u вместо smoothing you, smoothing u вместо smoothing you, smoothing you,

Конечно, это не свидетельствует о формировании некоей обязательной сетевой нормы: подобное написание не носит повсеместный характер, и привычное написание словоформ можно встретить наряду с перечисленными вариантами.

Учитывая то обстоятельство, что «новая» орфография отражает варианты произношения (правила чтения некоторых буквосочетаний, редукция гласных в речи) чтение не должно вызывать непреодолимых трудностей у получателя, а такие способы написания служат скорее для компрессии, для экономии времени адресанта и адресата. Однако нельзя не отметить, что любое отклонение от традиционного написания затрудняет первичное автоматизированное восприятие любого текста (стремление к единообразию — одна из основных функций языковой нормы), поэтому полный или даже частичный «транскрипционный» принцип записи текста не имеет повсеместного бытования. По большей части подобным образом записываются слова, употребляемые настолько часто, чтобы их запись в «новой» орфографии стала привычной.

Несложно заметить, что приведенные выше примеры свидетельствуют о намеренном нарушении орфографической нормы. Необходимо отметить, что в чатах широко распространено и ненамеренное нарушение нормы, т.е. ошибки (часто отграничить первое от второго можно лишь интуитивно). Анализ ошибок, т.е. непреднамеренных нарушений норм орфографии, не является задачей нашей работы, поэтому ограничимся лишь утверждением, что в целом ошибки в Сети допускаются на те же сложные правила орфографии, которые вызывают наибольшее число ошибок в других сферах бытования письменного языка. Наибольшее число ошибок связано с написанием букв о и а, е и и для записи гласного безударного слога, затем идет написание мягкого знака в нефонетической функции, непроизносимые согласные и т.д. Приведем несколько примеров такого рода:

- хотеть не вредна!!
- кого бы приглосить?
- плохо шуткуеш :(
- не парся и меня не напрегай
- сволоч через порт не определяется
- не мороч людям голову
- играй чесно!!
- во народ сразу простнулся

Интересно, что часта гиперкоррекция:

- на дворе трова на трове братва
- да у нас тут цэвильного нет нифига
- позвони в магозин

Сочетания *тся* и *ться* в глаголе регулярно записываются неверно (с ненормативным отсутствием, а иногда и наличием мягкого знака) или как *ца* (иногда *цца*):

- я думал сеть не поднимиться больше
- мне не нраица...я видел их
- не хоцца

В записях такого рода очевидно использование приемов «языка падонков» (о нем будет сказано в главе V нашего исследования).

Ассимилятивные и диссимилятивные изменения согласных на письме отражаются редко, нам встретилось лишь несколько примеров такого рода:

- аказывается всё намнога лехше!!
- с афтографом
- так зделайте...

Встретилось нам и написание слова $\delta o \varepsilon$ к x:

• а бох знаешь чё велел?

Встречаются ошибки и на те правила, которые носят невариативный графический характер, как , например, написание жи-ши или 4a-ща:

- запишы а то забудешь
- жыгули сукс\=
- а я щяс с англичанкой своей разговаривал
- Щя залезу

дойди до ларька и возвращяйся

2.4.4.3. Слитное, раздельное и дефисное написание

Еще одним разделом русской орфографии является слитное, раздельное и дефисное написание слов и их форм.

Слитное, раздельное и дефисное написание в КЛЯ регулируется традиционным принципом с учетом морфологической самостоятельности единиц. Морфемы в пределах одного слова пишутся преимущественно слитно или через дефис, слова отделены друг от друга пробелами (ср.: по моему мнению и по-моему). Исключение составляют отрицательные и неопределенные местоимения, употребленные с предлогами (не с кем) и некоторые наречия (в обнимку).

Наиболее частые отклонения от нормативности в таких написаниях заключаются в том, что слово или словоформа пишется слитно вопреки ее нормативному дефисному или раздельному написанию.

Дефисы в чатах вообще «не в чести»: постфиксы то, либо и нибудь пишутся обычно слитно, очень редко – раздельно (как при нормативном буквенном оформлении слова, так и при его оформлении в соответствии с фонетическим принципом):

- какието вирусные читы скачал
- надо куданьть сходить
- звук че та не идет
- потом во что нить загамать надо

Такие же тенденции прослеживаются в написании слов, пишущихся в КЛЯ через дефис:

- даже плееры ДВД показывают поразному
- забейте стрелку в ювелирном пол Москвы сбежится

Частица не достаточно часто пишется слитно:

• недавно какоето кино скачал, непошло, пришлось искать

Иногда встречаются случаи немотивированного раздельного написания He (а иногда и вместо Hu — как слитно, так и раздельно пишущегося по правилам КЛЯ):

• бен не как читы выклянчил

Смысловые частицы пишутся чаще раздельно со словом, иногда слитно, но почти никогда не через дефис:

- у тяж всегда в бочонках
- спать чтоль пойти?
- щаб водки с перцем
- второй раз до офиса дошел таки?
- а водки то нету
- че не спишь то?

Два лексических слова или одно раздельно пишущееся, представляющих собой одно фонетическое слово, могут писаться слитно, особенно если при это используется «фонетическая» запись:

- я себе пивка прикупил, такскать вечерок скоротать:)
 - это какраз самый кайф

2.4.3.4. Правописание прописных (заглавных) и строчных букв

Последний раздел русской орфографии – правописание прописных и строчных букв. Как известно, их употребление регулируется в КЛЯ лексико-синтаксическим правилом: с прописной буквы пишутся собственные имена и наименования (МГУ, Московский государственный университет), слова, которым автор хочет придать особый, возвышенный смысл (Прекрасная Дама, Свобода), а также первое слово в начале каждого предложения. Остальные слова пишутся со строчной буквы.

Первая особенность чатов, касающаяся этого раздела орфографии, заключается в том, что стандартным введением в чат реплики является ее написание не с прописной, а со строчной буквы. Написание первого слова в предложении с прописной буквы возможно, но является редким исключением (обычно в исполнении одного и того же пользователя).

Как уже говорилось, реплики в чатах очень коротки и чаще всего представляют собой одно предложение. Если же реплика состоит из нескольких предложений, то для оформления начала нового предложения прописная буква также используется реже, чем строчная, например:

<Salex> странно сток народу а девки не встречались мне пока

<TransWall> есть девки. они в чате недолго сидят...

<DiBaZoooL> да уж! в майлане с ними напряженки не было

Собственные имена и наименования также обычно записываются со строчной буквы (кавычки при собственных приложениях обычно не употребляются):

- езжай на 626 до метра молодежная
- как с югозападной попасть на ленинский про-
 - смотрел ночной дозор

Ники, т.е. условные имена участников полилога, могут быть оформлены как прописными, так и строчными буквами (кроме того, они могут содержать и небуквенные символы) и вводятся в текст автоматически:

Другая, связанная в первой особенность написания прописных букв заключается в том, что они принимают на себя другую функцию — являются компенсаторным средством для обозначения паравербальных речевых характеристик — тона, тембра, громкости речи (об этом уже было сказано выше), а также для выделения смыслового центра высказывания или примера языковой игры (в последнем случае может выделяться часть слова). Приведем еще несколько примеров такого рода:

- ОООООО!!!!!!!! ИДЕЯ!!!!!!!
- *НАРОД!!!!!!!!!!!!!*
- пошли пить ПИВО
- *Уррряяя!!!!!!! ПЯТНИЦА!!!!!!!!* :)

<DiBaZoooL> чета у меня правопЫсанием...перехожу на левописание:)

<TransWall> выучи левопЫсание

Прописные буквы могут означать скандирование слова, при этом слово разбивается пробелами (как уже было сказано, употребление дефисов в чатах чрезвычайно редко):

- <Tribein> да вот ужо собирайусь
- <DiBaZoooL> дык уже иди а то надоел чета :D
- <Tribein> да не надоел..гонишь все...
- <DiBaZoooL> НА ДО ЕЛ !! !! !!

```
<Tribein> ГО НИ ШЬ!!
<DiBaZoooL> НА ДО ЕЛ !! !! !!
```

Таким образом, мы видим, что в чатах наряду с традиционной используется специфическая «новая» орфография.

2.5. ЛЕКСИКА

2.5.1.Самоназывание «чатлан»

В качестве идентифицирующего имени в чатах принято использование **ников** (от англ. *піскпате* 'прозвище'), т.е. псевдонимов, которые сам пользователь присваивает себе для общения в чате. В первую очередь ник должен индивидуализировать пользователя (тем самым имя должно быть уникальным, отличающимся от других), и это принципиально отличает ник от реальных имен, которые могут дублироваться вплоть до наличия полных тезок и однофамильцев в одном речевом коллективе.

Выбор ника обычно не случаен: он вызывает у адресатов определенные ожидания, так как является одной из важнейших составляющих творимого в виртуальной реальности образа. Нетождественность реальной личности отправителя и его виртуального образа очевидна не только ему, это одно из «правил игры», что отражается в бытующей формуле AHA — 'отправитель известен как'.

Ник может использовать как кириллический, так и латинский алфавит (буквы могут быть как строчные, так и прописные), кроме того, в никах могут использоваться любые небуквеннные символы и шрифты.

При этом ник может меняться даже в процессе полилога, о чем пользователь извещает окружающих. Смена ника может быть значимым элементом игры. См., например, такой диалог:

```
<Tu$ha> <BUBA> я имя забыл твоё :laugh:
```

- <BUBA> степанида ёпта
- <РУДД>))
- <РУДД> он просто бубец
- < BUBA > xe-xe
- <Tu\$ha> :wallbash: память отшибло
- <Tu\$ha> вроде не пил...токо лытр выпил
- <dimich> лЫтр чего?

```
<Tu$ha> пива не водяру же пить
```

Анализ ников требует отдельного полноценного исследования и не является задачей нашей работы.

2.5.2. Использование в чатах разговорной и просторечной лексики, а также молодежного и компьютерного жаргона

Особенностью лексики чатов является соединение бытовой разговорной лексики с вкраплением обсценных слов с обильным использованием молодежного и компьютерного жаргонов. Такое положение дел вызвано тематикой, характерной для чатов: это преимущественно бытописание (где был, что видел, что делаю или собираюсь делать), в котором употребление разговорной и просторечной лексики естественно. Чаты наполнены и молодежным жаргоном.

Другой популярной в чатах темой является обсуждение компьютеров и действий с ними (хорошее владение компьютером считается непременным атрибутом, признаваться в плохом владении стыдно), при таком разговоре естественно использование компьютерного жаргона:

```
<ROCKY> салекс а аутпост есть?
```

- <Salex> :red:
- <Salex> ROCKY: посмотри сам
- <ROCKY> выложи свой софт плиз
- <Salex> чё те конкретно надо
- <ROCKY> мне нужен фаервол

Компьютерный жаргон за последние несколько лет описывался многократно и на самых разных уровнях — от простого составления словарей до пространного семантического и словообразовательного анализа. Кроме того, использование как молодежного, так и компьютерного жаргона не является специфической чертой, характеризующей общение в чатах, и привнесено в чаты из других сфер общения «чатлан»: «Ни принадлежность человека к определенной профессии, ни его молодой возраст не делают употребление сленга облигаторным. Сленг, как и разговорная речь с широким использованием так называемого общего жаргона, связан с неофициальными ситуациями общения, а не с определен-

[&]quot;Tu\$ha" меняет имя на "бухой Tu\$ha"

ным социальным слоем населения» [Русский язык конца XX столетия 2000: 9].

Л.А. Капанадзе, исследуя новые речевые жанры, используемые при общении в Интернете, даже не проводит границы между компьютерным и молодежным жаргоном: «Чаты переполнены молодежным жаргоном. Заметим, что среди употребляемых жаргонизмов очень много специфических компьютерных терминов, либо английских, либо гибридных (корень - английский, суффикс – русский). Так, из термина-аббревиатуры ICQ («ай-сикью», название чатоподобной программы, позволяющей общаться между собой: название происходит, как не сразу можно догадаться, от созвучной ему английской фразы «I seek you» – «Я ищу тебя») образовался арготизм acb- κa (она же -acs). От английского слова mail (почта, здесь - электронная) лихо образуются жаргонизмы: мыло, мылить, мыльнуть. Ср.: Не серчай, а мейлани на Yahoo, когда тебя встречать – по аське, по мылу; Мыльни мне тогда, ладно? Киньте тестовые мессаги, а то аська сглючилась и потеряла весь контактный лист. (Мессага - от английского message (послание, письмо)» [Капанадзе 2001: 249].

Как мы видим, Л.А. Канападзе относит слова аська, мыло, мессага к молодежному жаргону, поскольку используются они молодежью. Позволим себе, однако, не согласиться с этим утверждением. Отличие молодежного жаргона от корпоративного состоит, на наш взгляд, в первую очередь в том, какие реалии номинируются при помощи жаргонных слов. Если в корпоративном жаргоне называются реалии, связанные непосредственно с тем, что объединяет людей данной группы (профессионально или социально), то в молодежном жаргоне номинированию подлежат неспецифические реалии, при этом слово, заимствованное из корпоративного жаргона, часто меняет свое значение, значительно расширяет сферу своего применения и наоборот. Так, например, слово глючить первоначально возникло в жаргоне хиппи и наркоманов и означало специфически наркотическое состояние галлюцинации, в молодежном жаргоне оно расширило свое употребление и стало обозначать любое ошибочное или немотивированное поведение, в компьютерном жаргоне это слово сузило сферу своего применения и обозначает сбой в работе программ и инструментов, причем применяется по отношению к неодушевленным объектам (глючить может принтер, программа, например: Windows 98 – довольно глючный продукт)

По своему составу и сфере распространения компьютерный жаргон неоднороден. Среди компьютерных жаргонизмов встречаются слова, понятные только узкому кругу профессионаловпрограммистов (алкоголь – язык программирования Algol, чекист - тестовая программа CheckIt). Внутри компьютерного жаргона можно выделить также специфический жаргон любителей компьютерных игр (гама, гамез – игра, бродилка – игра типа RPG/adventure) и даже поклонников отдельных игр (фоллаутянин – поклонник игры Fallout, думер, квакер – поклонники игр Doom и Quake), жаргон любителей виртуального общения (флейм – перебранка в форуме или чате, модер, модерун, модулятор - модератор форума или чата). Весьма значительное количество жаргонизмов известно подавляющему большинству пользователей компьютеров вне зависимости от их профессиональных навыков и личных интересов, и это сближает компьютерный жаргон с молодежным.

Любой жаргон имеет ограниченную сферу распространения, во многом определяющую основные функции, выполняемые тем или иным жаргоном. У компьютерного жаргона она достаточно велика, так как охватывает не только людей, профессионально работающих с компьютером, но и простых пользователей. Поэтому можно выделить целый ряд разнообразных функций компьютерного жаргона.

- 1. Жаргон как средство номинации возникает как альтернатива официальной терминологии: жаргонные наименования деталей компьютера, программ, файлов значительно легче запоминаются и более удобны для употребления как в устной, так и в письменной речи, чем официальные термины.
- 2. Жаргон как экспрессивное средство важная функция компьютерного жаргона, часто используемого для «оживления» речи: *стервер* сетевой сервер, *Автогад* система AutoCAD, *бутвяка* загрузочный диск, *маздай* (от английского *must die* 'должен умереть') одно из распространенных наименований операционной системы Windows).

3. Жаргон как средство самовыражения участников коммуникации является общей для всех жаргонов, используемых группами людей, которых объединяет одно общее дело или же специальность. «Овладение какой-либо профессией неразрывно связано с овладение соответствующим профессиональным словарем. Некоторые профессиональные выражения служат как бы символом владения каким-либо ремеслом или профессией» [Русский язык конца XX столетия 2000: 71]. Сообщество пользователей компьютера вообще и Интернета в частности является выразителем своеобразной субкультуры, со своими этическими нормами и стилем жизни. Использование общей жаргонной лексики позволяет им идентифицировать друг друга как членов одной социальной группы, несмотря на реальные профессиональные различия. Не будучи профессиональными компьютерщиками, «чатлане», как уже было сказано, по большей части считают себя людьми, хорошо владеющими компьютером, о чем должно свидетельствовать их владение компьютерной терминологией.

Кроме того, «чатлан» одного чата можно считать представителями малой социальной группы, «свойства речи малых групп проявляются в том, что при внутригрупповом общении они используют одни языковые средства, привержены одной манере речевого поведения (в предельном случае это может быть особый групповой жаргон), а при общении вне группы переключаются на иные коммуникативные средства» [Современный русский язык... 2003: 27].

4. Жаргон как средство экономии языка особенно важен в чатах, так как многие жаргонные слова являются эквивалентами громоздких словосочетаний (чат — программа для обмена текстовыми сообщениями в режиме реального времени, сказел — устройство, оснащенное SCSI-адаптером). Стремление пользователей максимально сократить время ввода сообщения ведет к большому числу сокращений слов, следствием чего является большое количество компьютерных жаргонизмов, образованных сокращением как способом словообразования.

В тексте чата может использоваться характерная для РР лексическая языковая игра (т.е. намеренное использование не соот-

ветствующих норме КЛЯ слов и их форм); некоторые неологизмы такого рода уже стали не индивидуальными, а узуальными:

- у меня на фотках и видео есть какчественно
- да вот ужо собираюсь
- молодца что про работу напомнил я будильник вспомнил включить

2.5.3. Обсценная лексика в чатах

В чатах нередко использование обсценной (ненормативной) лексики. Способ ее введения в текст может быть различен. Вопервых, нецензурное слово может быть приведено полностью. Во-вторых, в чате, как и в других письменных формах фиксации речи, может быть использована запись «с купюрами», т.е. с пропусками, или с изменением формы, например:

- ваще нах ща спать лягу
- нех раслабляться
- да них не надоел...гонишь все...
- йопт! чё панику поднял?
- сетевой носитель ептс
- ну мляя.....
- млять, опять не работает
- скоро будет писец сети
- совсем пипец настанет
- киздишь небось
- Я вот Бритни Спирс е\$ал...не, ну чуть-чуть конечно преувеличиваю

В чатах обсценная лексика используется, безусловно, реже, чем в неформальном устном общении молодежи, и это связано, как нам кажется, с двумя причинами. Первая состоит в том, что письменная форма речи в сознании носителей языка плохо совместима с использованием ненормативной лексики (о некоторых словах даже трудно сказать, как они пишутся). Вторая причина состоит в том, что в Сети существует определенный кодекс общения – сетевой этикет (так называемый «нетикет» или «сетисет» – см. об этом в подразделе «Прагматика»), нарушение которого вызывает реакцию как у самих «чатлан», так и у модераторов – добровольцев, которые берут на себя функцию диспетчера.

«Чатлане» могут осадить зарвавшегося пользователя (это происходит далеко не всегда), сделав эму замечание в той или иной форме, а модератор может применить и крайнее наказание — временное или постоянное исключение из группы.

Как известно, в англо-американской культуре степень табуированности лексики, связанной с «телесным низом», меньше, чем в русской. Так, например, табуированная лексика может быть использована персонажем кинофильма и при этом не заглушаться, как это принято в русской культурной традиции. При этом табуированность англоязычной лексики не ограничивается «телесным низом» и распространяется на религиозную сферу, причем слова hell, dam являются едва ли не более сильными ругательствами, чем слова, прямо соответствующие обсценной лексике русского языка. По нашим наблюдениям, английские слова религиозной тематики в качестве ругательств на русской почве практически не употребляются.

2.5.4. Английские вкрапления в текст, или Russlish

Современный сетевой текст на русском языке, и чаты не исключение, может включать английские слова (далеко не только обсценные), причем написанные латиницей и без перевода.

А.Е. Войскунский так описывает это явление: «Латиница действительно получила широкое распространение. Например, в виде заимствований, т.н. «слов-прослоек»: «Шимомура must die!», «вся информация на web» и т.п. На латинице пишутся наименования фирм, аппаратуры и программных продуктов. Находятся возможности проявить и остроумие, и малограмотность: dizain или trafik — по сути обратные кальки с русского на язык, который по аналогии с другими основанными на английском пиджинязыками можно было бы обозначить как Ruslish (или, быть может, Russlish)» [Войскунский 2000], например:

• Шерлок Холмс forever

Как уже говорилось, существуют английские аббревиатуры, успешно «перекочевавшие» и в русскоязычные чаты.

Можно предложить такую классификацию этих элементов:

- 1. Выражения, выступающие в речи в роли вводных слов со значением
 - 1) отражения порядка мыслей и их связи:

 $BOT = Back \ on \ topic$ 'возвращаясь к теме',

2) замечания о способах оформления мыслей:

 $BTW = By \ the \ way$ 'между прочим, кстати',

IOW = *In other words* 'другими словами',

3) источника сообщения:

IMHO = In my humble opinion 'по моему скромному мнению'.

2. Императивные словосочетания с главным словом – глаголом в форме повелительного наклонения:

 $RBTL = Read\ between\ the\ lines$ 'читай между строк',

RML = Read my lips 'читай по губам',

RMM = Read my mail 'читай мою почту'.

3. Выражения, выступающие в функции этикетных междометий:

CUL8R = See you later 'увидимся позже',

TIA = Thanks in advance 'заранее благодарю'.

4. Различные знаменательные слова, сочетания слов и предложения с высокой частотой употребления, такие, например, как:

ASAP = As soon as possible 'так быстро, как это возможно',

HTH = Hope this help 'надеюсь, это поможет',

ISP = Internet service provider 'интернет-провайдер',

L8R = Later 'позже',

B4 = Before 'перед'.

5. Комментарии к действиям или состояниям «чатланина», часто выполняющие функцию метатекста:

LOL = Laughing out loud 'смеюсь громко',

 $BRB = Be \ right \ back \$ скоро 'вернусь'.

6. Сочетания слов, выражающие отношение говорящего к предмету говорения:

YGBK = you gotta be kidding 'ты, наверное, шутишь',

ONNA = Oh no, not again 'o нет, только не сначала'.

Эти и другие аббревиатуры используются как в англоязычных, так и в русскоязычных чатах, причем иногда создается впечатление, что некоторые участники до конца даже не понимают значения этих элементов и употребляют их как дань моде, ради «красного словца».

Интересно, что аббревиатуры, предназначенные изначально для использования в функции метатекста, могут становиться се-

мантическими компонентами высказывания. Такое распространение получило, например, сокращение *lol* ('громко смеюсь'):

• когда у меня денег не будет, я тоже буду lol

О возможных последствиях вкрапления английского текста в русский А.Е. Войскунский пишет так: «Надо думать, Ruslish находится пока в стадии становления, однако это не мешает ему обрастать диалектами. Например, даже поверхностного взгляда на процессы взаимодействия в ФИДО оказалось достаточно для обозревателя, чтобы заявить о языке «Фидоне»: «Хоббиты говорили на Вестроне, жители Океании – на Новоязе. Обитатели Фидо - не исключение. Для начала, назовем этот язык Фидоном. У Фидона есть папа и мама – это русский и английский языки» (Голубицкий 1997). Вместе с тем Ruslish наряду с Spanglish, Indlish, Franglais и другими «бэйсиками» представляет собой мощный фактор воздействия на современный английский язык. Уже в настоящее время английский язык не является родным для более чем половины всемирного сообщества пользователей Интернета. Рано или поздно представители самых многолюдных этнических групп заимеют куда более широкое представительство в Интернете, нежели это имеет место сейчас. Вот тогда содержание и языковое наполнение веб-сайтов станут еще более толерантны к грамматическим ошибкам и опечаткам» [Войскунский 2000].

2.6. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В данной работе нас интересует словообразование как процесс возникновения узуальных и окказиональных (авторских) неологизмов, распространенных в Сети вообще и в чатах в частности. Поэтому в данный раздел попали не только слова, образованные аффиксальными и безаффиксными способами словообразования, но и слова, переведенные с английского языка, заимствованные из английского или других жаргонов, образованные на основе метафорического или метонимического переноса, а также образованные с целью языковой игры.

2.6.1. Образование узуальных некодифицированных слов

Основным полем для узуального некодифицированного словообразования как процесса образования новых слов является

компьютерный и молодежный жаргон, активно используемые чатланами.

Как известно, существует несколько основных путей возникновения жаргонного слова: заимствование, перевод, метафорическое или метонимическое переосмысление слова русского литературного языка или другого жаргона, словообразование, языковая игра. В большом количестве случаев в одном слове совмещены несколько путей (заимствование + словообразование, словообразование + языковая игра и т.д.).

2.6.1.1. Заимствование из иностранного языка

Заимствование англоязычного слова – распространенный путь формирования молодежной и компьютерной жаргонной лексики, и это отличает эти жаргоны от других, так как основным источником пополнения профессиональных жаргонов является переосмысление слов литературного языка. В молодежном жаргоне англоязычные слова в значительной степени являются данью моде (иностранное слово по сравнению с русским эквивалентом зачастую воспринимается как более «престижное»; так исследователи отмечают как социально-психологическую причину активизации заимствований в современную эпоху «восприятие - всем коллективом говорящих или его частью - иноязычного слова как более престижного» [Русский язык конца XX столетия 2000: 147]). Кроме того, для молодежи владение иностранным языком – предмет их особой гордости, то, что способно противопоставить молодежь старшему поколению, в основном не владеющему иностранными языками. В компьютерном жаргоне заимствование часто является необходимостью, вызванной тесной связью компьютерного жаргона и компьютерной терминологии, в большей своей части также заимствованной.

Значительная часть жаргонизмов представляет собой англоязычные слова, записанные кириллическими буквами с использованием транскрипции или транслитерации и приобретшие грамматические характеристики, свойственные словам русского языка. При транскрипционном способе заимствования слова, при котором создающееся в языке-восприемнике наименование (знаковое средство) фиксирует (с известными поправками на различия в произношении звуков) произношение слова в языке-

источнике, а при транслитерационном создающееся в языкевосприемнике наименование (знаковое средство) фиксирует графическими средствами воспринимающего языка написание слова в языке-источнике согласно определенной договоренности.

Приведем примеры использования транскрипции и транслитерации как путей заимствования в жаргоне.

Транслитерация: *гирла* (англ. *girl*) – девушка, *емайл* (англ. *е-mail*) – электронная почта.

Транскрипция: мэн (англ. man) — мужчина, блэк (англ. black) — негр, caйз (англ. size) — размер.

Для некоторых слов сложно однозначно определить их транскрипционный или траслитератционный тип. Так, междометие *аск* и глагол *аскать* (спрашивать) можно характеризовать как транскрипционные, если ориентироваться на британское произношение глагола *ask*, или транслитерационные, если иметь в виду то, что в американском английском, имеющем высокую престижность, этот глагол произносится иначе.

Некоторые понятия имеют вариативные наименования: *undo* 'отмена' — *анду* (транскрипция) и *ундо* (транслитерация), *bottle* 'бутылка' — *батл* (транскрипция) и *ботл* (транслитерация). В последнем случае, впрочем, невозможно точно квалифицировать эти наименования, так как в английском языке произносится звук $[\land]$, средний между [a] и [o].

Иногда происходит совмещение транскрипции и транслитерации: так, например, в слове маусе (англ. mouse), одном из многочисленных жаргонных наименований манипулятора типа «мышь», первая часть слова транскрибируется, а вторая транслитерируется. Аналогичное совмещение происходит в большом количестве слов-названий людей, возникших в результате заимствования слов на -er, например: драйвер (англ. driver) – 'водитель', геймер (англ. gamer) – 'любитель компьютерных игр'. В английском языке конечный сегмент этих слов реализуется в звуке, близком к русскому [а], однако стандартным способом его произношения в русском языке является конечный сегмент -ер.

Огромное количество заимствованных слов, попадая в русский язык, подвергается разного рода искажениям, дающим каламбурный или просто комический эффект, при этом сохраняя

очевидное сходство и с английскими оригиналами. Яркие примеры этого: *комплюхтер* – 'компьютер', *самсунь* – 'техника фирмы Samsung'.

Интересно слово *масдай* ('избивать'), которое возникло из транскрипционного прочтения англ. *must die* ('должен умереть').

Как уже было сказано, в чатах используется и специальная заимствованная лексика — английские аббревиатуры. Их непереводимость на русский язык и запись латинскими буквами заставляет считать их варваризмами — иностранными вкраплениями, в силу чего мы рассмотрели их в разделе «Лексика».

2.6.1.2. Перевод слова иностранного языка

Под переводом мы понимаем передачу смысла иноязычного высказывания существующими в языке-восприемнике лексическими средствами. Перевод оказался наименее популярным способом создания жаргонного наименования, немногочисленные примеры перевода относятся к компьютерной сфере:

Продвинутый (о человеке) – обладающий [более] высокой квалификацией, мастерством: напр. advanced amateur – продвинутый любитель (в отличие от профессионала); (о предмете) – [более] совершенный: advanced version – продвинутая версия.

Окна – операционная система Windows.

Мышь – устройство для перемещения курсора по экрану *mouse*.

Kapma – плата в компьютере, кроме материнской, card (video card, sound card).

Убить - 1) прервать процесс; 2) удалить – перевод жаргонного термина kill.

При образовании некоторых жаргонизмов перевод использовался в осложненном виде: жаргонизмы *мама* и *мать* 'материнская плата' являются каламбурным переводом первой части термина *motherboard*. То же значение имеет жаргонизм *матерьборд*: часть слова перед дефисом —перевод, после дефиса — транскрипция.

Интересны названия корпорации Microsoft *мелкий софт* и *мелкософт*: *мелкий* – неточный перевод префикса *micro*, *софт* – транслитерация. Это же название представлено жаргонизмом *мелкомягкие*.

В некоторых случаях перевод совмещен со словообразованием:

Бродилка - 1) игра типа RPG/adventure, способ образования: суффиксация от *бродить*; 2) программа для просмотра web-страниц, искажённый перевод слова *browser*.

Окошки, окноус – операционная система Windows, суффиксация на основе перевода с не существующим в узусе суффиксом - оус.

2.6.1.3. Переосмысление слов русского литературного языка

Этот способ пополнения, наиболее распространенный в молодежном (в меньшей степени в компьютерном) жаргоне среди всех других путей его пополнения, свойственен всем жаргонным группам: «Специфика <...> жаргонов заключается в метафорическом переосмыслении ходовых слов и выражений, придании им образного смысла» [Современный русский язык конца XX столетия 2000: 70]. Жаргонные слова часто возникают в результате переосмысления слов литературного языка, приписывания им собственно жаргонных, несвойственных им в литературном языке значений на основе метафорического или метонимического переноса наименования.

Приведем только насколько примеров жаргонизмов, построенных на метафорическом или метонимическом переносе.

Метафорический перенос

- 1) на основе внешнего сходства: гроб телевизор, компьютер, дыня, крыша, кабина, котелок, кочан голова, бабочка, ухо знак @, используемый в адресах электронной почты, сундук кошелек, полный мелочи;
- 2) на основе функционального сходства или сходства в восприятии: *ботва* неосновные вещи, *железно* точно, гарантированно, *киса* приятная девушка, *срезать* завалить на экзамене, *стрелочник* человек, отводящий от себя подозрения, *тормоз* человек в замедленными реакциями, *утюг* злой человек.

Метонимический перенос: *аппарат* — бытовая техника (синекдоха), *вася* — мальчик, *джоржик* — доллар (на купюре в один доллар изображен Джордж Вашингтон).

Метафорический и метонимический переносы могут совмещаться, например: *вакса*, *гуталин* – негр, *черепа* – родители.

Интересным случаем переноса наименования являются метонимические переносы, основанные на привлечении в качестве наименования слова той же тематической группы, что и исходное, или наименования объекта, реально связанного с исходным, например:

Бацилла, жук, живность - компьютерный вирус.

Форточки, ставни, стекла — операционная система Windows (перевод — окна). В случае со словом форточки дополнительно имеется отсылка к логотипу Miscrosoft.

Бердан — жесткий диск в компьютере (замена термина «винчестер» — в переводе $ружь\ddot{e}$).

2.6.1.4. Заимствование из других жаргонов

Молодежный жаргон пополняется и за счет заимствований из других жаргонов, для компьютерного же жаргона это явление малохарактерно.

В течение долгого времени в молодежном жаргоне основным источником для заимствования был уголовный жаргон (воровское арго). Около 100 слов перешло в молодежный жаргон без изменения значения, например: *смыться* (скрыться), *мент* (милиционер), *стучать* (доносить). Некоторые слова сузили свое значение, например *ксива* (любой документ); в уголовном жаргоне это слово означало 'письмо, записка'. Около 40 слов изменили свое значение, например: *лох* — простодушный человек (вместо 'жертва преступления').

Другой источник пополнения молодежного жаргона — жаргон хиппи — в настоящее время не активен. Однако в молодежном жаргоне сохранились слова, заимствованные десятки лет назад, например: *хайр* — волосы (заимствовано хиппи из англ.), *креза* / *крейза* — сумасшествие (заимствовано хиппи из англ.), *фенечка* — украшение из бисера на руку, *прикид* — одежда.

Некоторое количество слов заимствовано из других корпоративных жаргонов: косуха (кожаная куртка) – из жаргона металлистов, бандана (платок) – из жаргона байкеров, (с)лабать, (за)бацать (сыграть на музыкальном инструменте) – из жаргона музыкантов.

Есть и заимствования из <u>общего</u> жаргона, иногда с сужением значения: *бухать* – пить, *бандура* – компьютер, *пимпа* – кнопка

мыши, 6ычок — окурок, железно — гарантированно, наверняка, киса — девушка (также и обращение), молоток — молодец, шамать — есть.

Большое количество слов заимствовано молодежным жаргоном из компьютерного жаргона. Это связано с тем, что, как уже говорилось, именно молодежь является основным пользователем компьютера во всех его проявлениях — от программного обеспечения до использования для общения ресурсов Интернета, в том числе чатов.

Поскольку большое количество слов, традиционно приписывемых компьютерному жаргону, не связано с узкопрофессиональной деятельностью компьютерщиков и программистов и обозначают реалии, с которыми молодежь сталкивается ежедневно, трудно сказать однозначно, появились ли эти слова первоначально в молодежном жаргоне и оттуда заимствовались компьютерным жаргоном или наоборот. Особенность использования компьютерных жаргонизмов, в отличие от слов жаргона наркоманов, в том, что в молодежном жаргоне они не меняют своего значения, не расширяют сферу своего употребления и используются «по назначению».

Наибольшего внимания заслуживает взаимодействие молодежного жаргона с жаргоном наркоманов. В последнее десятилетие именно этот жаргон стал основным источником заимствования.

С одной стороны, поскольку употребление «легких» (да и «тяжелых») наркотиков имеет в молодежной среде чрезвычайно широкое распространение, молодежь использует жаргон наркоманов для обозначения реалий, связанных с употреблением наркотиков: это названия наркотиков, способы их употребления, ощущения, связанные с их употреблением; здесь разграничить первичность и вторичность употребления слова в одном или другом жаргоне достаточно сложно. В этом случае мы не будет говорить о заимствовании слова из жаргона наркоманов, но соответствующие значения при описании подобных слов, как употребляющиеся в молодежной среде, будем приводить и описывать по общим правилам.

С другой стороны, молодежный жаргон использует единицы из жаргона наркоманов, подвергая их семантическому видоизменению. Слова из жаргона наркоманов, заимствуясь молодежным жаргоном, переосмысляются и приобретают более общее значение, применимое к кругу неспецифических реалий, не связанных с наркотиками и последствиями их употребления. При этом заимствуются преимущественно слова, называющие чувства и состояния.

Интересной особенностью использования молодежью слов, заимствованных из жаргона наркоманов, является то, что они обладают большой словообразовательной активностью. Так, от прилагательного беспонтовый образуется наречие беспонтово и существительное беспонтовка, глагол грузить используется как производящая основа для таких слов, как груз, грузило, грузчик, загруз.

К особенностям освоения наркотических жаргонизмов можно также отнести разработку продуктивных метафор. Так, некоторые слова, проникнув в молодежную речь, приобретают переносное значение и начинают обрастать фразеологическими выражениями и новыми метафорами. Например: крыша (нарк.) 'сознание, рассудок' $\rightarrow крыша$ (мол.) 'разум' $\rightarrow без$ крыша, без крыши, fessphimensisma 'неразумный, непредусмотрительный, чрезмерно рисковый'; kpыша fissphimensisma fissphimensisma

2.6.1.5. Языковая игра

Языковая игра — один из распространенных приемов формирования молодежного жаргона. Языковая игра — это нарушение языковой нормы, сознательно допущенное говорящим в расчете на то, что оно именно так будет воспринято слушающим. Языковая игра может быть основана на нарушении норм любого языкового уровня — от фонетики до синтаксиса и прагматики. Само использование языковой игры исследователи считают признаком речи интеллигентного человека, поскольку именно «для интеллигентской среды, в особенности для «гуманитариев», характерны такие явления, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы,

связей с другими словами, словесные каламбуры и т.п. — иначе говоря, языковая игра во всех ее обличиях <...> очевидно, что в массе своей именно образованные и культурные носители языка в наибольшей степени склонны к языковой игре» [Современный русский язык 2003: 494].

Основным видом языковой игры, используемым в молодежном жаргоне, является каламбур. В.З. Санников в своей монографии «Русский язык в зеркале языковой игры» (1999) определяет каламбур как «шутку, основанную на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных по звучанию (омонимов), либо разных слов (словосочетаний), сходных по звучанию (паронимов), либо псевдосинонимов, либо псевдоантонимов» [Санников 2002: 497].

При образовании жаргонизмов чаще всего происходит соотнесение слов, отдаленно похожих по звучанию или написанию, на основе транскрипции или транслитерации (причем выбор транслитерации чаще всего осуществляется именно на основании того, что она позволяет создать каламбурное образование, основанное на звуковом сходстве, даже очень отдаленном, между англоязычным и русским словом):

Aська — программа для обмена сообщениями в сети Интернет ICO,

Думать – играть в игру *Doom*,

Дося - DOS.

 ${\it Емеля}-1$) электронная почта; 2) адрес электронной почты, от англ. e-mail.

Кенар – сканер (каламбурное усечение на основе транскрипции от англ. *scanner*).

Mыло - 1) электронная почта; 2) адрес электронной почты (каламбурное искажение транскрипции от англ. mail).

Mыльница — программа для работы с электронной почтой (каламбурная суффиксация от *мыло*).

Mылить — посылать по электронной почте (каламбурная суффиксация от мыло).

Пенек, Пень, Пентюх – процессор Pentium.

Хомяк – домашняя страница (каламбурное образование на основании отдаленного звукового сходства от англ. *homepage*).

Некоторые примеры представляют языковую игру каламбурного и некаламбурного типа на базе русских производящих основ и построены на мене фонем, псевдоэтимологическом переводе, словообразовании и т.д.:

 $\Gamma pyзовик$ — человек, который напористо высказывается на тему, не интересующую слушателя (zpyзиm).

Джопсы - джинсы (словообразование на основе мены букв: слово джопсы ассоциируется со словом жona).

Технарь – человек, который слушает музыку техно (каламбурное словообразование от *техно*).

ЧАВО – Часто задаваемые Вопросы и Ответы на них (аббревиация каламбурного типа).

2.6.1.6. Словообразование с использованием продуктивных моделей

Словообразование в компьютерном и молодежном жаргоне играет большую роль, чем в других жаргонах. Это связано с тем, что в качестве производящих основ в этих жаргонах, в отличие от прочих, часто выступают оригинальные слова английского языка. Особенностью английского языка, как известно, является широко распространенная конверсия: одно и то же слово без внешних изменений функционирует в разных частях речи (salt-coль и co-numb). Для русского языка это невозможно, поэтому заимствованная из английского языка основа используется в основном как существительное, реже — как междометие, а для образования глагола с соответствующим значением необходимо использование глагольного суффикса, например: ask 'спрашивать, вопрос' $\rightarrow ac\kappa$ 'нет вопросов' (междометие) $\rightarrow ac\kappa$ -ack 'спрашивать'.

От уже заимствованных глаголов образуются видовые пары и глаголы со значением различного способа действия, например: eat 'ecть' $\rightarrow um$ -a-m 'ecть' $\rightarrow no$ -umam 'поесть'; look 'смотреть' $\rightarrow ny$ 'смотри' (вводное слово с фатической функцией) $\rightarrow ny$ κ -m 'смотреть' $\rightarrow no$ -ny κ am 'посмотреть'.

Часто словообразование участвует в каламбурном наименовании, такие каламбуры мы в дальнейшем называем словообразовательными, например: голубой (гомосексуалист) $\rightarrow голуб-чик$.

В результате словообразовательных процессов возникают как слова, не совпадающие со словами литературного языка, например: юэсбишка (от USB — наименование универсального порта в компьютере), уни, универ — университет, так и слова, омонимичные существующим в КЛЯ лексемам, например: мылить ('посылать по электронной почте') и мыльница ('программа для работы с электронной почтой'), образованные от существительного мыло — 'электронная почта' — каламбурное искажение транскрипции от англ. mail.

2.6.2. Окказиональное (авторское) словообразование в чатах

Окказиональное (авторское) словообразование в чатах слабо поддается структурированию, поэтому просто ограничимся примерами встреченными нами в чатах авторскими неологизмами, в том числе построенными с целью языковой игры:

- <Имя> а вообще у яндекса спроси
- <Mr. Anderson> y ТЫндекса...:)
- <Веп и Иришка> Ладно, поехал я учицца!!!
- <KESH A^{m_M} на работе> удачи бенский
- <DiBaZoooL> чета у меня правопЫсанием...перехожу на левописание:)
 - <TransWall> выучи левопЫсание

2.7. МОРФОЛОГИЯ

Морфологический уровень в чатах подвержен наименьшим изменениям по сравнению с КЛЯ, что, как известно, в целом характерно для PP.

С точки зрения своих морфологических признаков представляют интерес слова, заимствованные компьютерным и молодежным жаргонами из английского языка. В многих случаях их русская форма связана с приспособлением слова к грамматической системе русского языка: иностранные слова получают родовую характеристику и начинают изменяться по падежам, приобретая окончания соответствующих типов склонения. Именно это про-

изошло с такими, например, словами, как гирла (англ. girl) — 'девушка', хомепага (англ. homepage) — 'персональная страничка в Интернете'. Попав в русский язык, эти слова приобрели окончания женского рода -а, попадая в 1 склонение имен существительных. Заимствованные слова с исходом на согласный, сходные с именами существительными мужского рода с нулевым окончанием, часто сохраняют оригинальный облик: мэн (англ. man) — 'мужчина', батл (англ. bottle) — 'бутылка', бэк (англ. back) — 'зад, спина'. Интересно, что у многих жаргонных имен существительных, являющихся транскрибированными и транслитерированными английскими словами, есть вариативные формы — так, например, слово баг ('ошибка') имеет вариативную форму женского рода бага.

Многие заимствованные существительные употребляются только в форме множественного числа, имея при этом характерные для множественного числа окончания: mpysepa (англ. trousers) – 'брюки', ondы (англ. old) – 'родители', $causumath{3}$ ы (англ. guys) – 'ребята, друзья'. Особенностью последнего слова является то, что окончание множественного числа -s в нем приставлено к английскому окончанию множественного числа -s.

В отличие от КЛЯ, имеющего множество неизменяемых заимствованных слов, заимствованные жаргонизмы всегда склоняются, что является яркой приметой разговорности.

Среди морфологических признаков можно также отметить примеры языковой игры — неправильное образование форм, встречающееся в РР, например:

- кстати сечат получшее будет
- Раф звонил...хотел взять фильму...
- я тож хотю такую :е
- шуткую
- камера через порт не определяется и писать на комп не могёт
- Продается оптическая мышка Майкрософт срочно 400 рублёв...

2.8. СИНТАКСИС

Рассмотрим основные синтаксические особенности основных синтаксических единиц – словосочетания, предложения и текста.

2.8.1. Синтаксис словосочетания

Синтаксис словосочетания в чатах в основном соответствует нормам КЛЯ. Особенности неспецифичны, связаны в основном с употреблением просторечий и жаргонизмов и имеют несетевую природу.

Так, широта применения заимствованных жаргонизмов обуславливает некоторые грамматические изменения в их использовании: многие глаголы, которые в языке наркоманов употребляются только в односоставных безличных предложениях, в молодежной речи могут выполнять роль сказуемого двусоставной конструкции. Например, наркоман скажет: *Меня прет от этой дури*, — а от молодого человека можно услышать: *Меня прет этот музон*.

Некоторые глаголы, переместившись из жаргона наркоманов, меняют способы управления второстепенными членами. Например, глагол (за)грузить в речи употребляющих наркотики не может иметь дополнения в творительном падеже. Однако молодые люди могут расширить высказывание: Не загружай меня своими проблемами; Достал грузить тупыми байками и т.п. Подобным образом слово гнать у наркоманов используется без дополнения в винительном падеже, а молодые люди расширяют возможности этого глагола к управлению второстепенными членами.

2.8.2. Синтаксис предложения

Предоставляемые коммуникационные ресурсы в Сети нормируются либо по времени, отведенному на коммуникацию (давать ответ на дискуссиях в реальном времени нужно быстро), либо по предельно допустимому объему текста. Во многих дискуссионных группах объем присылаемых сообщений ограничивается программными средствами. Одна реплика, например, не может превышать тысячу знаков, при этом допустимый объем реплик часто оговаривается в комментариях к дискуссии. Ограничение объема составляет важную часть сетевого этикета — сетикета (о сетикете см. также в подразделе «Прагматика»). Эти ограничения

накладывают ощутимый отпечаток на синтаксис предложения, что в сочетании с чертами РР и определяет особенности отклонения от нормативного в КЛЯ построения предложений.

Характерной чертой синтаксиса предложения в чате является тенденция к аграмматизму, т.е. отклонению от синтаксических и пунктуационных норм литературного языка со стороны адресанта текста. Реципиенты текстов воспринимают подобные нарушения норм с высокой степенью толерантности.

Л.Ю. Иванов отмечает, что «аграмматизм в диалогических жанрах языка ГС [глобальной сети, т.е. Интернета] развился, повидимому, под влиянием телеграфного стиля (шире — любого вида коммуникации, проходящего в условиях ограниченных коммуникационных ресурсов), молодежных жаргонов и разговорной речи. Относительно влияния разговорности следует заметить, что рассмотренные реплики участников дискуссионных групп все же остаются образцами письменной, а не записанной устной речи.

Аграмматизм в ГС носит скорее не конвенциональный, как в телеграфном стиле, а окказиональный (случайный) характер. «Глубина» его проникновения также меньше. Случаи сознательного опущения предлогов и союзов типа телеграфного «Приезжаю женой дочкой встречайте Домодедово пятницу четырнадцать тридцать Вадим» в рассмотренных материалах ГС почти отсутствуют <...> Аграмматизм в ГС проявляется чаще всего в недостаточной или неверной расстановке знаков препинания и значительно реже — в рассогласовании, нарушении формальносинтаксической связи между частями высказывания (анаколуфах) и различного рода обрывах (апозиопезах и прозиопезах)» [Иванов 2000].

Позволим себе не согласиться с Л.Ю. Ивановым: обрывы разного рода представляют собой чрезвычайно частое явление в чатовом полилоге. Экспрессия, свойственная в чате номинации, проявляется и на синтаксическом уровне. Для реализации синтаксической экспрессии могут использоваться любые синтаксические фигуры, характерные для разговорной речи. Они, помимо повышения экспрессивности, решают и другие задачи, например, способствуют более компактному изложению, а диалогическая

форма естественно влечет за собой неполноту предложений, например:

<DiBaZoooL> надо устроить поинт и посмотреть сколько придет девчонок

```
<TransWall> их еще оповестить надо...
```

- <DiBaZoooL> ну понятное дело!
- <TransWall> a попробуй
- <TransWall> если их не видно...
- <DiBaZoooL> ну иногда то появляются
- <TransWall> иногда
- <DiBaZoooL> как появятся сразу отписывать надо :)
- <Salex> забейте стрелку в ювелирном под Москвы сбежится
- <TransWall> кто на себя это возьмет?
- <DiBaZoooL> x3
- <DiBaZoooL> я с 10 до 18 работаю
- <DiBaZoooL> + дорога
- <TransWall> я не каждый день дома...
- <Salex> + лень
- <DiBaZoooL>кстати, да + лень
- <Salex> + дела
- <TransWall> + лень это у всех

На (часто подсознательное) предпочтение тех или иных фигур оказывает влияние и индивидуальный стиль пишущих. Приведем примеры этих фигур.

- 1. Усечение начала предложения (прозиопеза) и обрыв конца предложения (апозиопеза); усечение начала предложения формирует реплики-подхваты, при которых реплика дискутанта становится продолжением предложения предыдущего дискутанта, причем даже в том случае, если предыдущая реплика представляет собой законченное предложение.
- 2. Нередким является и рассогласование частей высказывания (анаколуф):

```
<Веп и Иришка> ента... у меня скоро праздник...
```

- $\langle BUBA \rangle$?
- <Веп и Иришка> так вот, думаю приглашать тебя или нет
- <Веп и Иришка> день рождения
- <[T][o][P][u][K]> ты завтра на работку во сколько едешь?

- <Имя> я так думаю 7 ю 20 30 40
- <[T][o][P][u][K]> куда территориально?
- <Имя> автозаводская мимэо
- 3. Стяжение (эллипсис):
- молодца что про работу напомнил я будильник вспомнил включить (=вспомнил, что надо включить)
 - у кого есть DJ ЦветкоFFF танцевать?
- 4. Расчленение цельного предложения-высказывания на части (парцелляция)
 - чипсы фуфловые подсунули! ГАДЫ! с укропом!
- скажите ка мне, народ... нужен ли нам альтернативный сервер чата? или хватит только 5.6?

Поскольку реплика может вводится в чат порционно, в результате чего возникает набор идущих подряд реплик одного пользователя, происходит частое расчленение предложения на части, чаще всего проходящее по границе частей сложного предложения:

- <Salex> проглючнуло
- <Salex> так тока мне попытались файл передать
- 5. Литота не говоря уже о...:
- ночной дозор не стоит даже ДВД не говоря уж о кинотеатре
 - 6. Перестановка частей высказывания:
 - Пригласите «Козла на саксе», г-на Козлова т.е.
- Там када у вас чемпионат не знаешь пока? (в КЛЯ придаточное изъяснительное стоит в интер- или постпозиции, т.е. после определяемого слова).

Для сложного предложения характерно бессоюзие, что в контексте отсутствие интонации и практически полного отсутствия знаков препинания достаточно странно:

• прогу дадите мож и я организую

2.8.3. Синтаксис текста

Для чата, как и для других интернет-жанров характерен принцип «смещенной линейности» (термин наш -E.Л.): сам текст набирается адресантом по обычным правилам, принятым в КЛЯ, т.е. слева направо и сверху вниз, однако на экране фрагменты

текста отображаются в обратной последовательности: сверху располагаются не первые, а, наоборот, последние реплики, так что для восстановления привычной линейности пользователю при чтении приходится скакать сначала прочитывать сверху вниз предложение, абзац или другое текстовое единство, а потом перемещать взгляд вверх и проделывать то же с абзацем, появившимся выше, а не ниже предыдущего.

Существенным признаком синтаксиса текста в чатах является то, что они не гипертекстуальны, не содержат активных ссылок, нажатием на которые можно перенестись в другие интернетресурсы, и это связано, во-первых, с режимом реального времени, а, во-вторых, с коммуникативным, а не информирующим назначением этого жанра. (Впрочем, при необходимости, чаще всего в виде ответа на вопрос, чатланин может бросить в чат ссылку на иной электронный ресурс, как мы в устном разговоре можем сослаться на любой источник информации).

Однако у текста, создаваемого в чате, есть важная типологическая характеристика: он принципиально бесконечен, творится в режиме реального времени и не сохраняется, исчезая на глазах. (Конечно, можно искусственно сохранять чатовый полилог в памяти компьютера, как это сделали мы для наших исследовательских целей, но обычный «чатланин» этого, разумеется, не делает.) В этом отношении чат-текст принципиально отличается от других видов письменных текстов, характеризующихся тематическим единством и обслуживающей его композицией, имеющей такие структурные элементы, как завязка, развитие, кульминация и развязка.

Участники полилога входят в чат и покидают его, потом возвращаются и опять уходят, а чат продолжает свое функционирование.

Текстообразующую функцию в чате выполняют микротемы, которых может быть множество, т.к. полилог может распадаться на множество диалогов, при которых адресант отсылает свою реплику, указывая на ее направленность не всем участникам полилога, а определенному адресату.

2.9. ПУНКТУАЦИЯ

Если синтаксис предложения в чате в целом соответствует синтаксису PP, то пунктуация представляет собой абсолютно специфическое явление.

Отклонения от нормативной в КЛЯ пунктуации, распространенные в чатах, можно описать следующим образом.

Точка как знак конца предложения употребляется очень редко. Если реплика представляет собой одно предложение, то в конце ее точка не ставится. Если реплика содержит несколько предложений, то возможны три способа оформления:

- 1. Фраза расчленяется на несколько предложений, каждое из которых отправляется по отдельности, в результате чего в чате возникает несколько реплик одного и того же пользователя подряд, каждая без точки в конце:
 - <Salex> я посмотрел чё у него
 - <Salex> у него вся музыка безымянная
 - <Salex> наплодится такого мусора в сети
 - <Tribein> в каком смысле безымянная? эксклюзив?
- <Salex> безымянная это значит альбом неизвестного автора трек N_{2}
 - <Salex> у него 60% так было
- 2. Предложения расчленяются точками, после которых слово, как правило, пишется со строчной буквы, например:
- ща его там нет. я не стал качать его. зах он мне. детей у мя пока нет
 - давай через 10 минут у первого. как там на улице?
- 3. Вместо точки ставится отточие, после которого со строчной буквы пишется следующее предложение, например:
 - я оделся, уже весь мокрый...давай быстрее
 - я понял уже...нутк вроде ж там продают так Запятые ставятся крайне нерегулярно.

В простом предложении запятые практически не ставятся.

Редко ставятся запятые при обращении (тем более что в некоторых чатах обращения не нужно набирать, вместо них вставляется ник):

• И что за иллюзия Кокю светила тебе в этом тоннеле?

- когда газовать будем салага? Обращение может отделяться тире.
- Вини чё молчишь?

Вводные слова выделяются редко.

- чую он пару гигов весит
- даже три гига наверное

Иногда запятая ставится перед вводным словом, но не ставиться после него:

- Иногда, понимаешь ли нужно подразгрузиться Даже в пределах одной реплики одни вводные слова могут выделяться, а другие нет:
 - Кстати, это наверно в пятницу планируется

Однородные члены могут расчленяться запятыми, точками или не расчленяться вовсе; обособленные обороты, как правило, не выделяются:

• я бы сказала, что крен у нас скорее скрытый чем явный

Впрочем, употребление причастных, деепричастных и прочий обосабливаемых оборотов чрезвычайно редко.

Сложные предложения для чатового полилога малохарактерны. Если же сложное предложение употреблено, то части могут разделяться

- 1) распадением на реплики (в этом случае трудно сказать, имеем ли мы дело с пунктуацией или с синтаксической парцелляцией):
 - <Salex> я читал книгу
 - <Salex> небо и земля
 - <Salex> фильм отстой
 - <Salex> струдом досмотрел
 - 2) запятыми, как в КЛЯ:
 - А цивильное дорогое, у меня кризис
 - 3) точками (интерпретация аналогична п. 1):
- в сети вроде никого. патч ставил. работает без мазы. даже сосков нет
 - 4) отточием (интерпретация аналогична п. 1):
- я те ща компакт расшарю.. установишь... она без диска идет

В большом количестве случаев части сложного предложения никаким пунктуационным знаком на разделяются:

- вообще я как тока включаю комп захожу туда
- Ну вы же все сами знаете что вы лучше всех
- не знаю...тогда почему думаешь что его там нет?

Таким образом, сложное предложение, оформляясь так же, как несколько простых, перестает существовать (кроме п. 2) как самостоятельная синтаксическая структура.

Восклицательный знак ставится часто и используется как знак экспрессии и повышения голоса, причем чаще всего не один:

- народ с быстрым интернетом, откликнитесь! нуна помощь
 - хотеть не вредно!!
 - надо предварительно жахнуть!!!
- ECTЬ!!!!!!!!! OHO PAБОТАЕТ!!!!!!!! Cnacuбo TransWall'y!! Pecneκm!

Вопросительный знак используется регулярно и в основном по назначению, т.е. для обозначения интенции вопроса; количество вопросительных знаков может варьироваться от одного до нескольких десятков:

- да че тянуть то?
- больше не пойдет чтоль никто????????????????

Вместо знака вопроса может использоваться цифра 7. Это можно было бы отнести с опечаткам регистра (7 находится в нижнем регистре, знак вопроса — в верхнем регистре той же клавиши), если бы такое употребление не было довольно регулярным в репликах разных людей:

- салекс, есть каспер антихакер7
- так кто идет77777777

Понятность такого употребления для всех «чатлан» видна уже по следующему диалогу:

- <Голова> Мама, папа и маленький сынишка...
-

bordel> это номер телефона? :laugh:

(Как уже говорилось, смайлики и вставные элементы типа : laugh: употребляются для обозначения интенций, в данном случае как указание на шутку.)

При соединении вопросительности с восклицательностью знаки могут следовать друг за другом или чередоваться в произвольном порядке, иногда ставится только восклицательный знак:

- ты чё!?!?!???
- ну чаво все спят!!!???
- блин. где сайт островской!!!!!!!!!

Скобки, двоеточие и тире в чатах используются крайне редко:

• молчание знак согласия

Вероятно, это связано с тем, что эти знаки, как уже было сказано, активно задействованы для создания смайликов.

Кавычки также практически не используются ни при написании собственных наименований, ни при передаче прямой речи. Приведем отрывок из диалога, в котором BUBA пересказывает DiBaZoool'у свой разговор с парикмахершей:

- <BUBA> я просил с окантовкой
- <BUBA> а она ой я забыла
- <DiBaZoool>:D
- <DiBaZoool> мож первый день работает
- <BUBA> я говорю переделывай давай

В чатах, как уже было сказано, принято использование знаков препинания в несинтаксических целях.

Во-первых, пунктуационные знаки стандартно используются для передачи темпа речи, пауз и повышенной эмоциональности. При этом используются нехарактерные для КЛЯ знаки и их сочетания. Так, многоточие, состоящее в КЛЯ из трех точек, в чатах содержит произвольное их количество вплоть до десятка и более, причем количество точек означает длину паузы. Для выражения повышенной эмоциональности используются множественные восклицательные или вопросительные знаки, которые могут при этом чередоваться (примеры были приведены в разделе 2 этой главы).

Во-вторых, вопросительный и восклицательный знаки могут выступать как иконические заместители лексем *вопрос* и *восклицание*, например:

v меня скопилось много ?

В-третьих, вопросительный и восклицательный знаки могут представлять собой изолированное высказывание, обозначая прагматические интенции (см. об этом в следующем разделе).

В четвертых, знаки препинания в их сочетании или вместе с отдельными буквами и цифрами используются как «строительный материал» для набора с клавиатуры «смайликов».

Л.Ю. Иванов приводит интересное соображение, имеющее отношение не столько к чатам, сколько к форумам и конференциям: «При просмотре достаточно большого объема исследуемого материала напрашивается вывод, что степень аграмматизма, т.е. степень отклонения от норм литературного языка, определенным образом связана с темой дискуссии. Чем дискуссия тематически ближе к специально-техническим сторонам интернета или к сфере исключительно молодежных интересов (музыка «тяжелый металл», компьютерные игры), тем более ненормативно – вплоть до разительного пренебрежения правилами грамматики и пунктуации – употребляются языковые средства. Например, при сопоставлении дискуссии о политике и о современной музыке на сайте гатывет. Ги выясняется, что «политологи» стремятся придерживаться норм литературного языка, в то время как «музыковеды» скорее пренебрегают ими» [Иванов 2000].

2.10. ВЫРАЖЕНИЕ ИНТЕНЦИЙ И СЕТЕВОЙ ЭТИКЕТ

В рамках данной работы мы затронем лишь отдельные связанные с прагматикой проблемы, а именно сетевые особенности выражения интенций и проблема сетевого этикета.

2.10.1. Выражение интенций

Прагматика рассматривает высказывание как целостный речевой акт, который, по Дж. Остину, состоит из следующих компонентов: 1) в акте участвуют говорящий и адресат – носители определенных социальных функций, 2) они обладают общим фондом навыков, знаний и представлений о мире, 3) произносимое высказывание имеет какой-нибудь смысл, соотнесено с действительностью (локуция), 4) речевой акт имеет коммуникативную цель, речению придана целенаправленность, соответствующая намерению говорящего (иллокутивная сила), 5) речение призвано

вызвать определенную реакцию, последствия (перлокуция) [Остин 1986].

Таким образом, речевой акт трехуровнев:

- 1) локуция (языковые средства),
- 2) иллокуция (намерение, или интенция),
- 3) перлокуция (направленность на результат).

Актуальный смысл высказывания не складывается исключительно из значения слов и обеспечивается следующими факторами:

- пропозициональное содержание (значение слов, составляющих фразу),
 - энциклопедические знания говорящих, фон,
 - иллокутивная сила (намерение),
- знание коммуникантов о принципах общения, т.е. речевой этикет.

Последователь Дж. Остина Дж. Серль выделяет следующие классы иллокутивных актов [Серль 1986]:

- 1) информативные (репрезентативы): Поезд пришел;
- 2) побуждения (директивы): Уйдите! (косвенный акт: Я хочу побыть один), в т.ч. вопросы: Который час?;
- 3) акты принятия обязательств (комиссивы): Обещаю прийти вовремя;
- 4) акты выражения эмоционального состояния (экспрессивы), в том числе формулы этикета: *Извините за беспокойство*;
- 5) акты-установления (декларации, оперативы) назначение на должность, вынесение приговора и др. (капитан, разбивая бутылку шампанского о борт корабля, произносит Я именую судно «Santa Maria»); форма оперативов социально обусловлена.

Уникальной особенностью языка Сети, в первую очередь свойственной жанрам on-line коммуникации и особенно чатам, является разработка специальных способов выражения интенций – TLA (three letter abbreviations, т.е. трехбуквенных сокращений) или отдельных пиктограмм – смайликов, например:

<DiBaZoooL> пора пить пиво уже

<*UMя*>:)

<Tusha> haha lol

Эти же средства могут использоваться в конце реплики для указания, например, на то, что это шутка:

• Эротика — это искусство, а порнография — это жизнь :)

Из других средств передачи интенции отметим использование вопросительного и восклицательного знака как замены целого высказывания:

```
<tema14> ну еще пару челов тут :)
<PУДД> ???
<Shadow> ???
<tema14> !!!
```

Использование этих средств передачи интенции вместо обычных означает, что в Сети, как справедливо отмечает Л.Ю. Иванов, «традиционная прагматическая триада локутивный акт (языковое выражение) — иллокутивный акт — перлокутивный акт (перлокутивный эффект) может реализоваться без своего первого члена» [Иванов 2000].

Бывает, что содержательная сторона коммуникации редуцируется до минимума, и коммуникация начинает представлять собой лишь обмен прагматическими интенциями. Встречаются случаи, когда и инициальные, и ответные реплики представляют собой междометия, пиктограммы или бранные слова без дополнительных комментариев.

```
<AнЬка> блин
<GercoG> =))
<AнЬка> :(
<GercoG> ;-)
```

Таким образом, характерной особенностью языка чатов является высокая сложность передаваемых прагматических интенций при упрощении средств их передачи. Иными словами, усложнение кода приводит к сокращению текста.

2.10.2. Сетевой этикет

Упрощение способа передачи прагматических интенций, наряду с упомянутым в подразделе «Синтаксис» ограничением объема, является составной частью сетевого речевого этикета — сетикета. Понятие сетикета (сетевого этикета) появилось в эхоконференциях сети FIDO уже в середине 80-х годов XX века, однако его правила не являются жесткими и повсеместно установленными в Сети.

Существуют как общие для всех пользователей Интернета рекомендуемые правила, так и правила поведения в отдельных сетевых сообществах.

Сетевая энциклопедия «Википедия» выделяет 3 категории рекомендаций сетикета:

- 1) психолого-эмоциональные («ты» / «вы» общение, использование смайликов, возможность игнорировать вопрос собеседника и т.д.),
- 2) технические (ограничение объема высказывания, допустимость использования транслита или шрифтового выделения и др.),
- 3) административные (допустимость рекламы, правила цитирования, необходимость придерживаться тематики сообщества и др.) [Википедия].

Из наиболее общих психолого-эмоциональных правил поведения в Интернете обычно указывают следующие: вежливость и аккуратность, уважение и доброжелательное отношение к собеседнику, знакомство с конкретными этикетными правилами, принятыми в данной сообществе. Как мы видим, эти рекомендации опираются на всем известные правила несетевого этикета.

Тем не менее конфликты в Сети происходят, пожалуй, чаще, чем в реальной невиртуальной жизни, и связано это, как представляется, с принципиальной «нетелесностью» сетевого общения: обидеть человека, которого ты не видишь или даже не знаешь, довольно легко и, кроме того, почти безопасно.

Самыми распространенными причинами конфликтов являются нарушение правил конкретного сообщества и кодекса общения, непонимание темы обсуждения, нарушение «личного поля» коголибо из участников, вопросы пола (или, что бывает реже, политической ориентации или национальной принадлежности) [Левин, Левина 2001].

Самые типичные общие нарушения поведения в Сети описываются следующими понятиями:

Флейм (от англ. *flame* 'пламя') — бурная словесная война с личными оскорблениями в адрес участников сообщества. Флеймы могут быть организованы специальными «застрельщиками» (флеймерами), но могут возникнуть и стихийно в результате дискуссии. Чаще всего флейм заканчивается только с вмешательством модератора.

Флуд (от англ. flood 'наводнение') – сообщения, занимающие большие объемы и не несущие полезной информации. Флуд может быть хакерским; в этом случае он заполняет форум или чат таким количеством запросов, что это приводит к техническому отказу в обслуживании.

Спам (от англ. spam; слово произошло от товарного знака SPiced hAM — острая ветчина, реклама которой беспрерывно транслировалась по радио и стала восприниматься как чрезмерно навязчивая) — массовая рассылка на большое число электронных адресов или сообщения от неизвестных людей или организаций. Спам часто содержит файлы с вирусами и также может являться результатом деятельности хакеров.

Оффтопик (от англ. off-topic 'вне темы') – высказывание не по теме.

Хотлинкинг (от англ. hotlink 'горячая связка') – включение на свою сетевую страницу ресурсов с чужого сервера.

Для анализируемых нами чатов из перечисленных нарушений актуальны флейм, флуд и оффтопик.

У каждого чата есть неписаные (а иногда и писаные) конкретные правила этикета, поэтому каждый новичок, если он хочет комфортно общаться в данном чате, сначала «присматривается» и «принюхивается», т.е. изучает эти правила, анализируя те диалоги и полилоги, которые он видит на своем экране. Он старается отследить этикетные правила приветствия и прощания, запрещенные или конфликтные темы для беседы и вообще «оценить обстановку». Чаще всего приспособление к правилам каждого чата происходит постепенно и методом проб и ошибок.

Справедливости ради надо сказать, что некоторые исследователи пытаются прописать отдельные правила поведения в конференциях, ICQ, чатах и других жанрах Интернет-общения, стараясь придать им всеобщий характер. Так, Е.Г. Алексеев и С.Д. Бо-

гатырев в своем мультимедийном электронном учебнике «Информатика» предлагают следующие правила поведения в чатах:

- «1. Для чата и ICQ рекомендуется выбирать ник, не оскорбляющий других участников чата. Обычно стараются, чтобы он показывал, кто пользователь мужчина или женщина, т.е. нужно избегать нейтральных имен.
- 2. Обращаясь к кому-либо, пишут его ник с двоеточием в начале фразы.
- 3. Нужно стараться помогать другим там, где это можно сдепать.
 - 4. Следует уважать время и возможности других.
- 5. Не следует многократно писать одну и ту же фразу, забивая эфир. Это очень раздражает других участников чата, не нужно злоупотреблять своими возможностями.
- 6. В чате нужно придерживаться тех же стандартов поведения, что и в реальной жизни. Следует избегать резких и нецензурных выражений и грамматических ошибок. Следует избегать конфликтов и не допускать их. Желательно прощать другим их ошибки.
- 7. Уходя из чата, принято попрощаться с собеседниками» [Алексеев, Богатырев 2009].

Как мы видели при анализе материала, для реального, а не идеального чата эти правила, увы, невыполнимы.

ГЛАВА III.

СМС-КОММУНИКАЦИЯ КАК ФОРМА ПИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Эта глава имеет существенно меньший объем, чем предыдущая, и вызвано это следующими причинами

Во-первых, смс-коммуникация, в отличие от большинства форм и жанров интернет-коммуникации, является делом личным, интимным, не выставляемым на всеобщее обозрение, поэтому в качестве источника материала была использована моя личная переписка, переписка моей 19-летней дочери и моего мужа, а также друзей, коллег, учеников — тех, кто любезно выразил согласие поделиться со мной своим материалом. Объем обработанной информации очень велик, но не поддается статистическому исчислению.

Во-вторых, в рамках данной главы была поставлена цель не повторять описание языковых и речевых средств, имеющих универсальный характер для разных форм и жанров письменной разговорной коммуникации (в частности тех явлений, которые описаны в предыдущей главе), а сосредоточить внимание только на тех приемах, которые отличают смс-переписку от других форм письменной РР.

3.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СМС-КОММУНИКАЦИИ

Смс-общение стало технически возможным в 90-е годы XX века и начало широко распространяться чуть более 10 лет назад; можно смело говорить о нем как о формирующемся на наших глазах.

СМС-сообщение (в дальнейшем мы также будем использовать слово смска) может быть текстом любого назначения. Сотовые операторы производят рекламные рассылки, предоставляют своим абонентам информационные услуги, банки уведомляют владельцев о состоянии их счетов, секретари — о времени и месте очередного совещания. Пользователи телефонов могут оплачивать с помощью смс-сервиса покупки, бронировать билеты. Возникают смс-чаты и даже смс-литература (так, например, в Новый год пользователи сотовых телефонов часто получают и пересы-

лают друг другу созданные чем-то специально для смспересылки стихотворные поздравления). Понятно, что тексты подобного рода написаны преимущественно на КЛЯ, тщательно продуманы и не обладают ни разговорностью, ни неофициальностью, ни спонтанностью. В силу жанровой неоднородности мы отказываемся от придания смс-коммуникации статуса единого письменного жанра и будем именовать ее формой письменной рр

Пользователи сотовых телефонов получают много рассылок. В зависимости от темы эти рассылки пишутся соответствующим заданному жанру стилем, например:

- Истекает срок действия скидки 15% по программе «Прогрессивный годовой контракт» (нейтральный стиль);
- 14-25.10 перепись населения. Гор. линия 880002001425, т.регеріs-2010.ru (нейтральный стиль);
- 13-17.10 Сумасшедшие Дни в Стокманн! Теперь 5 дней! Начинаем в среду! (публицистический стиль, рекламный дискурс);
- ЛЭТУАЛЬ в большом городе! Подарки всем и шанс выиграть автомобиль! Скидка 40% на все! (публицистический стиль, рекламный дискурс).

Однако 70% пользователей используют смс-услуги для общения с друзьями, родными и близкими ([http://www.mobile-review.com/articles]), т.е. для неофициального неформального общения. Тексты именно такого рода, написанные на русском языке, и будут объектом нашего рассмотрения.

Интересно, что особенности использующихся приемов неформального письменного стиля РР в смс-переписке, несмотря на все возможные индивидуальные различия, настолько унифицированы, что аферисты разработали специальные формы рассылки с целью добиться перевода доверчивыми пользователями денег на отдельные счета. Так, мною (равно как и моей 19-летней дочерью) одновременно было получено такое смс-сообщение:

• мам у меня проблемы!срочно положи950р.на(9055369668)дома всё объясню

(Думаю, излишне объяснять, что это письмо не было написано моей дочерью.)

В неформальном общении смс-сообщение, особенно ответное, создается быстро и редко редактируется. Если же сообщение создается неспешно и тщательно обдумывается, то ему часто стараются придать вид небрежного сиюминутного письма — таков закон жанра (аналогично устроена стилизация под PP во многих off-line жанрах интернет-коммуникации, а также в художественной литературе).

Смс-переписка обиходно-бытового стиля привлекательна для нашего исследования по следующим причинам:

- 1. Для ее создания используется принципиально иной материальный носитель с иным, чем у компьютера, устройством клавиатуры и иными возможностями сотовый телефон (мы не будем обращаться к текстам, созданным на клавиатуре компьютера и отправленным с официальных сайтов операторов сотовой связи).
- 2. Набор текста с клавиатуры телефона значительно более сложен, чем с клавиатуры компьютера, и это значительно замедляет процесс создания текста.
- 3. Объем смс-сообщения строго ограничен в количестве знаков (не говоря уже о том, что от объема текста зависит стоимость его пересылки); смс-сообщение кириллическим штифтом, которое может быть переслано за один прием, составляет (в зависимости от марки телефона) около 70 знаков, включая пробелы.
- 4. Как и в интернет-коммуникации, аудиально-визуальный контакт коммуникантов отсутствует.

Частое использование смс-связи (врачи даже говорят о существовании психического расстройства — паталогической зависимости от смс-переписки) постепенно приводит к формированию особой субкультуры пользователей мобильных телефонов, называемых в англоязычной литературе Short Generation (SMS — аббревиатура словосочетания Short Massage Service — служба короткого сообщения).

3.2. ЯЗЫК СМС-СООБЩЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ «СТИЛИСТИКИ РЕСУРСОВ» И СТИЛИСТИКИ ТЕКСТА

3.2.1. Соблюдение в смс-коммуникации общих признаков письменной РР

В области «стилистики ресурсов» язык смс-переписки не обнаруживает особых отличий от чатового общения, поэтому в этих вопросах мы отсылаем читателя к предыдущей главе, дав лишь самые краткие комментарии.

Особенностью **лексики** смс-переписки является соединение бытовой разговорной лексики с вкраплением обсценных слов, с обильным использованием молодежного и компьютерного жаргона. Такое положение дел вызвано актуальной бытописательной тематикой (что делал, делаю или собираюсь делать), в котором употребление разговорной и просторечной лексики естественно.

Интересно, что одна из промежуточных версий словаря Т9, о котором будет сказано позже, «опознавала» обсценные слова, но в следующей версии эти слова из словаря были исключены, однако появились некоторые эвфемизмы, например мля. Последние версии Т9 бранных слов не содержат, но пользователь всегда имеет возможность внести их в свой словарь самостоятельно или набрать, отключив Т9. Известен круг людей, которые приспособились выходить из положения с помощью специальных смсэвфемизмов: они оставляют бессмысленный, но зато один и тот же набор букв, предлагаемый Т9 при нажатии соответствующих клавиш (например, оледеч).

Морфология смс-языка в наименьшей степени отличается от норм КЛЯ, особенно если пользователь находится в режиме Т9. Для намеренных отклонений в этом режиме места нет, поэтому все примеры языковой игры – как морфологической, так и словообразовательной – требуют специальных усилий и особой затраты времени, однако возможны и нередко встречаются в качестве приемов языковой игры:

- *Камни с дырками, недо-стоунхэндж* (это ответ на вопрос, что такое дольмены)
 - Наичмокнейший тебе чмок!

• Собираю волю по наночастицам, чтоб начать действовать. Но наночастицы ооочень мелкие.

Синтаксис смс-языка еще более разговорен, чем в интернетжанрах письменной РР. Основной чертой синтаксиса предложения является тенденция к аграмматизму, т.е. отклонению адресантом от синтаксических и пунктуационных норм КЛЯ:

- она спрашивает «почему никто не пришел на 1 пару?» выходной у нас потому что, вот как это объяснить?..
- 4,5 часа играли... ШЕСТЬ раз была мирным жи-

Для реализации синтаксической экспрессии могут использоваться любые синтаксические фигуры, характерные для PP: рассогласование частей высказывания, стяжение, парцелляция, перестановка частей, назывные предложения и др. Они, помимо повышения экспрессивности, решают и другие задачи, например способствуют более компактному изложению, а диалогическая форма переписки, естественно, влечет за собой неполноту предложений, например:

- Суши... Здорово! И снег тоже!
- Солнце! Тепло! Заблудились в подземелье! Катались на гондолах!!
 - Так када у вас конкурс не знаешь пока?
- Доедем:) здорова. Собор! Тот самый, с красным куполом!! Красотища!
 - фотик!!:(=Обидно, что фотоаппарат сломался)
- Оль, ты не могла вы написать список глаголов по кот кр по фонетике была, она наверняка давала? а то я завтра пишу, а у меня не сходятся два списка

Сосредоточим наш интерес на специфических для смскоммуникации признаках РР, которые представлены в наибольшей степени в графике, орфографии, пунктуации, синтаксисе текста и прагматике.

3.2.2. Графика смс-сообщений

3.2.2.1. Транслит как способ кодировки смс-сообщений

Объектом нашего рассмотрения являются бытовые тексты, написанные на русском языке с использованием кириллицы.

Тем не менее справедливости ради надо сказать, что многие русскоязычные пользователи до сих пор используют в смсобщении транслитерацию русских слов на латиницу, поскольку в силу специфики кодировки Unicode сообщение транслитом вмещает почти в два раза больше знаков, чем сообщение кириллицей, – до 160 знаков.

Опишем основные принципы транслитерации с опорой на исследования [Зиндер 2007], [ЛЭС 1990] и статьи «Транслитерация» и «Транслит» информационного интернет-портала «Википелия».

Транслитерация как особый способ графической кодировки языка - это конверсия систем письма, при которой каждый графический элемент (знак) одной системы письма представляется (заменяется) одним и тем же графическим элементом другой системы письма. В основу этой кодировки лег интернациональный английский (латинский) алфавит. И русскоязычные абоненты, не имея на начальной стадии смс-коммуникации никакой возможности писать кириллицей, вынуждены были пользоваться либо английским языком (соответственно, и принятыми в нем сокращениями и т.д.), либо, как это и было на заре интернет-эпохи, писать латинскими буквами по-русски - так называемым «транслитом». Таким образом, первое время существования услуги мобильные сообщения можно было создавать, используя исключительно латинский алфавит, для чего необходимо конвертировать изначально русское написание слов на латиницу. Актуальной транслитерация остается и сейчас, например, при нахождении за границей и пользовании мобильным телефоном, приобретенным в стране, использующей латинский алфавит, и подключенным к соответствующему сотовому оператору.

По строгости представления различают 1) строгую транслитерацию: замену каждого знака исходного текста только одним знаком другой письменности ($a \rightarrow a, \ b \rightarrow b, \ b \rightarrow v...$); 2) ослабленную транслитерацию: замену некоторых знаков исходного текста сочетаниями двух или более знаков другой письменности ($x \leftarrow zh, \ y \rightarrow ch, \ x \rightarrow ya...$); 3) расширенную транслитерацию: представление некоторых сочетаний знаков исходного текста особым образом ($bi b \rightarrow y$).

При применении правил конверсии могут не всегда соблюдаться требования звукового соответствия знаков конвертируемых систем письма, эстетические соображения и традиционные нормы, хотя в каждом отдельном случае желательна разработка таких правил, чтобы нарушение традиционных, фонетических и эстетических норм было минимальным. Однако каждый, кто знает исходный язык и правила конверсии, имеет возможность восстановить исходный текст и прочитать его по правилам исходного языка.

В реальной жизни вне смс-общения транслитерация применяется ограниченно, большей частью в сфере формальной обработки данных (например, при составлении в единой письменности каталога библиотеки из книг на разных языках). Для воспроизведения же в русском тексте иностранных имен и названий предпочтение в большинстве случаев отдается так называемой практической транскрипции, учитывающей не только письменную форму исходных слов, но и их произношение, а также исторические соображения.

Существует несколько признанных стандартом транслитерации кириллических алфавитов посредством латиницы:

- 1. «Международный стандарт ISO 9 Transliteration of Slavic Cyrillic characters into Latin characters», главное преимущество которого полная однозначность: каждой букве соответствует одна буква или сочетание буквы с различными диакритическими знаками. Это позволяет точно передавать кириллический оригинал и производить обратную транслитерацию, даже если язык нераспознан.
- 2. «ГОСТ 16876-71. Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита». Этот стандарт распространяется на транслитерацию букв кириллического алфавита буквами латинского алфавита в области научной и технической информации и устанавливает соответствие между буквами кириллического алфавита в русском, украинском, белорусском, болгарском, македонском, сербскохорватском (в его кириллическом письменном варианте) и монгольском языках, и буквами латинского алфавита.

Обычно при написании смс-сообщений латинскими буквами никто не использует строгие стандарты транслитерации: на помощь пользователям мобильных телефонов пришел **транслит** — неупорядоченная передача русского текста латинскими буквами, иногда также цифрами и иными доступными знаками. Так могут называть и сам русский текст, набранный латинскими буквами.

Транслит в целом строится по принципу фонетических соответствий русских и латинских букв. Часто сочетаются правила чтения из разных языков: прежде всего конкурируют соответствия латинских транскрипций немецкого языка $(\check{u} \to j, \; u \to c, \; b \to y, \; b \to ju, \; s \to ja)$ и английского $(\check{u} \to y, \; u \to ts, \; u \to ch, \; u \to sh, \; b \to yu, \; s \to ya)$. Может использоваться и визуальное сходство знаков $(u \to III)$ или $u \to w; \; u \to d$. Заимствованные слова и даже отдельные морфемы могут передаваться в написании оригинала.

Транслит у одних пользователей совершенно стихиен, когда одно и то же слово может передаваться по-разному на соседних строках, у других же доходит до достаточно стройных систем, иногда совпадающих с каким-либо стандартом транслитерации, а иногда индивидуальных. Неупорядоченность и неоднозначность транслита нередко создает проблемы при его чтении.

Особенности применяемой разновидности транслита могут служить своего рода идентификатором автора сообщения.

Существует четыре основных типа транслита [Википедия. Транслит]:

- 1. Транскрипция транслит, основанный на звучании букв. Близок к стандартным системам транскрипции букв наподобие ISO 9. Например, *Vikipediya*.
- 2. «Один символ одна буква». Наследники МТК-2 и КОИ-8. Алфавит расширяется спецсимволами типа @ и ^ для полной обратимости конвертации. Такой способ транслитерации труден и в наборе, и в расшифровке, поэтому используется крайне редко там, где обратимость важна. Например, Wikipediq (=Википедия).
- 3. «Геймерский язык» применяет буквы и комбинации букв, внешне похожие на соответствующие русские буквы, например ВиКипЕDu9I (=Википедия).. Название свое получил из-за того, что во многих компьютерных играх (даже в русифицированных) нет возможности использования кириллицы в никах (именах иг-

роков), и игроки часто пишут русские ники таким образом. Для более длинных сообщений геймерский язык малопригоден, так как сложен в наборе.

4. «Вульгарный транслит» представляет собой смесь геймерского языка и транскрипции, в которой осуществляется компромисс между простотой написания и удобочитаемостью, например *4ernuy* (=*черный*).

Транслит как явление (еще без названия) возник в докомпьютерные времена (подобным образом, например, с середины XIX века передавали русские тексты международным телеграфом), но особенно широко распространился в интернет-общении в связи с существовавшими (порой и существующими) проблемами отображения либо ввода русских букв — например, их может не быть на доступной в данный момент клавиатуре, о чем мы говорили выше применительно к мобильным телефонам.

Один из самых интересных приемов конвертирования латинских букв в кириллические является так называемая «лжекириллица» (фр. $faux\ Cyrillic$) — использование букв кириллицы вместо латинских, при этом значение букв не учитывается. В «лжекириллице» возможны замены R на H, H на H на H, H на H

В языках, алфавит которых происходит от латинского, нет букв, передающих на письме твердый и мягкий знаки. Для этой цели транслит приспособил кавычки и апостроф. Таким образом $\mathcal B$ можно заменить на ", а $\mathcal B$ — на ' :

• ja ne mogy ob"jasnit'

Иначе говоря, в транслитерации есть интересный нюанс: речь идет о написании иностранных слов при условии, что остальной текст «на русской латинице». То есть все буквы латинские, но язык русский, а в контекст вставлено иностранное слово:

• Ny, da*e ne Audi kone4no, kak mi privikli :)) Celyu, do vstr

Как можно заметить, в русских словах для обозначения Y используется Y, а для обозначения W-U, это написание явно привычно пользователю. В то время как название марки автомобиля, которое звучит по-русски [ауди], сохраняет свое оригинальное

написание — «Audi», а не «Aydi», как должно было бы быть по правилам транслита.

Как и в чатах, в смс-сообщениях может использоваться замена буквы u на цифру d, реже — замена u на d, причем как в кириллице, так и в латинице:

• С днем рождения! Лу4ших приклю4ений и до новых встре4!

Надо отметить, что технически подобное оформление сложнее, чем обычное буквенное написание, и поэтому его использование продиктовано не техническим удобством, а следованием традиции использования подобных написаний в письменной РР.

В дальнейшем для анализа мы будем использовать сообщения, использующие кириллический шрифт.

Необходимо отметить, что в телефоне непросто дается переключение шрифта с кириллицы на латиницу, поэтому для смссообщений характерна шрифтовая однородность. Многие принятые в молодежном жаргоне английские слова записываются русскими буквами (например, *плиз*), а англоязычные сокращения русифицируются и лексикализуются, например:

- *ИМХО* от английского *IMHO* (*in my humble opinion* 'по моему скромному мнению');
 - $\Pi.C.$, $\Pi b i C b i$ от P.S.;
- 3bI от того же P.S., только буквы заменены на русские аналогично тому, как они взаимозаменяются на русско-латинской клавиатуре компьютера: P=3, S=bI;
 - ЛОЛ от английского LOL (Laughing out loud 'хохотать').

3.2.2.2. Коммуникативная значимость ненормативного с точки зрения КЛЯ использования шрифтов

Мы уже отмечали в предыдущей главе, что невербальные (жесты, мимика, позы и т.п.) и паравербальные (тон, тембр, скорость, паузы в речи) средства устной коммуникации являются чрезвычайно важным параметром устной РР и что нехватка этих средств при непринужденном письменном общении нуждается в средствах компенсации, и они в значительной степени разработаны.

Язык смс-сообщений активно использует все приемы компрессии и компенсации отсутствия аудиально-визуального кон-

такта, разработанные в интернет-языке, развивая как стандартные и общепринятые, так и индивидуальные компрессивно-компенсаторные средства. Кроме того, особенности телефона как носителя текста породили собственные приемы, неведомые письменным разговорным интернет-жанрам.

Как и в чатах, на клавиатуре телефона сложно создать курсив и полужирный шрифт, так что в ассортименте графических средств остаются строчные и прописные буквы, пробелы, знаки препинания и специальные иконки, вносимые в готовом виде.

Прописные буквы в целом используются в тех же функциях, что и в чатах. Это, во-первых, выделение особо значимых слов, смыслового центра высказывания:

- Всё будет ХОРОШО. Слышишь, ВСЁ
- Ни золота, ни королевской власти, ни тех чудес, что выдумал народ, а ПРОСТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЧАСТЬЯ желаю я вам в этот Новый год!

На подобном выделении может строиться языковая игра:

• Рубашка очень хорошая! Не просто белая, а БЕ-ЛАЯ/

Выделение последнего слова капсом (от англ. *Caps Lock*) постулирует особые, выдающиеся качества рубашки, выделяющие ее из ряда других.

Часто именно это слово должно произноситься эмоционально и громко, что обычно сопровождается постановкой нескольких восклицательных знаков:

- У нас у ВСЕХ боковушки. Это УЖАСНО!!!
- При этом написание заглавной буквы в начале предложения далеко не обязательно:
- Привет!с прошедшим днем рождения!желаю исполнения всех замыслов, надежд и мечтаний

Как и в чатах, прописные буквы и кавычки часто не употребляются вовсе:

- встретила алену. сидим в муму, я взяла салат, до дома доживу
- я купил велосипед. еду по воробьевым горам и кайфую:-)

Более того, чаще всего использование прописных букв практикуется лишь в режиме программы Т9, которая автоматически меняет строчную букву на прописную после знака конца предложения и пробела. При отключенном режиме Т9 употребление заглавной буквы осуществляется при переключении клавиатуры, поэтому отсутствие заглавных букв вполне естественно и коммуникативно незначимо, а их использование, наоборот, маркировано, так как требует специальных усилий.

3.2.3. Приемы компрессии, используемые для экономии места и в прагматических целях

Ограниченность сообщения в объеме знаков может приводить к повышенному вниманию к пробелам. Отсутствие пробела между предложениями и частями предложения, обособленными выделяющими знаками препинания, является обычным делом. Более того, при необходимости сэкономить пространство возможно отсутствие пробелов между соседними словами, но в этом случае слова пишутся каждое с прописной буквы, например:

• ДайСтатьМне лирой,как осенний лес,и поутру ронять свой лист спросонья

Впрочем, многие пользователи предпочитают экономить на знаках препинания, например:

- Спасибо только что от Яны завтра она мне всё покажет
 - Ура это нужно отметить приезжайте завтра

Экономия места приводит и к редуцированию универсальных для всех форм письменной РР смайликов — иконических значков, обозначающих эмоции адресанта. Вместо значка :-), означающего улыбку, в 99 случаях из 100 будет :) или), а вместо знака огорчения :-(будет :(или (.

При этом, в отличие от чатов, сильная радость или огорчение обозначается обычно не десятком, а двумя, максимум тремя скобками. Смайлики можно внести в текст из особого списка как готовые единицы, однако такой прием не слишком распространен: готовый смайлик :-) «съедает» три знака, в то время как скобка — только один. Правда, объемом можно пожертвовать ради выразительности, особенно в случае если телефон поддержи-

вает функцию анимационных смайликов, двигающихся и подмигивающих.

Смайлик служит заменой целому предложению или словосочетанию и освоен даже далеко не молодыми пользователями смсуслуг. Так, мною было получено такое письмо от 72-летней женшины:

• День добрый! Как вы? У нас :-D!

Смайлики практикуются в смс-общении настолько часто, что их легко можно встретить и в письмах не самым близким людям. Так, мне неоднократно случалось получать сообщения от моих студентов о том, что они заболели и не придут или что-либо не успели сделать, сопровождаемые смайликами, призванными «смягчить» ситуацию, изобразить улыбку извинения:

- Я простудилась ночью... Извините, не смогу сегодня быть :(
 - Хорошо :) спасибо

Впрочем, подчиненные (в моем случае – ученики) чаще присылают сообщения, оформленные по всем правилам КЛЯ:

• Елена Ивановна, мои данные: Башмакова Анастасия Владимировна, 5 курс, 6 англ. группа.

В целях компрессии в качестве отдельных высказываний или их компонентов в смсках еще более активно, чем в чатах, используются знаки препинания и даже математические символы. Для выражения недоумения можно послать один вопросительный знак, посланная в отдельном сообщении точка означает конец данного сеанса переписки, а плюс может выражать согласие или одобрение — в зависимости от контекста.

При этом наиболее частотно использование вопросительного и восклицательного знака как замены целого высказывания — недоумения или восторга. Как и в чатах, бывает, что содержательная сторона коммуникации редуцируется до минимума, и коммуникация начинает представлять собой лишь обмен прагматическими интенциями.

Как несложно догадаться, аббревиатуры и сокращения вообще характерны для языка смс-сообщений. Общий принцип сокращений такой же, как и в чатах (отсутствие при сокращении точек и косых черт), но общее их число увеличивается. При этом многие

слова сокращаются до согласных или до сочетаний с их преобладанием, например:

- Вечером буду в Мскв
- Пжста, пришли срочно ее тел
- Спс, что помнишь)
- сп.ночи.
- Не хочешь по моб. поговорить?

Стандартными являются сокращения $H\Gamma$ (Новый год), $\mathcal{I}P$ (день рождения), $n \mathcal{H}$ (пожалуйста) и другие:

• Ленка, пздр вас всех с НГ!

Написания типа ваще, тыща, щас, ща, как и в чатах, чрезвычайно распространены, тем более что они не только маркируют разговорность, но и сокращают текст в знаках и по времени ввода:

Распространенным является и отсутствие мягкого знака после непарных согласных:

• Cnuu?

3.2.4. Параметры связности и линейности текста смссообшения.

Поскольку основным объектом нашего исследования в данной главе является личная неформальная смс-переписка, мы будем в основном говорить о смс-коммуникации в «малых социальных группах» (коммуникация в малых социальных группах в последнее время вызывает у лингвистов живейший интерес – см., напр., [Занадворова 2003], [Байкулова 2009]).

К малым социальным группам относятся семья или другой круг ближнего общения (дружеского или приятельского). А.Н. Байкулова предлагает различать семейное общение, общение родственников и дружеское общение как неоднородные разновидности повседневного общения [Байкулова 2009: 109], и в этом мы с ней, безусловно, согласны, однако проводить резкой границы и описывать отдельно каждый вид такого общения мы не булем.

Одной из основополагающих характеристик личной неофициальной РР является наличие у ее участников в каждой из малых социальных групп общей апперцепционной базы и ряда преце-

дентных феноменов (причем у разных групп, в которые входит один и тот же человек, эти базы разные). Это обуславливает свойственную РР в любой ее форме высокую конситуативность (опору на внеязыковую ситуацию и общие фоновые знания собеседников) и, как следствие, формальный и смысловой синкретизм высказываний.

Однако у смс-переписки есть и особые, не свойственные ни устной PP, ни другим формам письменной PP текстовые признаки.

В отличие от чата (и тем более от устной РР), смс-сообщение часто содержит не один, а несколько вопросов, поскольку их объединение позволяется сэкономить время и деньги на пересылке. Поэтому ответное сообщение также часто представляет собой последовательность ответов на разные вопросы, смысловая связь которых в пределах сообщения, взятого изолированно от инициального, прослеживается с трудом, например:

- Хорошо. Ничего не делаю. Буду спаать..
- В 5. Купила.
- Ox! 89263547688

Как и в чатах, смс-коммуникация построена по принципу обратной прерывистой линейности: сверху в папке «Принятые» находятся не первые, а последние сообщения, причем чем раньше смска получена, тем ниже она располагается, а в случае переполнения памяти телефона (это часто случается у старых моделей) наиболее ранние сообщения автоматически уничтожаются.

Как мы понимаем, такая дискретность переписки создает определенные сложности. Так, длинное высказывание может не помещаться в одно смс-сообщение, и в этом случае возникает серия смсок, которые пересылаются по отдельности, причем иногда с интервалом, необходимым для набора продолжения сообщения. В этом случае можно сначала получить ответное письмо адресата на первую часть сообщения, и только потом адресат получит продолжение текста адресанта. В этом смысле структура коммуникации очень напоминает устную РР: собеседники как бы перебивают друг друга, реагируя не на все сообщение, а на его часть.

Однако такая прерывистость смс-общения создает ощутимые неудобства, и в новых моделях сотовых телефонов встроена сле-

дующая функция: если смс-сообщение превышает допустимый для однократной пересылки объем, смс-сообщение автоматически переводится в разряд ммс-сообщений, способных передавать гораздо больший объем информации (в том числе не только текстовой).

Сама необходимость «скакать» в меню телефона от папки «Входящие» к папке «Отправленные», чтобы восстановить в подробностях содержание смс-диалога, тоже осознано как затрудняющее коммуникацию, поэтому современные модели телефонов приобрели особую функцию: вся переписка с конкретным человеком собирается в одном месте под его именем, и в этом тексте объединяются как полученные, так и отправленные сообщения, т.е. текст приобретает формальную структуру диалога, аналогичную пьесе или чату. В современных моделях телефонов эта функция даже обозначается в меню как «Сеансы чата». Таким образом, смс-переписка с формальной точки зрения все больше приближается к форме чата, рассмотренной нами в предыдущей главе.

3.3. ВСТРОЕННЫЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО УНИФИКАЦИИ

Особенностью смс-коммуникации является наличие в телефоне особой функции — встроенного словаря (например, словаря Т9). Разработанная компанией Tegic Communication более чем для 50 языков мира, услуга встроенного словаря в русской версии появилась в 2002 году и сразу заняла прочные позиции.

Словарь позволяет нажимать клавишу телефона, на каждой из которых «висят» по 4 русских буквы, нажимать не несколько, а один раз, в результате чего словарь предлагает варианты слов по мере убывания их частотности. Конечно, пользователи тем самым попадают в зависимость от составителей словаря и их представлений о нашем активном словарном запасе, поэтому многие отказываются от этой услуги, несмотря на то что любым словам можно свой телефон «научить», добавляя нужную лексику в словарь. Словарь сильно ограничивает пользователя в приемах языковой игры. Так, например, набрать слово встре4а в этом словаре можно, только применив специальное ухищрение. Тем не менее

больше половины пользователей используют услугу Т9 для экономии времени ввода текста.

Выбор лексики, заложенной составителями в Т9, представляет особый интерес. Так, словарь «знает» слово *респект* — характерное для молодежной разговорной речи слово, но, само собой, не владеет словом *компаративистика*. Впрочем, составители предлагают особую услугу — загрузку в Т9 профессиональной лексики по выбору пользователя.

В связи с Т9 необходимо отметить следующее: в нем изначально заложены некоторые слова типа *ща, щас, ваще, грит, тыща*. Как мы уже отмечали, именно эти слова и именно в таком написании, отражающем их особое интонирование, Л.А. Капанадзе употребляет в своих записях звучащей речи [Капанадзе 2005: 89-90], именно эти слова и именно так отображаются и в чате, и в «языке падонков». Это безусловное свидетельство того, что подобное написание является узуальной нормой, принятой наряду с традиционным написанием в смс-общении. Тем не менее именно словарь Т9 сокращает использование «языка падоков» в смс-языке по сравнению со многими жанрами интернетобшения.

Наконец, Т9 формирует особые условия дешифровки неверно написанного слова. Например, опытным путем можно определить, что при написании слова *привет*, которое является одним из самых распространенных в SMS-сообщениях, когда человек набирает пятую букву слова е, телефон предлагает слово *отказ*, а не *приве*. Если не набрать последнюю букву, в сообщении так и останется слово *отказ* и текст получится бессмысленным: вместо «Привет, я уже еду» получится «Отказ, я уже еду». Однако человек, который пользуется Т9, может с легкостью декодировать слово *отказ*, так как, набирая сообщение с помощью Т9, он регулярно видит последовательно предлагаемые слова. Поэтому адресат поймет, какие слова имелись в виду на самом деле даже в случае подобной «опечатки». При этом человек, не привыкший пользоваться режимом Т9, декодировать текст не сможет.

В случае же неиспользования функции Т9 «промахивание» мимо клавиши и набор одной буквы вместо другой, находящейся

на этой же клавише, вызывает спокойную реакцию и обычно не требует корректирующей смски «вдогонку»:

• Как думаншь, я хочу экскурсию ао дольменам?

3.4. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СМС-КОММУНИКАЦИИ

Как и в любой PP, в смс-общении принята языковая игра. Причем, как обычно, чем выше коммуникативная компетенция собеседников, там чаще ими допускаются сознательные отклонения от норм КЛЯ.

Языковая смс-игра может быть самой разнообразной: это и каламбуры, и окказиональное словообразование, и ненормативные словоформы, и просто метафорически яркие фигуры речи, например:

- Молодцы, так держать! Особенно крепко держать Васю
- Вышел от спинных дел мастеров. Сегодня со вкусом трудились пиявки штука неспешная (=Вышел из клиники по коррекции проблем с позвоночником. Сегодня в качестве процедуры были пиявки. Эта процедура занимает много времени.)

Описанный выше словарь Т9 существенно усложняет языковую смс-игру на уровне употребления окказионального словообразования. Опытный пользователь Т9 почти автоматически прикидывает, возникнут ли у него сложности с набором того или иного слова и иногда для скорости набора отказывается от редкого или окказионального, но выразительного слова в пользу более употребительного и нейтрального. Тем не менее эмоциональная и интеллектуальная составляющая языковой игры часто перевешивает технические проблемы, и адресат получает яркие и неформальные сообщения.

Из собственно письменных приемов языковой игры в смс-переписке наиболее популярны следующие:

- 1) использование смайликов в неинформативной функции, для развлечения, в том числе создание смайликов, которые невозможно набить на клавиатуре компьютера;
- 2) использование избыточной компрессии для создания смскиребуса:
 - *Пршвк, трбк н брт.* (=Паршивка, трубку не берет)

- 3) использование «языка падонков» или другое отражение особенностей устной PP, возможное только при отключении функции Т9:
 - Када будиш? (=Когда будешь?)
 - дила намана (=Дела нормально.)
 - *От умная!* (=Вот умная!)
 - Купил ток черную (=Купил только черную.)
 - 4) использование 4 вместо u или b вместо u:
 - Tebe sro4no? U menja specsem
- 5) рисунки из буквенных и небуквенных символов, например «елка» или «денежная крыса» (такие рисунки очень сложны в исполнении, обычно кем-то специально создаются под праздники и пересылаются смс-пользователями друг другу).
- М.Ю. Сидорова справедливо отмечает, что «в жертву желанию поиграть со словом может приноситься даже компрессия» [Сидорова 2007: 178].

Приведу несколько примеров из личной переписки:

- Медленно и вдумчиво играем в мафию. Мееедленно и вдумчиво.
- Всем привет! Безмерно горжусь примерными беспримерными дочками!
- Только было вздремнулось, как тут как тут (хорошо каки и туты нагромоздились?) звонит Лукинична.
- Это весть из первоисточника, а не из какого-то там источника.
- Завтра 459-я годовщина казни Томаса Сеймура, родного дяди Эдуарда 6-го, третьего мужа 6-й жены Генриха 8 Екатерины Парр и неудачливого ухажера Елизаветы, на тот момент принцессы. Интересно, кто-нибудь об этом помнит? (сообщение получено без всякой связи с предыдущим и последующим контекстом сеанса переписки)
- Ой! Ну тады до скорого! ..да не поезда!! (ответ в завершение сеанса переписки).

3.5. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ СМС-ОБЩЕНИЯ

Хотя объектом нашего рассмотрения является неформальное смс-общение, скажем несколько слов о правилах речевого этике-

та в рассылочных сообщениях нейтрального и публицистического стиля. Как уже было сказано, пользователь сотового телефона получает много информирующих сообщений: о распродажах и акциях, о поступлении нового товара и доступности новой услуги, о состоянии банковского счета и пополнении счета на самом сотовом телефоне и т.д. В оформлении такого рода рассылок не существует единого стандарта речевого этикета. Сообщение может начинаться сразу с информирующей части:

- Новинка в Л'Этуаль с 1 октября коллекция ароматов D&G!
 - Внимание: истекает срок действия скидки.
 - 30.09 Скидка всем и на всё 35%!

Иногда компания-отправитель использует обращения типа «уважаемые покупатели» или «уважаемый пользователь», но даже при наличии обращения общей закономерностью является отсутствие этикетных формул прощания. Таким образом, официальное неперсонифицированное общение достаточно обезличенно.

Если официальное сообщение адресно, то в нем принято общение на «вы»:

• В День Рождения и до 17.07 для Вас скидка 25% (без ограничений).

Тем не менее в последнее время наметилась тенденция интимизации и деформализации компанией-отправителем даже информирующих сообщений, например:

• Поступил платеж 1000 р. Желаем хорошего дня! MTC

Значительно более разнообразно и интересно устроено персонифицированное (личное) неформальное смс-общение.

Если смс-сообщение предназначено человеку, с которым отправителя не связывают неофициальные личные отношения, то письмо обычно начинается с обращения, но часто без приветствия, поскольку оно может быть прочитано не в то же время суток, в которое оно отправлено; если приветствие появляется, то это скорее «здравствуйте», а не «добрый день» или «добрый вечер». Однако принятые для некоторых интернет-жанров приветствия типа «доброго времени суток» использовать не принято.

Принципиально иначе устроена смс-коммуникация в малых социальных группах: речевой этикет смс-общения в них, с одной стороны, опирается на принятые в этом коллективе устные этикетные формулы PP, а с другой стороны, отличается от них.

Так, люди, живущие в одной квартире, видевшиеся с утра и пожелавшие друг другу доброго утра (если это вообще принято в данной семье) в смсках уже не используют обычно формул приветствия. В то же время члены одной семьи, временно находящиеся в разных домах (регионах, странах и т.д.) обычно в первом сообщении каждого нового дня здороваются и спрашивают друг друга о самочувствии. Аналогично поступают друзья или приятели, которые в этот день еще не виделись или не разговаривали по телефону.

В отличие от телефонного разговора, «бумажного письма» и даже чата, в личном смс-общении нет необходимости представляться, поскольку имя адресанта — близкого человека высвечивается в телефоне автоматически, если его номер телефона занесен в электронную записную книжку. Если же адресант не уверен, что вместо номера телефона экран высветил его имя (т.е. не уверен в том, что его телефон занесен в автоматическую телефонную книгу адресата), то он в конце или в начале сообщения обычно ставит свое имя.

Что же касается прощания, то формула «пока» или «спокойной ночи» чаще всего будет означать окончание переписки на текущий день, т.е. является знаком того, что адресат сегодня больше отвечать не будет (например, ложится спать). В конце смссообщения возможны этикетные слова «целую» и «чмок», вовсе не являющиеся знаком интимных отношений. Эти слова могут стать и источником языковой игры:

• Чмок, вернее, целую. ЦЕЛУЮ!

В личном смс-общении есть этикетное правило не оставлять без ответа полученную смску даже в том случае, если она носит исключительно информирующий характер и не содержит никакого вопроса. В этом случае (а также при отсутствии у адресата времени на ответ) можно получить ответное сообщение, состоящее из одного слова: «угу», или «ок», или «ох», или «супер», или «чмок», или даже из одного смайлика.

Если переписка более или менее интенсивно ведется в течение одного дня, неинициальная и неконечная смска может представлять собой отдельную реплику, словно бы вырванную из разговора, даже если после предыдущего сообщения прошло много времени, например:

- ...и еще тут ВСЕГДА хочется спать (сообщение отправлено через 2 часа после предыдущего)
- менгиры еще (сообщение отправлено через 40 минут после предыдущего).

Особый интерес представляет такая форма смс-коммуникации, как некорпоративная рассылка: часто адресант пишет кому-либо о своих делах или планах, а потом посылает эту же смску нескольким друзьям, чтобы сэкономить время на наборе. Иногда смска сознательно создается как рассылка. Обычно такое письмо можно отличить от личного письма по несколько обобщенной и отстраненной структуре текста. Но сама идея рассылки среди членов малой социальной группы часто расценивается как не вполне этичная, поэтому в некоторых группах создаются специальные речевые сигналы — маркеры рассылки, иногда игровые, например:

• Договорились начать процедуры в четверг. Гуляю до метро. Ты не представляещь себе, Катька / Ленка, какой тут кайф!

Таким образом, смс-коммуникация представляет собой неоднородное явление, но неофициальная персонифицированная смспереписка безусловно должна быть отнесена к формам письменной PP.

ГЛАВА IV.

«ЯЗЫК ПАДОНКОВ» КАК ЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВОЙ СУБКУЛЬТУРЫ И КАК ПИСЬМЕННАЯ ФОРМА РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

4.1. «ЯЗЫК ПАДОНКОВ» КАК ЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Объектом исследования в данной главе является феномен, имеющий множество названий: «антиорфография» [Дедова 2007], «новограф» [Мокробородова 2006], «язык аффтараф», «олбанский язык» и даже шокирующее название «язык падонков»; последние три наименования являются самоназваниями. Больше всего данный феномен известен под самоназванием «язык падонков», поэтому мы будем обозначать его аббревиатурой ЯП.

ЯП возник во второй половине 90-х гг. XX века как явление речевой контркультуры: в «Манифезде антиграматнасти» (www.Fuck.ru) было заявлено, что «настаящее исскувство новава тысичулетия — это то что ни можыт делать кампютыр, а можыт делать тока чилавек».

ЯП — явление авторское: у его истоков стоят два человека — Руслан Паушу (Гоблин Гага) и Дмитрий Соколовский (Удав), оба с высшим образованием, т.е., по определению Е.А. Земской, носители КЛЯ. Руслан Паушу вел в ЖЖ (Живом Журнале) блог, но в блоггинге разочаровался и архив ЖЖ уничтожил. Когда в среде падонков произошел раскол, основным сайтом стал Udaff.com, созданный Д. Соколовским (Удавом). В 2008 году Д. Соколовский опубликовал книгу «Библия падонков, или Учебнег Албанского языка», изданную в «Фолио-СП» тиражом 5000 экземпляров.

ЯП быстро, уже во второй половине 90-х годов, распространился в Рунете, особенно с появлением в блогов (сетевых журналов), в которых «падонки» оставляли свои «каменты» (комментарии), причем нарочитая нецензурность и цинизм отступили, отчего область употребления ЯП значительно расширилась.

ЯП постепенно вышел из виртуальной жизни на реальную. Все чаще его можно встретить в рекламе и на витринах магази-

нов, наблюдается влияние этого языка на СМИ. «Разговорная стихия всегда была одним из основных ресурсов лексического пополнения литературного языка, в том числе и в его письменной форме. Новизна сегодняшней ситуации состоит в том, что в язык СМИ проникают графические отображения слов и фразеологизированных сочетаний из новоявленного письменного разговорного источника — новографа. Своеобразие ситуации ещё и в том, что немалая доля текстов на новографе — это любительские литературные тексты, так называемые креатиф(ф)ы» [Мокробородова 2006: 41-42].

Выйдя за рамки исходных сетевых ресурсов, ЯП породил набор слов и выражений, получивших широчайшее распространение не только в различных жанрах сетевого языка, но и вне него (наиболее частыми являются аффтар жжот, йа криветко, кросавчег, ацикий сотона, ф толку и др.). Интернет-издание Lenta.ru сообщало, что 23 февраля 2006 года активисты СПС пришла к зданию Главного военного комиссариата с лозунгами «Иванов, превед!» и «Ф ацитафку, ацикий сотона!»

Лексика в стиле «превед» предполагает прежде всего «декоративную обработку слова» [Лутовинова 2007: 395]. Начался «новый этап в развитии антиорфографии, когда деформированный графический облик слова продуцировал появление лексического неологизма» [Дедова 2007: 343].

Отдельные выражения ЯП можно встретить сегодня не только в рекламе, СМИ, но даже и в художественной литературе: «Лапа, – невнятно пробормотал волк, снова принимаясь зализываться. – Афтомат жжот» (Лукьяненко С. Последний дозор). Как мы понимаем, будучи написанным в орфографии КЛЯ, это выражение может быть не опознано читателем как одна из идиом ЯП, в данном же написании оно маркирует социокультурный статус персонажа – юной девушки-оборотня.

Стихийное распространение ЯП в русскоязычном Интернете отразилось и на украинских сайтах. Но, как оказалось, ЯП украинских аналогов не имеет. В то же время в Интернете размещен русско-украинский «падонковский» словарь, но он скорее носит шуточную форму употребления.

Неоднозначны выводы о влиянии ЯП на грамотность носите-

лей русского языка. Многие считают, что «никаких опасений этот жанр, как и другие, вызывать не должен» [Лутовинова 2007: 395]. «Несет ли какую-либо угрозу это явление для современной русской орфографии и — шире — для русского языка? Думаю, ответ должен быть отрицательным. Создание текстов на новографе предполагает довольно хорошее владение орфографической нормой. «Падонки» — отнюдь не самые необразованные члены русскоязычного сообщества. Более того, они проявляют своеобразное языковое чутье, склонность к вербальной игре. И пока ещё форумы Интернета не стали тем местом, где молодые люди получают знания о русском правописании (а это, несомненно, так), то нет и опасности размывания орфографической нормы с этой стороны» [Мокробородова 2006: 42]. С этой точки зрения данный новояз — всего лишь альтернативный тип дискурса.

Другие лингвисты видят в ЯП угрозу преимущественно для тех, кто не владеет нормой русского литературного языка. «Как любая языковая игра, новограф требует от его создателей хорошего владения нормами литературного языка и не представляет опасности для человека со сформированной языковой компетенцией, однако не так безобиден в отношении тех, чья компетенция только формируется» [Литневская 2007: 394]. «Антиорфография как социальный и коммуникативный феномен таит в себе опасность непредсказуемых последствий, поскольку с неизбежностью влияет на массовые представления о норме» [Дедова 2007: 343].

Все лингвисты сходятся во мнении о важности владения нормой для правильного понимания и общения на ЯП. «Жанр креатиффа представляет собой целенаправленное искажение речи по определенным, хотя и неписаным правилам, а не произвольный набор ошибок, как это может показаться человеку, не искушенному общением в сети. Это специфический жанр, владению которым следует учиться, как и владению любым другим жанром, если человек хочет поддерживать коммуникацию в данном жанре» [Лутовинова 2007: 395]. «Сегодня антиорфография является не более чем преднамеренной игрой в неграмотность, очередной интернет-забавой, смысл которой может быть адекватно воспринят только при условии владения нормой» [Дедова 2007: 343].

Значительно более радикально настроены против ЯП сами но-

сители молодежной языковой культуры. На заглавной странице интернет-дневника такого пользователя будет висеть придуманная и оформленная Юрием Ткаченко из Симферополя фраза «Умею говорить по-русски!». Сторонники этой точки зрения считают, что ЯП разлагает русский язык, отучая тинейджеров говорить и думать по-русски: «Падокаффский йазыг пригоден исключительно для коротких, метких высказываний (аффтар, выпей йаду), восклицаний (первый нах!), а лучше наименований» [http://www.ergeal.ru/blog2/1228.htm].

Таким образом, на сегодняшний день ЯП вышел за пределы Интернета и превратился из явления маргинальной контркультуры в явление письменной речевой субкультуры, т.е. из оппозиционного и намеренно противопоставленного литературному языку феномена в явление, сопоставленное с ним и формирующее узуальные нормы своего бытования.

Для анализа нами были обработаны пять интернет-ресурсов (адреса см. в списке литературы) и проанализированы тексты общим объемом 12 000 знаков, примерно по 2000–3000 знаков каждый. В качестве иллюстраций были привлечены некоторые примеры употребления ЯП с сайтов, для которых использование ЯП нехарактерно.

4.2. «ЯЗЫК ПАДОНКОВ» КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В основе ЯП лежит языковая игра. ЯП построен на сознательном нарушении графико-орфографических норм КЛЯ, так что ЯП – это графико-орфографическая языковая игра. «Сам факт попытки создания если не своего языка, то особой формы бытования литературного языка, несомненно, говорит о творческой деятельности. Сознательная игра языком, нарушение канонов орфографии, морфологии являются неотъемлемой частью этого феномена» [Штифель 2010: 793].

Определим основные понятия в области графики и орфографии.

Графика устанавливает возможности письма, служащие для передачи отдельных звуков и их сочетаний. Это совокупность начертательных средств того или иного письма, которая включа-

ет не только буквы, но и знаки препинания, ударения, дефис, апостроф, знак параграфа, пробелы, а также различные шрифтовые выделения (жирный шрифт, курсив, подчеркивания). Графика устанавливает определенные соответствия между звуками и буквами. Правила графики всеобщи. Так, например, согласно особенностям русской графики, мягкость (равно как и твердость) парного согласного обозначается на письме последующей гласной буквой (мал – мял).

Орфография описывает систему правил единообразного написания слов и их форм. Центральным понятием орфографии является орфограмма — написание, регулируемое орфографическим правилом или устанавливаемое в словарном порядке, то есть написание слова, которое выбирается из ряда возможных с точки зрения законов графики.

Орфография, как уже было сказано, состоит из пяти разделов:

- 1) написание значимых частей слова (морфем) корней, приставок, суффиксов, окончаний, то есть обозначение буквами звукового состава слов там, где это не определено графикой;
 - 2) слитное, раздельное и дефисное написание слов и их форм;
 - 3) употребление прописных и строчных букв;
 - 4) правила переноса;
 - 5) правила графических сокращений слов.

4.2.1. Буквенное оформление морфем в «языке падонков»

Правописание морфем в КЛЯ регулируется в русском языке тремя принципами: 1) фонематическим (другие названия — фонемный, морфофонемный, морфофонематический, морфологический), 2) традиционным, 3) фонетическим.

Фонематический принцип является ведущим и регулирует более 90% всех написаний. Его суть состоит в том, что на письме не отражаются фонетически позиционные изменения — редукция гласных, оглушение, озвончение, смягчение согласных. Гласные при этом пишутся так, как под ударением, а согласные — как в сильной позиции, например позиции перед гласным (частота — часто, лодка — лодочка). В разных источниках этот основной принцип может иметь разное название — фонематический, морфематический, морфологический.

Традиционный принцип регулирует написание непроверяемых гласных и согласных (\underline{co} бака, \underline{an} mека), корней с чередованиями (\underline{cna} гать — \underline{cno} жить), дифференцирующих написаний (\underline{owe} — \underline{owo}), правописание гласных после шипящих и \underline{u} (\underline{uen} — \underline{uo} в, \underline{uup} — \underline{uun} пленок), разделительных знаков (\underline{en} едливый, \underline{en} нога), мягкого знака после непарных по твердости / мягкости согласных в грамматической функции (\underline{uow} — \underline{pow} ь).

Фонетический принцип орфографии заключается в том, что в отдельных группах морфем на письме может отражаться произношение, вызванное позиционными изменениями звуков. В русской орфографии этот принцип реализован в таких орфографических правилах, как правописание приставок, заканчивающихся на 3/c ($pa\underline{s}6umb - pa\underline{c}numb$), правописание гласной в приставке pos/pas/poc/pac ($pa\underline{c}nucahue - p\underline{o}cnucb$) и правописание корней, начинающихся на u, после приставок, заканчивающихся на согласный ($\underline{u}cmopus - nped\underline{u}cmopus$). Но даже в этих немногочисленных правилах фонетический принцип реализован непоследовательно, например: $pa\underline{c}uumb$ [рашы́т'], $p\underline{o}suckhoй$, $csepx\underline{u}hmepechum$.

В буквенном оформлении слов в ЯП лежит, как уже было сказано, идея нарушения орфографических норм при соблюдении норм графики. Возможны два приема реализации этой идеи: фонетическое письмо («как слышится, так и пишется») и гиперкоррекционное письмо.

Под фонетическим принципом ЯП понимают такой способ написания слова, когда запись отражает реальное произношение, то есть позиционные изменения гласных и согласных в потоке речи. Как известно, русский язык «акающий» и «икающий»: в безударных слогах после твердых согласных происходит нейтрализация гласных фонем в звукотипах a или b ([a], [ь]), после мягких — в u ([и], [ь]). Соответственно эти звуки обозначаются в ЯП буквами a (малако), b (жылметь) и u (сибя).

Гиперкоррекция происходит тогда, когда буквы не соответствуют написанию данного слова (например, $u_l - cu$), однако соответстуют законам графики русского языка. Так, безударный [а] может быть результатом нейтрализации фонем <a> и <o>, поэто-

му запись слова *сапог* как *сопог* не соответствует нормам орфографии, но не нарушает законов графики русского языка.

Однако текст, созданный на ЯП, все же должен быть понят адресатом, и это является причиной того, что абсолютно не совпадают с своей записью в КЛЯ только те слова, употребление которых в «антиорфографии» традиционно и составляет своего рода узуальную норму для ЯП (как, впрочем, и для других жанров интернет-общения и смс-коммуникации). Это, например, исчо вместо еще и некоторые другие слова. «Обычные» же слова для их правильной идентификации должны сохранять некоторое сходство с их записью в КЛЯ, поэтому часто фонетический и гиперкоррекционный принципы распространяются на слово лишь частично, например (здесь и далее примеры приведены в той форме, в которой они стоят в исследованных нами текстах ЯП):

- истествоиспытатели (естествоиспытатели),
- правело (правило),
- гороцкие (городские).

Общей закономерностью является искажение 1-2-3 букв при правильном написании остальных.

Возможность однозначной и достаточно быстрой интерпретации написания слова ЯП и его соотнесения с реальным словом языка поддерживается в ЯП и тем, что слово употреблено не изолированно, а в потоке речи и его идентификация поддержана контекстом

Рассмотрим графико-орфографические особенности буквенного оформления слов в ЯП в соответствии с основными группами орфограмм.

- С.В. Князев и С.К. Пожарицкая [Князев, Пожарицкая 2007: 347] выделяют в ЯП следующие типы нарушений орфографических норм современного русского литературного языка при соблюдении графических правил:
- 1) связанные со «слоговым» принципом обозначения $\langle j \rangle$ (например, $\check{u}a\partial y$) и написанием гласных после непарных по твердости/мягкости согласных: (*исчо*, *зачот*, *жжот*, *жывотное*, *аджог*, *сцылко* и т.п.), причем если после непарных твердых может быть использована любая буква, то после непарных мягких любая, кроме \mathfrak{b} и \mathfrak{b} ;

- 2) связанные с обозначением фонем в слабых позициях. Среди последних можно выделить следующие возможности:
- а) обозначение гласных в безударных слогах в начале слова, после гласных и твердых согласных, где возможна мена букв о и а: аффтар, падонкафф, сотона, ниасилил, сцуко, апстену, медалько, каммент, нипадеики, кросавчег, сцылко;
- б) написания, связанные с обозначением гласных в безударных слогах после мягких согласных, где теоретически возможна мена букв *и, е, я: превед, пеши, криатифф, исчо, сибя, ниасилил, кросавчег, пейсатель*;
- в) написания, связанные с обозначением согласных в слабых по глухости/звонкости позициях: *падонкафф*, *превед*, *кросавчег*, *участнег*, *аффтар*, *жжод*, *моск*, *криатифф*, *апстену*, *слиф*, *фсе*, *фтыкать*;
- г) написания, связанные с обозначением согласных в слабых по твердости/мягкости позициях,- таковые в исследованном нами материале полностью отсутствуют;
- д) написания, связанные с обозначением согласных в позициях, слабых по месту и способу образования: исчо, защиштан, пруцца, ацикий, нипадецики;
- е) написания, связанные с обозначением согласных в позициях, где нейтрализуются долгие и краткие согласные: *криатифф*, *аффтар*, *ацикий*;
- ж) написания, связанные с нулевыми реализациями фонем учаснег, исчо.

Взяв эту классификацию за основу, мы ее несколько модифицировали в нашей работе.

С использованием принципа «игры с буквой» может быть записан абсолютно любой текст. Такие тексты видятся нам источником ценной информации о наивных представлениях носителей языка о фонетических процессах и графической системе русского языка.

4.2.1.1. Обозначение фонемы <j>

 значение этих сочетаний фонем двумя буквами. Так, я обозначается как $\ddot{u}a$, $\dot{v}o$ — как $\ddot{u}y$, \ddot{e} — как $\ddot{u}o$, причем такое обозначение характерно для всех трех указанных выше позиций:

- \underline{u} паро \underline{u} ни4его не панима \underline{u} (я порою ничего не понимаю),
 - в майом сердце (в моем сердце),
 - *не зна<u>йа</u>* (не зная),
 - за<u>йа</u>длым (заядлым),
 - *таку<u>йу</u> агромну<u>йу</u>* (такую огромную),
 - $nолнасть \underline{\tilde{u}y}$ (полностью).

По аналогии с $\ddot{u}a$, $\ddot{u}y$ и $\ddot{u}o$ можно было ожидать обозначения e как \ddot{u} э, однако во всем массиве текстов оно не встретилось ни разу; стандартным обозначением e является $\ddot{u}e$:

- <u>йе</u>сли (если),
- <u>йе</u>зыг (язык),
- <u>йе</u>го (его),
- *вазника<u>йе</u>д* (возникает).

Наиболее вероятным объяснением этого феномена рефлексии над языком нам представляется особое положение буквы э, употребление которой редко и описано специальными орфографическими правилами:

- 1.В начале слов буква э пишется в соответствии с произношением: экипаж, экономика, эхо.
- 2. В середине слова после согласных пишется буква *е*, хотя нередко она не указывает на смягчение согласного: *денди, стенд, менеджер, гротеск*.

Исключения: *мэр, пэр, сэр, пленэр, рэкет* и производные от них (*мэрия, пэрство*), а также некоторые имена собственные: *Бэла, Улан-Удэ*.

Это правило не распространяется на правописание сложных слов (политэкономия, трехэтажный), аббревиатур (нэп); буква э сохраняется и после согласной в приставке (сэкономить, отэкзаменовать).

4. После остальных гласных в соответствии с произношением обычно пишется э, например: дуэль, дуэт, каноэ, маэстро, поэзия, силуэт (исключения: проект, проекция и некоторые другие).

Таким образом, преимущественное употребление в ЯП буквы е обусловлено тем, что в большом количестве слов (пюре, метрополитен и многие другие) буква е не обозначает мягкости предыдущего согласного и тем самым воспринимается как функциональный эквивалент э.

Интересно, что сочетания *йя*, *йю*, *йё* (первые два представлены и в нормативной орфографии – *Майя*, *паранойю*) практически не встречаются. Нам встретилось только 3 примера употребления сочетания *йю*:

- *свежу<u>йю</u>* (свежую),
- фсяку<u>йю</u> (всякую),
- *пластегову<u>йю</u>* (пластиковую).

Сочетания йя и йё не встретились ни разу.

Отдельная проблема связана с употреблением $\langle j \rangle$ перед безударным [и] в позиции между гласными (*синие*) и в начале слова (*его*). Здесь происходит ослабление данной фонемы вплоть до нулевой ее реализации (*в армии* – ср. *арми*[*j*]я).

В ЯП регулярно встречаются фонетически обусловленное обозначение выпадения [j]:

- *сагрецд* (согреет),
- \underline{u} $\underline{m}y$ (emy)
- выиснеть (выяснить),
- *нипанима<u>и</u>т* (не понимает),
- *працвление* (проявление),
- *изык* (язык).

Однако часто встречаются и написания с й:

- <u>йе</u>го (его),
- *вазника<u>йе</u>д* (возникает).

Один пример демонстрирует гиперкоррекционную вставку [j] перед [и]:

• предлаженийи (предложении).

4.2.1.2. Гласные после непарных по твердости/мягкости согласных ж, ш, ц, ч, щ

При написании гласного после непарных по твердости/мягкости согласных нет необходимости в дополнительном обозначении их твордости или мягкости, однако единообразия в оформлении такого рода сочетаний в КЛЯ нет: для одних сочетаний возможен только один вариант записи (жи, ши, ча, ща, чу, щу), другие же сочетания в зависимости от разных условий (расположение в определенной морфеме, определенной части речи, в основном правиле или исключениях из него) предполагают возможность различного написания: цирк и цыпленок, горячо и чёрт, общо и шётка и др.

В ЯП при оформлении подобных сочетаний можно выявить некоторые закономерности.

При написании *жи* и *ши* стандартна запись *жы* и *шы* в соответствии с реальным произношением гласного:

- *ниа<u>жы</u>дана* (неожиданно),
- <u>жы</u>зни (жизни),
- *страшылки* (страшилки),
- машыны (машины).

В написании же ча, ща, чу, щу часто встречается запись чя, щя, чю, шю:

- случяйно (случайно),
- чяй (чай),
- чяйнег (чайник),
- *т<u>щя</u>тельно* (тщательно),
- <u>чю</u>ствует (чувствует),
- <u>чю</u>до (чудо),
- <u>чю</u>ть (чуть).

Вероятно, такая избыточность вызвана осознанием носителями языка того факта, что обозначение мягкости согласных осуществляется йотированными гласными буквами; законы орфографии здесь нарушены, но законы графики соблюдены.

Обратная ситуация представлена в оформлении сочетания *щи* как *щы*:

• *в за<u>щы</u>ту* (в защиту).

По аналогии с *ча-ща* мягкость *щ* здесь не обозначена, но при этом гласный не соответствует реальному произношению.

В написании сочетаний, допускающих вариативность, обычно выбирается единообразное сочетание: *що* и *щё* обозначаются как *що*, *ци* и *цы* обозначаются как *цы*:

- и<u>що</u> (еще),
- *на<u>що</u>т* (насчет),
- щолкает (щелкает),
- *медицына* (медицина),
- *амби<u>цы</u>ями* (амбициями),
- риализацыю (реализацию).

4.2.1.3. Безударные гласные

В отражении безударных гласных последовательно используются два принципа — фонетический и гиперкоррекционный. При фонетическом принципе отображается качественная редукция и нейтрализация гласных, при гиперкоррекционном гласный отображается «чужой» буквой, соответствующей фонеме, которая в безударном положении дает ту же реализацию. Для анализа нами выбраны три позиции: 1) начало слова, 2) после твердых согласных, 3) после мягких согласных.

В начале фонетического слова в РЯ возможны следующие безударные гласные: [а] (*огурец*), [у] (*утюг*), [и] (*имбирь*, *экран*, *его* — с нулевой реализацией $\leq j \geq :$). По причине однозначности примеры с y не рассматриваются.

Нейтрализация <а> и <о> стандартно обозначается как a:

- апределенно (определенно),
- абидна (обидно),
- <u>а</u>громнуйу (огромную),
- <u>а</u>бизьяну (обезьяну),
- <u>а</u>твет (ответ),
- <u>а</u>пщаиццо (общается).

Случаи гиперкоррекции (о вместо а) не отмечены.

Нейтрализация <и> и <э> обозначается как u, в том числе с фиксацией нулевой реализации <ј>:

- <u>u</u>*му* (ему),
- *иво* (его),

- *изык* (язык),
- <u>и</u>щщо (еще).

В этой зоне часто встречаются примеры гиперкоррекции в замене начального u на e:

- <u>е</u>грал (играл),
- <u>е</u>люзею (иллюзию),
- езображал (изображал).

После твердых согласных в безударной позиции в КЛЯ представлены звуки [а] ($M\underline{o}\ddot{e}$), [ы] ($M\underline{o}\ddot{e}$), [ь] ($M\underline{o}\ddot{e}$), [ы] ($M\underline{o}\ddot{e}$

Нейтрализация <а> и <о> стандартно обозначается как a:

- *первава* (первого),
- гарадской (городской),
- *некта* (некто).

Однако представлены и случаи гиперкоррекции:

- м<u>о</u>шина (машина),
- *роскозала* (рассказала),
- з<u>о</u>жегалку (зажигалку),
- слышоли (слышали).

Причем узуальной нормой является гиперкоррекция в обозначении $\langle a \rangle$ через o в возвратном постфиксе -cs:

- заблудицио (заблудиться),
- *тварицио* (твориться),
- случищо (случится).

Встретились нам и такие гиперкоррекционные обозначения:

- крысэ забегали (крысы забегали),
- *бартыр* (бартыр).

Нейтрализация <a> <o> и <э> после \mathcal{H} , \mathcal{U} , \mathcal{U} часто обозначается как \mathcal{U} :

- шысти (шести),
- *зац<u>ы</u>пиле* (зацепили),
- *мож<u>ы</u>д* (может).

После мягких согласных в безударной позиции в КЛЯ представлена нейтрализация фонем в [и] (питейный, певец, пятак, чернеть) или [ь] (певуны, пятачок, черноватый).

В соответствии с фонетическим принципом эта нейтрализация достаточно часто отображается в u как в предударной, так и в заударной позиции; при этом может фиксироваться нулевая реализация $\langle i \rangle$:

- *житель* (житель),
- працвление (проявление),
- *называ<u>и</u>т* (называет),
- *м<u>и</u>тро* (метро),
- *пр<u>и</u>маугольнек* (прямоугольник),
- *ч<u>и</u>соф* (часов),
- *с<u>и</u>водньа* (сегодня).

При этом $\langle a \rangle$ обозначается через u реже, чем другие фонемы. Для этой зоны характерна гиперкоррекционная запись, причем [и] регулярно обозначается как e, но нам не встретилось ни одного примера с g:

- зап<u>е</u>сь (запись),
- $\kappa \underline{e} \partial am b$ (кидать),
- *люд<u>е</u>* (люди),
- *доп<u>е</u>нгав* (допингов),
- пабродем (побродим),
- нагаме (ногами),
- учинеки (ученики).

Как мы видим, регулярно фонетическая и гиперкоррекционная запись соседствуют в одном слове (учинеки), если это позволяет применить идею «антиорфографии».

4.2.1.4. Парные согласные в слабых по глухости/звонкости позициях

Парные по глухости/звонкости согласные в определенных позициях подвергаются позиционному оглушению/озвончению.

Парные звонкие **оглушаются** в **позиции конца слова**. Эта фонетическая закономерность достаточно последовательно отражена в ЯП:

- *месяцеф* (месяцев),
- *нира<u>с</u>* (не раз),
- *кро<u>фь</u>* (кровь),
- *щасле<u>ф</u>* (счастлив).

В позиции конца слова для оглушенной <в> существует узуальная норма записи не только ϕ , но и $\phi\phi$ (об отражении долготы/краткости согласных см. далее):

- *коро<u>фф</u>* (коров),
- *часофф* (часов),
- дзюдаистафф (дзюдоистов).

В этой зоне широко представлена гиперкоррекция:

- *учасне* (участник),
- *кры*<u>з</u> (крыс),
- фпанедельнег (в понедельник),
- *пазавьод* (позовет),
- абизьяннег (обезьянник),
- *льуби<u>ж</u>* (любишь),
- *терпеды* (терпеть).

Интересно, что некоторые пользователи ЯП обозначают и оглушение предлога ϵ , не учитывая, что он составляет с самостоятельным словом единое целое и оглушается только перед глухим согласным, а перед гласным и звонким не оглушается:

- *ф том* (в том)
- ф день (в день),
- *φ месте* (в месте),
- ф глаза (в глаза),
- *ф етом* (в этом).

Оглушение парных звонких происходит и **перед глухим согласным**, что отражено в $\mathfrak{A}\Pi$:

- $\underline{\phi}$ *muxapя* (втихаря),
- $no\underline{\phi}$ тарьяйу (повторяю),
- <u>ф</u>сю (всю),
- *а во<u>т</u>ке* (о водке),
- *дага<u>т</u>ки* (догадки).

Любовь к сочетанию $\phi\phi$ проявляет себя и в этой зоне:

• заффтрашнего (завтрашнего).

Случаи гиперкоррекции в этой зоне хоть и встречаются, но довльно редки:

- *в кузки* (в куски),
- *компле<u>г</u>т* (комплект),

- *ряды<u>ж</u>ком* (рядышком),
- *воляю<u>дс</u>а* (валяются).

Глухие парные озвончаются перед звонкими, кроме сонорных и ϵ . Это находит отражение в фонетической записи ЯП, однако такие примеры встречаются нечасто, например:

- <u>з</u>дал (сдал),
- <u>з</u>делоть (сделать).

4.2.1.5. Обозначение самостоятельной и позиционной мягкости согласных

В отличие от глухости/звонкости, самостоятельная твердость/мягкость парных согласных обозначается при помощи не согласных букв, а гласных букв или буквы b.

Для парных по твердости/мягкости согласных мягкость обозначается:

- 1) буквами я, e, \ddot{e} , io, io: man msn, $mon m\ddot{e}n$, $n \ni p nepo$, for byps for both muno (перед e в заимствовании согласный может быть твердым: niope);
- 2) мягким знаком в конце слова и в середине слова для [л'] перед любым согласным, переднеязычных перед заднеязычными и губными: кон конь, полка полька, банка банька, изба резьба.

Это графико-орфографическое правило распространяется и на ЯП, однако один из пользователей (ник «Хищница», адрес блога http://fota.mota.ru/blogs/55075/post/1569/) использует систему обозначения мягкости согласных сочетанием согласного и мягкого знака, йотированная гласная меняется при этом на соответствующую нейотированную:

• таг абидна знать, 4то дльа тафо, кого ты действитильно льубиж, хо4иж быть с ним всегда, 4тоб никто не мешал, и 4увствовать, мол мир создан только дльа нас двоих, с4итайед тибьа игрушкай и играйедсьа толька тогда, кагда иму это надо...или даже не надо, а просто ат скуки.

Как мы видим, замена *я* на *ьа*, *ю* на *ьу* происходит у этого автора достаточно автоматизированно; об этом свидетельствует в частности написание *играйедсьа*, где не произносится мягкий согласный.

Твердость парных обозначается написанием после согласной буквы гласных букв a, o, y, b и отсутствием мягкого знака. Это правило последовательно соблюдается и в ЯП.

Для **непарных** нет необходимости в дополнительном обозначении мягкости или твердости, нормы КЛЯ регулируют написание гласного после этих согласных с помощью специальных правил. Об употреблении гласных после этих согласных было сказано выше, об употреблении после них мягкого знака будет сказано ниже.

Позиционная мягкость в СРЛЯ последовательно проявляется только в группах согласных н u u u u и на письме не отражается. Это же видим в ЯП.

4.2.1.6. Ассимиляция и диссимиляция согласных по способу и месту образования

Место и способ образования согласных являются признаками, с которыми (как и в случае с позиционной твердостью/мягкостью) могут быть связаны чередования, только вызванные влиянием звуков друг на друга.

При ассимиляции по месту образования зубные щелевые заменяются на передненебные перед передненебными шумными, например:

```
[c] + [ш] \rightarrow [шш]: [\overline{ш}]ить = [шш]ить cuumь (ср.: [c]ыгра́ть),
```

 $[c] + [u'] \rightarrow [\overline{\mathbf{m}} 'u']$: $[\overline{\mathbf{m}} 'u']$ емпиона́том c чемпионатом (ср.: [c] игро́й).

При ассимиляции по способу образования взрывные согласные перед щелевыми и аффрикатами того же места образования чередуются с аффрикатами, например:

```
[T] + [c] \rightarrow [цc]: о[цc]ыпать отсыпать (ср.: о[T]ыграть),
```

 $[T] + [Ц] \rightarrow [ЦЦ]: o[\overline{Ц}] еп й ть = o[ЦЦ] еп й ть$ *omцепить*(ср.: o[Т]ыгра́ть).

Позиционному изменению могут подвергаться сразу несколько признаков согласных. Например: $no[u'\overline{u}']$ ита́ть nodcumamb (ср.: no[u]ыгра́ть), где [u] + [u'] — [u'] — уподобление по глухости, мягкости, месту и способу, то есть сразу по четырем признакам.

В ЯП подобная ассимиляция чрезвычайно часто отображается на письме:

- <u>ш</u>итает (считает),
- аказываеццо (оказывается),
- *аццкий* (адский),
- слештвее (следствие),
- пацтулам (под стулом).

Возможны и случаи гиперкоррекции — обозначение u_{ij} через c_{ij} :

- приему<u>сч</u>ества (преимущества),
- исчо (еще),
- *а<u>сч</u>утили* (ощутили),
- *тавари<u>сч</u>* (товарищ)

Диссимиляция (расподобление) в КЛЯ связана с ограниченным кругом примеров. Так, в словах лё[х'к']ий лёгкий (ср.: лё[г]ок) и мя[х'к']ий мягкий (ср.: мя[г]ок), где [г] + [к'] \rightarrow [х'к'], отмечается расподобление звуков по способу образования. При этом диссимиляция по указанному признаку совмещается с ассимиляцией по глухости и мягкости.

ЯП отражает и этот фонетический процесс:

- *кане<u>ш</u>на* (конечно),
- што (что).

4.2.1.7. Долгота / краткость согласных

Одинаковые изначально (*касса*) или в результате ассимилятивных процессов (*рассекретить*, *расшить*) согласные реализуются долгим согласным в интервокальной позиции и утрачивают эту долготу в сочетании с другим согласным.

Таким образом, фонетической записью в ЯП можно безусловно считать написание одного согласного вместо двух в позиции перед согласным (случаи типа *класный* вместо *классный*) и условно, как отражение понимания того, что два согласных сливаются, — запись в интервокальной позиции одного согласного вместо двух (случаи типа *каса* вместо *касса*). Такие случаи в ЯИ, как ни странно, редки:

- *ади<u>н</u>ацтой* (одиннадцатой),
- упращоный (упрощенный),

• *ру<u>с</u>кий* (русский).

Гиперкоррекцией в этом случае следует считать удвоение согласных в случае, когда в КЛЯ используется один согласный. Такие случаи в ЯП встречаются часто:

- сложилосс (сложилось),
- пшини<u>иц</u>ы (пшенице),
- ацикий (адский),
- *аффтар* (автор),
- *креатифф* (креатив),
- *чясо<u>фф</u>* (часов),
- диффчонки (девчонки).

Сочетания $\phi\phi$ и *ии* стали одними из «фирменных» знаков ЯП. Как известно, в случае сочетания трех одинаковых согласных (*антенна* + μ + μ) в КЛЯ происходит наложение морфем, а три одинаковых согласных подряд не употребляются. Однако в ЯП можно встретить сочетание трех и более согласных:

• *мну разгневоло<u>ссс</u> нинашутку* (я разгневался не на шутку).

4.2.1.8. Непроизносимые согласные

В ряде звуковых сочетаний при соединении трех согласных один из них выпадает; это

- 1) [т] / [т'] и [д] / [д'] между зубными: шес[]со́т *шестьсот* (ср.: шес[т']и), ме́с[]ный *местный* (ср.: ме́с[т]о), под уз[]цы *под* уздиы (ср.: уз[д]а́), голла́н[]цы голландиы (ср.: голла́н[д']ец);
- 2) [д] / [д'] между [р] и [ч'] (или между [р] и [ц]): cép[]це *сердце* (ср.: сер[д']éчко);
 - 3) [л] перед [нц]: có[]нце *солнце* (ср.: có[л]нышко).
- В КЛЯ эта нулевая реализация фонемы на письме не отображается, в ЯП же примеры пропуска согласного нередки:
 - извесны (известны),
 - родсвиника (родственника),
 - радасная (радостная).

Гиперкоррекционная вставка в группу отсутствующего согласного в ЯП нам не встретилась.

4.2.1.9. Употребление мягкого знака для обозначения грамматической формы. Разделительные знаки

В соответствии с традиционным принципом орфографии в КЛЯ после непарных по твердости/мягкости согласных пишется в в следующих грамматических позициях:

- 1) в существительных жен. рода ед. числа: ночь, мышь,
- 2) в инфинитиве: стричь,
- 3) в императиве 2 лица: съешь, назначь,
- 4) в наст./буд. времени 2 лица: несешь,
- 5) в наречиях, кроме уж, замуж, невтерпеж: сплошь,
- 6) в частицах ишь, лишь, бишь, вишь.

Такое написание не несет никакой фонетической нагрузки, поэтому как отказ от мягкого знака, так и его ненормативное использование не противоречат принципам графики русского языка.

В ЯП много примеров отказа от b в этих грамматических позициях:

- ли<u>ш</u> (лишь),
- панемаи<u>ш</u> (понимаешь),
- выжывеш (выживешь)

Примеров употребления *в* там, где он не предусмотрен орфографией КЛЯ, нам не встретилось.

Разделительные знаки в проанализированных нами текстах ЯП употреблены в соответствии с правилами КЛЯ.

4.2.1.10. Обозначение согласного [в] в окончании ого

В соответствии с традиционным принципом орфографии в окончаниях адъективного склонения пишется ε при том, что звук [в] находится в сильной интервокальной позиции.

Фонетической записью этих окончаний является написание в них e; таких записей в исследованных текстах ЯП оказалось немного:

- *спяще<u>в</u>а* (спящего),
- *ника<u>в</u>о* (никого).

Встретилось нам и изысканное гиперкоррекционное написание:

• *та<u>г</u>арещчь* (товарищ).

4.2.1.11. Образование формы от исходно слабой позиции

Некоторые гиперкоррекционные формы (учаснег, кросавчег) настолько лексикализовались в ЯП, что другие формы, в которых <к> стоит в сильной позиции, стали записываться с г, что нарушает не только орфографические, но и графические нормы языка:

- кросавче<u>г</u>и (красавчики),
- учасне<u>г</u>и (участники).

По аналогии именно в этом сочетании фонем правило часто распространяют и на другие лексемы, не являющиеся «фирменным» знаком Π :

- кифирче<u>г</u>и (кефирчики),
- в журнальчеге (в журнальчике),
- суслегами (сусликами).

4.2.1.12. Обозначение фонетической компрессии

ЯП широко отражает фонетическую компрессию слов, свойственную разговорной речи:

- сопссно (собственно),
- чё (чего),
- какихнить (каких-нибудь),
- сиво (всего),
- сичяс (сейчас),
- ся (себя),
- мя (меня),
- тыщ (тысяч).

В лингвистических работах, посвященных разговорной речи, отмечается, что «сильную фонетическую деформацию ряда ударных слов можно объяснить их высокой встречаемостью в PP» [Русская разговорная речь 1983: 45]. Авторы «Русской разговорной речи» используют для описания произношения этих слов транскрипцию, однако в лингвистической литературе встречается и буквенная запись реального разговорного произношения. Так, именно эти компрессивы и именно в таком написании, отражающем их особое интонирование, употребляет, например, Л.А. Капанадзе в своих записях звучащей речи [Капанадзе 2005: 89-90]. Как уже было сказано, такое написание (*щас, тыща* и др.) является узуальной нормой, принятой наряду с традиционным напи-

санием во многих письменных жанрах РР (например, чат или смс-переписка).

4.2.1.13. Использование цифр для обозначения букв

В ЯП широко распространена запись, в которой по созвучию используются иные буквенные или даже цифровые знаки. Такого рода слова имеют широкое распространение в англоязычной культуре, причем используются они не только в Интернете, но и в несетевых сферах бытования языка: заголовках, рекламе, даже дорожных знаках (именно в несетевом употреблении они и появились изначально), например: B4 = before 'перед', CUL8R = see you later 'увидимся позже', L8R = later 'позже', U2 = you too 'и ты', 4U = for you 'для тебя', 4ever = forever 'навсегда'.

В ЯП использование латиницы не принято, однако чрезвычайно распространена замена u на d и u на d:

- 4тоб (чтоб),
- 4увствовать (чувствовать),
- *c4umaйeд* (считает),
- па4иму (почему),
- старубкой (старушкой),
- *ребил* (решил).

4.2.2. Слитное, раздельное и дефисное написание

Другим разделом русской орфографии является слитное, раздельное и дефисное написание слов и их форм.

Слитное, раздельное и дефисное написание в КЛЯ регулируется традиционным принципом с учетом морфологической самостоятельности единиц. Морфемы в пределах одного слова пишутся преимущественно слитно или через дефис, слова отделены друг от друга пробелами (ср.: по моему мнению и по-моему). Исключение составляют отрицательные и неопределенные местоимения, употребленные с предлогами (не с кем) и некоторые наречия (в обнимку).

Наиболее частые отклонения от нормативности в ЯП заключаются в том, что слово или словоформа пишется слитно вопреки ее нормативному дефисному или раздельному написанию.

Дефисы в чатах вообще «не в чести»: постфиксы -то, -либо и нибудь пишутся обычно слитно, очень редко – раздельно:

- какихнить (каких-нибудь),
- кокиета (какие-то).

Частица не может писаться слитно:

- ниаскарбляит (не оскорбляет),
- нипытаецца (не пытается).

Смысловые частицы пишутся чаще раздельно со словом, иногда слитно, но почти никогда не через дефис:

- штоли (что ли),
- тагжэ (так же).

Два лексических слова или одно раздельно пишущееся, представляющих собой одно фонетическое слово, могут в ЯП писаться слитно:

пацстулам (под стулом).

Надо отметить, что нарушения нормы в области раздельного, слитного и дефисного написания не так часты в ЯП, поскольку это сильно затрудняет и без того непростую идентификацию лексем.

4.2.3. Написание прописных и строчных букв

Как известно, употребление прописных и строчных букв регулируется в КЛЯ лексико-синтаксическим правилом: с прописной буквы пишутся собственные имена и наименования (МГУ, Московский государственный университет), слова, которым автор хочет придать особый, возвышенный смысл (Прекрасная Дама, Свобода), а также первое слово в начале каждого предложения. Остальные слова пишутся со строчной буквы.

Первая особенность ЯП, касающаяся этого раздела орфографии, заключается в том, что частым, но не общепринятым оформлением начала предложения является его написание не с прописной, а со строчной буквы:

• не печалься. именавать панятея сколька угодна можна. можна маркеравать, выстовлять теге. никоких прав насопственность ни придьивляются, павтаряю ищо рас. неужэле мне нада лесть в архивэ, превадить кокиета премеры. вроде жэ ты панемаеш руский язык и бес разжовыванея терменов.

Собственные имена и наименования также могут записываться со строчной буквы (кавычки при собственных приложениях обычно не употребляются).

Тем не менее принятое в КЛЯ употребление прописных и строчных букв в ЯП явно преобладает:

• Адин мой таварисч, кстати он маей канторе 200 штук рублёфф должин, бартыр делал так. Завут йего Лёха из Красноярско. Типо у ниго была старая дивятка ВАЗ.

4.2.4. Графическое сокращение слов

Графические сокращения, в отличие от аббревиатур (сложносокращенных слов), употребляются только в письменной речи и при озвучивании текста раскрываются. Существует три способа графического сокращения слов в КЛЯ – использование дефиса (физ-ра — физкультура), косой черты (δ/y — бывший в употреблении) и точки (m.e. — то есть).

Сокращение слов в ЯП не принято. Нам встретился только один пример такого рода:

• оч. весела (очень весело).

Таким образом, можно констатировать, что из всех разделов орфографии для языковой игры в ЯП выбирается почти исключительно первый раздел — написание букв в словах и морфемах. Остальные разделы существенным изменениям не подвергаются.

4.3. УНИФИЦИРОВАННОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ЯП

Вопреки ожиданиям, в ЯП обнаруживается не только унификация, но и большое разнообразие индивидуальных приемов.

К средствам унификации в ЯП следует отнести следующее:

- 1. Сам принцип языковой игры в ЯП предполагает нарушение графико-орфографических норм через использование двух приемов фонетическое письмо и гиперкоррекция.
- 2. Языковая игра в ЯП проявляет себя преимущественно в области буквенного оформления лексем и отчасти в области слитного, раздельного и дефисного написания слов, но только в тех зонах, где компоненты образуют одно фонетическое слово.
 - 3. Графические сокращения в ЯП не приняты.

- 4. ЯП выработал свой словарь для выражения наиболее распространенных интенций.
- 5. ЯП выработал «фирменные» приемы оформления некоторых морфем (например, -cs как uuo или uu или -os как $a\phi\phi$ или $o\phi\phi$).
- 6. Для ЯП характерно использование разговорной и обсценной лексики и разговорного построения предложения с парцелляциями, нарушением порядка слов и др. При этом синтаксическое устройство предложения может быть достаточно сложным.

Тем не менее по отношению к ЯП с полным правом может быть применено понятие индивидуального стиля — излюбленных приемов языковой игры, характерных именно для данного автора.

Сравним несколько отрывков разных авторов.

ABTOP 1 (http://aks74.livejournal.com/1352.html):

«Народ прадалжал прикалывацца и строить дагатки, чё Лёха, гарадской житиль, будит с этим зирном нах делать. Но наш аграрий новаиспичённый, фтихаря за родину и за дёшива, это зирно смалол в муку на какой-та хрен пайми мельнице в каком-та исчё там саседним калхози и палучил такуйу агромнуйу, дажи агроменнуйу кучу серой пыли, каторая называицца мука. Народ на эту тему пириименовал Лёху ф мумийу и прарочил первуйу нах пыливую бурю в Сибири. Тем фременем Лёха сабрал фсю эту кучу ф грузавик и павёз в пикарню около йего дома и отдал им на риализацыю, типа ани там пикут какии-та криндиля и каржимелики с вахмурками, а народ эта дела пакупаит и хаваит».

ABTOP 2 (http://www.ufanta.ru/index.php?showtopic=2021):

«Так ивот, друззя маи.... Нидалье как чира вечирам мну абнаружыло у ся в профеле таку запесь: «Пиши грамотно. Что за корязяблы. Черт ногу сломить, не прочесть. Уже честно говоря смотреть на это слегка поднадоедает.» аффтарам етава опуса был некта Хьюга...мну иво так называит...Он в ета время был в лайте...мну зацыпиле не сами ево притензеи...мну соппсно, на них насрать...(мишают маи карязяблы, тижало на них смареть, низырь!! Сиво и дилоффто..) Мну зацыпила, што какойта апсалютна ниизвесной мну чатланен щитает, што он мну можыт указывоть, чо мну делоть...не прасить...не придлагать, не намекать, а указовать, прашу замететь!! Мну разгневолоссс нинашукту, иба тако магло твариццо и нирас, на фарити...но такова ищо небыла туть...такова, што чел угражаит мну банами и прочей куйней на пустом мести за каверканье языка, хатя в нашых правелах ета ниагаварено...А када мну папыталасс выиснеть, чо к чиму, чел начал кедать ниапределеннои фразы типа «так нада» Фантичка, каму нада-то?...эта што, не ресурс для друзей и легкава апчения?....»

Автор 2 считает себя адептом ЯП и использует достаточно много возможностей ЯП: фонетическое письмо в области гласных и отчасти согласных (umo, nerkaba), употребляет «фирменные» знаки ЯП — сочетания $\phi\phi$ и $\mu\mu$, максимально приближает речь к разговорной, однако соблюдает нормы КЛЯ в области написания прописных и строчных букв и правила пунктуации.

Автор 3 (http://fota.mota.ru/blogs/55075/post/1569/):

«йа паройу ни4его не панимайу.. вазникайед толька вапрос *Па4иму???*... энто просто невынасима.. незнадь то,чиго хочидса.. нед в энто времьа в галаве престойных мЫслей.. дажэ сийчас пишу, не знайа ,что будид в следуйущим предлаженийи.. а можыд энта всьо толька к лудшыму? медицЫна бессильна, ана в замешательстве, нет лекарства ад лжи и придатильстфа.. =((в галафе один беспредел, кажыДсьА,что жизне пришол ужэ удел =(сэй лафф ор фаг! толька скажи, не мучай миньа.. не нада заприщьадь мне делать что-то ..йа твайа, да, йа всьа твайа, полнастьйу, без искльучений, но мне всьо равно хочицца свабоды, свабоды тех жэ мыслей.. не хочицца запретафф. =(но без них

мне не быть с табой, приходитсо терпеть, но *Па4иму???** За4ем??.... йа не панимайу.. наверное патаму4то льюбльу..но нельзьа льубить ультематум =(»

Автор 3 наиболее оригинален в использовании ЯП: он использует в целом несвойственное для ЯП обозначение мягкости согласных перед гласными через в (минья, льюблью, всьо), йотированные гласные последовательно заменяет двумя буквами (йа, твайа, полнастыйу), максимально использует фонетическое письмо в обозначении гласных и частично в области согласных, использует гиперкоррекцию (лудшему, вазникайед), пользуется цифрой 4 вместо буквы ч, приближает синтаксис к разговорному и активно употребляет «смайлики» для выражения эмоций.

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать вывод о большом творческом начале, заложенном в ЯП и позволяющем авторам, большинство из которых отличается хорошей языковой компетенцией, создать свой индивидуальный стиль.

4.4. «ЯЗЫК ПАДОНКОВ» КАК ПИСЬМЕННАЯ ФОРМА РР

Почему мы рассматриваем ЯП не просто как языковую игру в пределах нейтрального стиля речи, тем более что мы уже констатировали высокий уровень языковой и речевой культуры людей, его использующих?

Существенным отличием ЯП от рассмотренных в главе III письменных форм РР является отсутствие его реализации в режиме on-line, однако ЯП обладает одним из основополагающих признаков функционального стиля — системностью использования в нем определенных элементов «стилистики ресурсов». Как мы уже отмечали выше, появление в тексте языковых средств определенного функционального стиля с высокой долей вероятности предопределяет появление и других средств этого стиля.

Авторы коллективной монографии «Научная литература: язык, стиль, жанры» (1985) пишут об этом явлении так: «Задача дальнейших исследований состоит в том, чтобы проследить, каким образом стереотипность в отборе явлений на одном уровне (например, морфологическом) порождает стереотипность в отборе определенных грамматических форм и синбтаксических конструкций или же каким образом эти последние создают некото-

рые модели построения сверхфразовых единств. Следует учитывать, что это влияние не только однонаправленное, т.е. идущее от единиц более низкого уровня к единицам более высокого уровня. Данное влияние с одинаковой силой распространяется и в обратном направлении. В результате образуется пучок взаимосвязанных и перекрещивающихся признаков разных языковых уровней, свидетельствующий об интегрированном (но никак не дробном) характере данного процесса» [Научная литература... 1985: 35].

ЯП полностью подтверждает это положение даже в том случае, если содержание текста не является характерным для разговорной речи. Интеллектуальная занимательность ЯП так велика, что на нем в Сети можно найти множество текстов самой разной тематики.

Приведем в доказательство два примера.

Один из пользователей и поклонников ЯП (http://www.russki-mat.net/krivetizator.php?l=RuFr) даже создал программу перевода текста на ЯП. В порядке эксперимента мы запустили в программу следующий отрывок из «Казуса Кукоцкого» Л. Улицкой:

«Размышления об этих испуганных детях уводили Павла Алексеевича в другую область: думая о судьбах близких ему людей, он обнаруживал, что почти все они тоже уязвлены страхом. Большинство скрывали какой-то постыдный факт происхождения или родства, либо, не в силах скрыть, жили в постоянном ожидании наказания за несовершенные преступления. Помощница его Валентина Ивановна происходила из богатейшей купеческой семьи, другой коллега нес в жилах, как чуму, скрытую половину немецкой крови, у регистратории клиники брат эмигрировал в восемнадцатом году, Елена, только что появившаяся в его жизни, призналась, что родители ее погибли в лагерях, а сама она чудом спаслась от этой участи благодаря бабушке, удочерившей ее накануне переселения родителей на Алтай. Оказалось, что даже Василиса Гавриловна, совсем простая женщина, жила с какой-то своей замысловатой тайной. У каждого было о чем смолчать, каждый ожидал разоблачения. <...>

- Можно я пойду домой? прошептала Таня.
- После четвертого урока ты пойдешь домой, твердо сказала учительница.

В первый раз в жизни Таня столкнулась с чужой волей, с насилием в его самой легкой форме. До этого момента желания окружающих и ее собственные счастливо совпадали, и ей в голову не приходило, что может быть иначе... Оказывается, это и была взрослая жизнь — подчинение чужой воле... С этого момента оказалось: чтобы по-прежнему быть счастливой, надо быть уверенной, что ты сама желаешь именно того, чего от тебя требуют взрослые... Она, разумеется, этого не думала, скорее, эта идея накрыла ее сверху и начала подминать под себя...»

Программа перевода на ЯП выдала следующий текст:

«размышлениа апэтих испуганных детйах уводили пафла алексеевича в другую область: думайа о судьбах близких ему лйудей, он обнаруживал, що почти фсе они тож уйазвлены страхом. болиинство скрывали какой-то постыдный факт происхождениа или роцтва, либо, не фсилах скрыть, жили фпостойанном ожидании наказаниа за несоффершенные преступлениа. помосчница его валентина иваноффна происходила из богатейшей купеческой семьи, другой коллега нес в жилах, как чуму, скрытую полоффину немецкой кроффи, у регыстратории клиники брат эмигрироффал в восемнадцатом гаду, ленка, толко що пойавившайасйа в его жизни, призналась, що радаки ее погыбли в лагерйах, а сама она чудом спаслась от этой участи благодарйа бабушке, удочерившей ее накануне переселениа родителей на алтай. оказалось, що даже василиса гафрилоффна, соффсем простайа женсчина, жила с какой-то своей замыслоффатой тайной. у каждого было о чем смолчать, каждый ожидал разоблачениа.

- можно йа пойду домой?, бля прошептала танйа.
- после четвертого урока ты пойдешь домой, бля твердо сказала учителница.

в первый раз в жизни танйа столкнулась с чужой волей, с насилием в его самой легкой форме. до этаго момента желаниа окружаюсчих и ее собственные счастливо соффпадали, и ей в голоффу не приходило, що может быть иначе... оказываеца, это и была взрослайа жизнь, бля — подчинение чужой воле... с этаго момента оказалось: щобы по-прежнему быть счастливой, надо быть уверенной, що ты сама желаешь именна того, чафо от тя требуют взрослые... она, разумееца, этаго не думала, скорее, эта идейа накрыла ее сверху и начала подминать под себйа...»

Как мы видим, автор программы создал не только наполненный индивидуальными особенностями, но и весьма несовершенный продукт. Так, буква я заменяется на йа не только в фонетически оправданных позициях (йа, уйазвлены), но и в позициях неоправданных (пойавившайасйа, лйудей, лагерйах). В отличие от авторов, отрывки из которых были приведены выше, автор программы предпочитает ненормативную запись не гласных, а согласных; при этом наряду с фонетически или графически оправданными случаями (фсилах, роцтва, окружаюсчих) возникает много фонетических нонсенсов (гафрилоффна, полоффину) — автор явно эксплуатирует сочетание фф по поводу и без него.

Однако в контексте темы нашего исследования важным моментом является общая переработка текста: в текст добавлена обсценная лексика, а все прописные буквы заменены строчными.

Занимательность ЯП как формы языковой игры так велика, что на нем в Сети можно найти множество текстов самой разной тематики.

Второй пример – совсем из другой области: на сайте www.strana-oz.ru размещен отклик на опубликованную в №2 «Отечественных записок» за 2005 год статью Л.П. Крысина «Языковая норма и речевая практика»:

«Аффтару зачод. Тока каменты есть. Норму лихко навязывать кагда ана харашо мативиравана. Ну например 'Сидя на лавачки пралител самалёт' плоха патамушта диепричастие далжно атнасицца ктому кто сидит налавачки, а ни к самалету. Или исчо: инцыНдент, прецыНдент, канстаНтиравать и кампрамиНтиравать плоха патамушта в этих славах -н- не пишыцца, но ашибачна праизносицца. А вод с нормами ударенийа дЕла апстаит нескалька слажнее. Эти нормы ниретка бываюд двойствены патамушта «правильный» вариант в них мативираван ни лучше чем «ниправильный» (гаварим абиспЕчиние патамушта абиспЕчивать; гаварим абиспичЕние па аналогии с увиличЕние, аграничЕние и т.п.). Лингвист на каторава ссылацца аффтар («Дажи если дивиноста працентаф будуд гаварить даку'мент, эта ни станит литиратурнай нормай» -- мудак патамушта как

90 працентаф ударяйут так и «правильна». С ашыпками нада бароцца, а вот вариативнасть йазыкавой нормы нада проста фиксиравать фславарях, оба варианта, как у пендасаф: хочишь гавари kilo'meter (кило'митр), а хочишь – kilome'ter (киломи'тр), хочишь і interested (и'нтрестед), а хочишь – intere'sted (интре'стед), и т.п. Нинада байацца вариативнасти и вапще диверсификаццыи. Таталитарна-пирамидальна-праваславна-угаловнае сазнание нада либирализиравать. Фтом числе при помосчи йазыка» [www.strana-oz.ru].

Высокая языковая компетенция создателя этого текста не вызывает никаких сомнений; кроме того, видимо, автор – профессиональный лингвист (об этом свидетельствует и само размещение отзыва на соответствующем сайте, и очевидное знание автором истории и теории вопроса). Поэтому явно намеренное несоответствие между содержанием и формой этого текста («конфликт стилевых норм») позволяет говорить о нем как о примере стилевой языковой игры.

Таким образом, ЯП в полной мере можно считать одной из письменных форм PP, причем эта языковая «игрушка» в большинстве своем используется людьми с хорошей языковой компетенцией, поскольку его код требует серьезной рефлексии над языком.

ГЛАВА V. ОТРАЖЕНИЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

5.1. ЕЩЕ РАЗ О СООТНОШЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ И ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

5.1.1. Язык художественной литературы как функциональный стиль и как многостилевое единство

Язык художественной литературы в его соотношении с функциональными стилями описываются исследователями двояко.

С одной стороны, многие исследователи (Д.Н. Шмелев, Н.А. Мещерский, А.К. Панфилов и др.) отказываются от признания художественного функционального стиля и говорят о языке художественной литературы как о незамкнутом многостилевом единстве с особой, эстетической функцией.

Однако, согласно другой точке зрения, язык художественной литературы должен включаться в общую систему функциональных стилей литературного языка. Этого подхода придерживаются Р.А. Будагов, Г.О. Винокур, И.Р. Гальперин, А.И. Ефимов, М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик и многие другие русисты (см., напр., [Винокур 1941]). Это же положение высказывается В.В. Виноградовым в исследованиях «О языке художественной литературы» (1959) и «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963).

Данная точка зрения может быть сформулирована следующим образом: художественная литература может и должна изучаться в том же ряду, что и другие функциональные стили, поскольку функционально-стилистическая неоднородность свойственна не только ей, но и произведениям других стилей (правда, в несколько меньшей степени): «Словесно-художественное творчество в полной мере подлежит описанию в рамках функциональной стилистики» [Липгарт 2009: 80].

Однако справедливости ради надо заметить, что механизм изучения функциональных стилей, с одной стороны, и текстов художественной литературы, с другой, часто оказывается проти-

воположным. В 1981 году Ю.М. Лотман в статье «Семиотика культуры и понятие текста» писал: «В динамике развития семиотики за последние 15 лет можно уловить две тенденции. Одна направлена на уточнение исходных понятий и определений процедур порождения. Стремление к точному моделированию приводит к созданию метасемиотики: объектом исследования становятся не тексты как таковые, а модели текстов, модели моделей и т.д. Вторая тенденция сосредоточивает внимание на семиотическом функционировании цельного текста. Если, с первой позиции, противоречие, структурная непоследовательность, совмещение разноуровневых текстов в пределах единого текстового образования, смысловая неопределенность - случайные и «неработающие» признаки, снимается на метауровне моделирования текста, то со второй, они становятся предметом особого внимания» [Лотман 1981а: 3]. И для лингвиста именно такие нарушения стилевых канонов художественной литературы являются объектом особого внимания, в то время как в других функциональных стилях, скорее, принято описывать типическое и стереотипное.

Мы в своем исследовании исходим из разграничения понятий «художественный стиль» и «язык художественной литературы», под последним понимая органичное многостилевое единство. Художественный же стиль мы понимаем достаточно традиционно — как функциональный стиль, находящий применение преимущественно в художественной литературе и создающий с помощью специальных приемов не логико-понятийное, а конкретно-образное отображение содержания текста.

5.1.2. О смешении стилей в языке художественной литературы XX – начала XXI века

На протяжении XX века ситуация смешения стилей в художественной русской литературе и превалирования одних стилей над другими претерпевает значительные изменения. В статье 1962 года «О развитии русского языка в советском обществе» М.В. Панов выделяет три периода развития русской литературы с 20-х и до 60-х годов.

Первый период 20-е годы, знаменуется отражением в художественной литературе «языковой смуты» того времени: «Речевые контрасты были использованы с целями экспрессивно-

художественными; они соответствовали идейно-образным противопоставлениям в произведении <...> в это время нейтральный, строго нормированный фон иногда и вовсе отсутствовал; контраст между ним и «раскрашенными» языковыми кусками произведения нередко был нивелирован» [Панов 2007: 45].

Во второй период (30-е и 40-е годы) «нейтральный стиль, самый нормативный, самый традиционный и устойчивый, становится особенно желанным в литературном языке и утесняет другие стилистические системы <...> Успехи художественной литературы в эту пору связаны с произведениями, раскрывающими смысловое богатство, семантическую гибкость и выразительность нейтрального стиля языка» [там же].

В 50-е годы, по мнению М.В. Панова, начинается следующий период развития русского языка, и новые тенденции охватывают язык во всех его функциональных проявлениях, в том числе и в художественной литературе: «В центре внимания теперь находится разработка внутрилитературных стилистических контрастов <...> В художественной литературе снова возникают тенденции инкрустировать литературную речь диалектными, жаргонными характеристиками, остро индивидуальными отклонениями от литературности, но на строго фоне общелитературной, точно нормированной речи» [Панов 2007: 46].

80-е годы (годы так называемой гласности и перестройки) опять изменили языковую ситуацию. В статье «Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики» (1988) М.В. Панов пишет, анализируя стилистику публицистического текста в современных этому времени газетах: «В сегодняшней газете и книжный стиль, и разговорный живут рядом» [Панов 2007: 69], при этом усиливается динамичность текста и «контрастное столкновение осуществляется на все меньших отрезках текста» [Панов 2007: 81]. Иными словами, М.В. Панов отмечает в письменных текстах существенное усиление в этот период использования разговорного стиля.

При этом, как отмечает автор, «в 30-е – 60-е годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма – это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь отношение изменилось: норма – это выбор. Она сове-

тует взять из языка наиболее пригодное в этом контексте» [Панов 2007: 84].

Современная нам русская художественная литература, т.е. литература конца XX — начала XXI века, демонстрирует видимые изменения по сравнению с литературой середины и даже второй половины XX века. Оставив литературоведам содержательную сторону современных художественных произведений, обратим внимание на собственно лингвистическую их специфику.

Характер изменения в массовой художественной литературе не остался незамеченным не только литературоведами, но и лингвистами и по большей части вызвал негативную реакцию: «Исторически так сложилось, что русские писатели всемерно способствовали расширению художественного пространства своих произведений, а вслед за этим и языковой картины мира <...> Современные массовые «писатели» избрали прямо противоположный путь: они не расширяют, а сужают языковое пространство, ограничивая его путем исключения тех языковых параметров, которые всегда и отличали художественный текст, таким образом проводя политику языкового нигилизма» [Бондаренко 2010: 692]. Л.П. Быков и Н.А. Купина в статье «Лингвистический натурализм текстов массовой литературы как проблема ортологии» (2006) также весьма резки в своих суждениях: «Впечатление лингвистической натуралистичности «литературного низа» (В.Е. Хализев) усиливается на фоне четко обозначившихся к началу XXI века тенденций, определяющих культурно-речевой уровень текстов массовой литературы. Это тенденции 1) к обеднению речи; 2) к стереотипности; 3) к нелитературности» [Быков, Купина 2006: 30].

Важнейшей чертой современной литературы является, по нашему мнению, то, что соотношение в ней художественного, нейтрального и разговорного стиля существенно изменилось. Можно назвать массу современных произведений, практически не использующих выразительные средства художественного стиля и содержащих исключительно нейтральный в сочетании с разговорным стили в художественных текстах, предназначенных для массовой (неэлитарной) читательской аудитории.

Такое положение дел, как нам представляется, связано, с одной стороны, с убыстрившимся темпом жизни, вызванным растущим в геометрической прогрессии информационным потоком. С другой стороны, использование в художественном тексте преимущественно нейтрального стиля повествования связано с общим размыванием стилевых границ русской речи постперестроечного периода. (О размывании стилевых границ, усилении разговорного начала и динамизма повествования как о наметившихся тенденциях, как уже было сказано, еще в 1988 году писал М.В. Панов). Можно сказать, что в речевой практике конца XX – начала XXI века эти тенденции реализовали себя в полной мере.

В качестве зримого примера высказанного положения можно привести сопоставление разных циклов произведений одного из самых талантливых стилистов-«стилизаторов» нашего времени – Бориса Акунина. Романы, героем которых является Эраст Фандорин и действие которых происходит в XIX веке (перечень см. в списке литературы), написаны языком, который стилизован не только на уровне реплик и диалогов персонажей, но и на уровне авторской речи, намеренно пропущенной сквозь призму сознания и восприятия героев – носителей разных типов речевой культуры. Этот прием приводит к поразительному стилистическому эффекту за счет разных пропорций в авторском тексте фрагментов художественного, нейтрального и разговорного стиля. Сравним начало двух романов Б. Акунина из этого цикла; представляется, что это сравнение даже не требует комментариев.

Отрывок 1. «Статский советник» Пролог

На левой стороне окна были слепые, в сплошных бельмах наледи и мокрого снега. Ветер кидал липкие, мягкие хлопья в жалостно дребезжащие стекла, раскачивал тяжелую тушу вагона, все не терял надежды спихнуть поезд со скользких рельсов и покатить его черной колбасой по широкой белой равнине — через замерзшую речку, через мертвые поля, прямиком к дальнему лесу, смутно темневшему на стыке земли и неба.

Отрывок 2.

«Любовник смерти»

Как Сенька впервые увидал Смерть

Сначала-то ее, конечно, не так звали, а обыкновенно, как полагается.

Маланья там или, может, Агриппина. И фамилия тоже имелась. Как же без фамилии? Это вон у Жучки, что по двору бегает, фамилии нет, а у человека беспременно должна быть, на то он и человек.

Но когда Сенька Скорик ее впервые увидал, прозванье у нее было уже нынешнее. Никто по-другому про нее не говорил, имени-фамилии не помнил.

А увидал он ее так.

Сидели с пацанами на скамейке, перед дерюгинской бакалей-кой. Курили табак, лясы точили.

Вдруг подъезжает шарабан: шины дутые, спицы в золотой цвет крашенные, верх желтой кожи. И выходит из него девка, каких Сенька никогда еще не видывал, даже на Кузнецком мосту, даже на Красной площади в престольный праздник. Нет, не девка, а девушка или, правильнее сказать, дева. Черные косы на голове венцом уложены, на плечах шелковый многоцветный платок, и платье тоже шелковое, переливчатое, но дело не в платке и не в платье. Очень уж у ней лицо было такое... даже не выскажешь, какое. Посмотришь — и обомлеешь. Ну, Сенька и обомлел.

К слову сказать, весь цикл романов про Эраста Фандорина написан в абсолютно нормативных «правописных» традициях, без малейших новшеств, которые будут рассмотрены нами далее в этой главе.

Другой цикл Б. Акунина составляют романы про похождения внука Эраста Петровича, Николаса (перечень см. в списке литературы). Действие происходит в наши дни, и динамика в них иная. Но наиболее интересно в контексте нашего исследования, что в этих романах изменяется и соотношение стилей: художественные описания практически отсутствуют, уступая место нейтральному стилю с вкраплениями РР в диалогах. Так, уже первый

из романов о приключениях Николаса Фандорина начинается совсем иначе, чем романы об Эрасте Петровиче Фандорине.

«Алтын-Толобас» Глава первая ХОТЬ И НЕ КРАСАВИЦА

Это была нелюбовь с первого взгляда.

Когда поезд отъехал от последней латвийской станции с немелодичным названием Зелупе и, прогрохотав по железному мосту, стал приближаться к российской границе, Николас придвинулся к окну купе и перестал слушать косноязычную болтовню попутчика.

Айвар Калинкинс, специалист по экспорту сметаны, так гордился своим знанием английского, что переходить с ним на русский было бы просто жестоко, да и, судя по тому, как латвийский коммерсант отзывался о своих недавних соотечественниках, он вряд ли пожелал бы изъясняться на языке Пушкина и Достоевского. С самой Риги бизнесмен упражнялся на кротком британце в использовании идиоматических оборотов и паст перфект континьюэс, называя при этом собеседника "мистер Фэндорайн". Объяснять, что обозначенное на визитной карточке имя Fandorine читается по-другому, Николас не стал, чтобы избежать расспросов о своих этнических корнях — разъяснение вышло бы слишком длинным.

Он сам не очень понимал, почему решил добираться до России таким кружным путем: теплоходом до Риги, а оттуда поездом. Куда проще и дешевле было бы сесть в Хитроу на самолет и через каких-нибудь три часа спуститься на русскую землю в аэропорту Шереметьево, который, согласно путеводителю "Бедекер", находился всего в 20 минутах езды от Москвы. Однако родоначальник русских Фандориных, капитан Корнелиус фон Дорн триста лет назад воспользоваться самолетом не мог. Как, впрочем, и поездом.

В самом начале этого романа художественными средствами дана блистательная характеристика языковой ситуации рубежа XX-XXI веков, при этом крайне занимателен контраст речи выросшего в Америке и воспитанного на великой русской литературе Николаса и окружающих его россиян – наших современников.

Так, в поезде между Николасом и обокравшим его проводником происходит великолепный диалог.

Думай, думай, приказал себе магистр. Упустишь письмо Корнелиуса — больше его не увидишь. И никогда себе этого не простишь.

Подумал минут пять, и появилась идея.

Еще минут пять ушло на перелистывание фольклорного блокнота и заучивание некоторых аргоизмов из раздела "Маргинальная лексика".

Когда в окне зачастили желтые огни, давая понять, что поезд въезжает в пределы немаленького города, Фандорин без стука распахнул дверь служебного купе, вошел внутрь и наклонился над сидящим проводником.

— Ну что, мистер, отыскал барахлишко? Да ты пошукай получше. Может, сам куда засунул да забыл. С этого дела бывает. — Наглец щелкнул себя по горлу и спокойно улыбнулся, кажется, совершенно уверенный в своей безнаказанности. — Выдите-ка, гражданин. К станции подъезжаем. Гоу, гоу, инель!

Николас положил неприятному человеку руку на плечо, сильно стиснул пальцы и произнес нараспев:

– Борзеешь, вша поднарная? У папы крысячишь? Ну, смотри, тебе жить. ("Борзеть" = терять чувство меры, зарываться; "вша поднарная" (оскорб.) = низшая иерархия тюремных заключенных; папа = уважаемый человек, вор в законе; "тебе жить" (угрож.) = тебе не жить.)

Произведенный эффект был до некоторой степени схож с реакцией мистера Калинкинса на исполнение англичанином песни о Родине, только, пожалуй, раз в двадцать сильнее. Николас никогда не видел, чтобы человек моментально делался белым, как мел, — он всегда полагал, что это выражение относится к области метафористики, однако же проводник действительно вдруг стал совсем белым, даже губы приобрели светло-серый оттенок, а глаза заморгали часто-часто.

– Братан, братан... – зашлепал он губами, и попытался встать, но Фандорин стиснул пальцы еще сильней. – Я ж не знал... В натуре не знал! Я думал, лох заморский. Братан!

Тут вспомнилась еще парочка уместных терминов из блокнота, которые Николас с успехом и употребил:

– Сыскан тебе братан, сучара. ("Сыскан" =сотрудник уголовного розыска, шире – милиционер; "сучара" (презр.) =вор, поддерживающий контакты с милицией.)

Здесь важно было не сфальшивить, не ошибиться в словоупотреблении, поэтому Николас ничего больше говорить не стал – просто протянул к носу злодея раскрытую ладонь (другую руку по-прежнему держал у него на плече).

-Hy?

— Щас, щас, — засуетился проводник и полез куда-то под матрас. — Все целое, в лучшем виде...

Отдал, отдал все, похищенное из кейса: и документы, и портмоне, и ноутбук и, самое главное, бесценный конверт. Заодно вернул и содержимое бумажника мистера Калинкинса.

Можно было объяснить свершившееся и иначе, не мистическим, а научным образом. Профессор коллоквиальной лингвистики Розенбаум всегда говорил студентам, что точное знание идиоматики и прецизионное соблюдение нюансов речевого этикета применительно к окказионально-бытовой и сословноповеденческой специфике конкретного социума способно творить чудеса. Поистине лингвистика — королева гуманитарных дисциплин, а русский язык не имеет себе равных по лексическому богатству и многоцветию. "Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий правдивый и свободный русский язык! — думал Николас, возвращаясь в купе. — Нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу".

Как мы видим, нейтральный стиль здесь виртуозно соединен с разговорным и даже с научным – но не с художественным.

Однако в рамках нашего исследования нас интересуют не общие стилистические тенденции в художественной литературе, а отражение в ней обиходно-бытового (разговорного) стиля вообще и устной РР в частности.

5.2. ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ РАЗГО-ВОРНОЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В художественном тексте в наибольшей степени РР отражается в репликах персонажей или так называемой несобственнопрямой речи, но зачастую она встречается и в авторском повествовании или полностью его составляет, если повествование ведется от лица не равного автору повествователя.

Специфика отражения PP в текстах художественной литературы, как уже было сказано нами в главе II, давно интересует исследователей как функциональной стилистики вообще, так и PP в частности.

В.В. Виноградов в книге «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963) отмечает, что в составе повествовательной нормы происходит преобразование разговорного элемента в сильный, экспрессивно выразительный. Иными словами, автор высказывает мысль, что РР, попадая в ткань художественного текста, не может не преобразовываться.

Аналогичную мысль высказывает в работах разных лет М.Н. Кожина, замечая, что «элементы других стилей используются в художественной речи в эстетической функции, а не в той, которую они выполняют в тех стилях, откуда взяты» [Кожина 2010: 141].

О некоторых работах а данной области нами было сказано в главе III нашего исследования, в данной же главе особый интерес для нас представляет специально посвященная отображению РР в художественной литературе монография Кветы Кожевниковой «Спонтанная устная речь в эпической прозе», изданная в Праге в 1971 году.

Кв. Кожевникова исходит из того, что «печатный текст связан в сознании читателя с литературной нормой, поэтому любое отклонение от нее воспринимается читателем с большей остротой, чем в устной речи» [Кожевникова 1971: 65], и определять задачу своего исследования следующим образом: «Если учесть, что эпическое произведение может заключать в себе «речь в речи» и само как целое может стремиться создать впечатление чьей-то речи, то для нашего исследования окажется необходимым установить, при помощи каких приемов достигается иллюзия соотно-

шения какой-то части текста с фиктивным говорящим» [Кожевникова 1971: 60]. Иными словами, автор утверждает, что отражение PP в художественной литературе — это всегда построенная по определенным правилам стилизация под PP, а не буквальное ее отображение.

В первой части монографии Кв. Кожевникова анализирует реальные характеристики спонтанной устной речи (диалогичность, эксплицитность / имплицитность, линейное построение, вариативность, ситуативность и собственно стилистическая организация), которые нами уже были рассмотрены в главе І. Вторая же часть посвящена художественным эквивалентам РР в художественной литературе (на материале современной тому времени русской литературы).

Автор выделяет три аспекта отражения PP: стилизация плана содержания, отражение звуковых особенностей и стилистически маркированное разговорностью построение речи.

При рассмотрении стилизации плана содержания Кв. Кожевникова отмечает, что в художественном тексте на первый план выходят те моменты речи, которые важны автору с точки зрения развития действия, поэтому разговоры персонажей отличаются диалогической динамичностью: этикетные и «пустые» реплики, уход от темы и другие отступления от основного действия, которые так характерны для устной РР, в художественном диалоге обычно не употребляются, если только они не являются средством характеристики персонажа: «Если сравнить один только план выражения естественной модели и ее эквивалента, то разница между ними сводится, главным образом, к количественным различиям. Иными словами, почти все, что мы находим в художественном диалоге, можно найти и в спонтанной устной речи, но в другом соотношении» [Там же: 92].

В отношении использования стилистически маркированных средств языка (за исключением фонетического уровня) Кв. Кожевникова высказывает и доказывает мысль, что «в подавляющем большинстве современных эпических произведений наблюдается повышенная концентрация стилистически релевантных элементов <...> количество стилистически маркированных средств в них заметно больше, чем в коммуникатах спонтанной

устной речи» [Там же: 108]. При этом «центральное место в языковом оформлении текста отводится лексико-семантическому плану, который, будучи главным носителем коммуникативной ценности, при восприятии выступает наиболее рельефно, чему способствуют и его широкие потенциальные возможности стилистического варьирования» [Там же: 148].

Наиболее интересным для целей нашего исследования является раздел «Отражение звуковых особенностей», поэтому остановимся на нем подробнее.

Звук, мимика, жест являются неотъемлемой частью устной формы PP, поэтому «всегда необходима минимальная адаптация письменной форме, обусловленная прежде всего отношением звук – графика данного языка» [Там же: 92].

В первую очередь Кв. Кожевникова отмечает, что письменная форма требует расчленения речи на предложения при помощи знаков пунктуации, отчасти отражающих интонирование. Однако «о настоящем стремлении передать звуковые особенности речи условно можно говорить только тогда, когда писатель начинает применять специфические письменные средства — на уровне графемном или пунктуационном — способом не совсем узуальным в печатном тексте» [Там же: 93]. «На уровне графемном к конвенциональному способы сигнализация звуковой реализации в пределах слов относятся, например: удвоение букв (ччерт знает, что такое), удвоение букв, связанное с разбивкой слогов (не-ет), разбивка слогов (о-очень), реже и разрядка или типографское выделение шрифтом» [Там же: 94].

Автор отмечает, что указанные средства в современной ему русской художественной литературе используются весьма фрагментарно и касаются не столько стиля произношения, сколько суперсегментных элементов, связанных в повышенной эмоциональностью. Сигналы же собственно стиля произношения (в частности беглой речи) для русской литературы, в отличие, например, от французской или англо-американской, не характерны: «Воспроизведение ряда особенностей звуковой реализации речи остается, как видно, за пределами возможностей репродуктивного приема, скованного как самой графикой, так и сложившимися литературными условностями» [Там же: 97].

Далее Кв. Кожевникова отмечает, что звуковые характеристики речи в русской литературе фиксируются преимущественно в комментариях автора через использование слов и выражений прокричать, проговорить, прозвенеть, прошептать, ответить сдавленным голосом, сказать в нос и т.п. При этом слова и выражения подобного рода используются преимущественно в диалогах и обладают большей или меньшей пространностью и детализацией в зависимости от индивидуального стиля писателя. Одни из этих слов и выражений описаны Кв. Кожевниковой в рамках анализируемой нами работы, другие последовательно описаны М.Я. Гловинской в статье «Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов» ([Гловинская 1993])и в других исследованиях. Поскольку в контексте нашего исследования нас интересует не то, как можно через слова автора зафиксировать звуковые особенности речи персонажа, а то, какие появились приемы не делать этого вовсе, анализом языковых и контекстуальных синонимов глагола говорить мы заниматься не будем.

Заключает свое исследование Кв. Кожевникова словами, что «некоторые из эффектов уже реализованы в современной художественной литературе, другие только ждут своего открытия» [Кожевникова 1971: 151].

Другие, в том числе гораздо более поздние, исследования не являются столь же фундаментальными, как исследование Кв. Кожевниковой, и в основном детализируют отдельные фрагменты описанной Кв. Кожевниковой общей картины.

Так, вопросу о принципах отражения PP («устно-разговорной разновидности литературного языка») в художественной литературе уделено достаточно много внимания и в монографии О.А. Лаптевой «Русский разговорный синтаксис» (1976), где автор в соответствии с темой своего исследования обращается преимущественно к отражению в литературе маркированного разговорностью синтаксиса.

О.А. Лаптева разграничивает понятия РР и разговорного типа письменно-литературного языка: последний шире РР, так как включает, помимо РР, просторечные, жаргонные, диалектные и профессиональные вкрапления. Автор справедливо замечает, что «писатель, даже самый убежденный и талантливый реалист, не

может непосредственно отразить в ткани художественного произведения реальную распространенность устно-разговорных фактов. Дело в том, что писателем управляют незримые, но определенные закономерности превращения устного факта в письменный <...> Первостепенное значение при этом приобретает различие устно-разговорной разновидности и разговорного типа языка художественной литературы, коренящееся в различных формах устной и письменной — их речевого воплощения» [Лаптева 1976: 64-65].

В чем же, по мнению О.А. Лаптевой, состоят эти различия?

Во-первых, автоматизированность PP вступает в противоречие со свойственным художественной литературе поиском, поэтому клишированность PP при передаче ее в художественном тексте снижена, причем типизированные построения «входят в текст художественного произведения неравномерно и в разных пропорциях у разных авторов» [Лаптева 1976: 67].

Во-вторых, в художественной литературе сформировались свои клише для передачи РР. Это, в частности, «синтаксическая конструкция, заключающаяся в раздельном линейном представлении тесно синтаксически спаянных членов» [Там же: 68], а также разного рода инверсии и парцелляции.

В-третьих, «не все синтаксические приметы живой речи в сознании писателя предстают как в равной мере «литературные». Так, почти совсем не используемый в литературных произведениях способ представления важного для сообщения члена высказывания в именительном падеже (в современной терминологии — именительный темы — E.Л.), возможно, воспринимается как сниженный, просторечный (хотя это как будто не должно было останавливать писателей, изображающих людей из народа» [Там же: 72].

При этом О.А. Лаптева отмечает, что чем выше уровень речевой компетенции автора, тем более охотно он использует разговорные и даже просторечные речевые средства «с целью разнообразить речь и достичь нужного стилистического эффекта», поскольку «чем выше общий культурный уровень говорящего, тем лучше чувствует он собственно стилистические возможности разговорной нормы» [Там же: 73].

О.Б. Сиротинина в работе «Русская разговорная речь» (1980) отводит разговорным элементам в художественной речи целый раздел. Автор раздельно рассматривает разговорные речи в авторской речи и в репликах диалогов персонажей.

Среди приемов, используемых в авторском повествовании, О.Б. Сиротинина отмечает несвойственный письменной речи порядок слов, неполноту предложений и включение в авторское повествование разговорных и просторечных лексических элементов.

Для художественного диалога, по мнению автора, разговорная стилизация характерна в значительно большей степени и устроена несколько иначе. Во-первых, в диалоге используются те приемы, которые были названы О.Б. Сиротининой выше. Во-вторых, «сигналами разговорности могут служить не только типичные для разговорной речи элементы. Возможны и условно литературные сигналы, особые художественные приемы, создающие впечатление того, что персонажи именно разговаривают, причем непринужденно» [Сиротинина 1980: 76], например употребление инфинитива перед спрягаемой формой глагола (Я только спросить хочу). Автор справедливо отмечает, что разговорные элементы в художественном диалоге, как правило, являются не только сигналом разговорности, но и средством речевой характеристики персонажа, в частности его низкой речевой и общей культуры.

Общей тенденцией О.Б. Сиротинина считает расширение включения разговорной речи в текст художественных произведений. Эту же тенденцию 80-х годов, как мы уже сказали, на материале публицистики отмечал М.В. Панов.

5.3. НОВЫЕ ПРИЕМЫ В ФИКСАЦИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕ-ЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ, ПРЕДНА-ЗНАЧЕННОЙ ДЛЯ МАССОВОГО ЧИТАТЕЛЯ)

5.3.1. Общие тенденции фиксации РР в современной массовой литературе

Современная нам художественная литература в полной мере опирается на сложившуюся традицию в использовании всех тех

приемов стилизации под РР, речь о которых шла выше, но демонстрирует и значительное новаторство.

Важной чертой отражения PP в современной художественной литературе является включение в нее лексических элементов, которые не были позволительны с точки зрения цензуры советского времени. Это и вульгаризы, и жаргонизмы, и бранная, в том числе обсценная, лексика.

Но для темы нашего исследования наибольший интерес представляет другое новшество современной литературы – качественное пополнение способов отражения особенностей PP, в первую очередь за счет средств графики, орфографии, пунктуации, иноязыковых и внеязыковых знаковых включений.

Общеизвестно, что нормы разных языковых уровней обладают разной степенью обязательности. Графика, орфография и пунктуация современного русского литературного языка — зона достаточно жесткого нормирования; готовившаяся в последние десятилетия XX века реформа орфографии и пунктуации не осуществилась, и мы опираемся на свод правил орфографии и пунктуации 1956 года. Редакционно-корректорская практика советского времени, в целом приводя классические тексты художественной литературы в соответствие с правилами современной орфографии и пунктуации, пропускала отклонения от «правописных» норм с большой неохотой, однако в случае особой смысловой нагрузки при имитации особенностей разговорной речи персонажа или даже повествователя графико-орфографические вольности автора в тексте все же допускались.

Так, достаточно традиционным было отражение на письме особенностей произношения героя, в частности его иностранного или диалектного акцента, а также дефектов речи; такова, например, реплика графини-бабушки: «Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу, / Когда-нибуть я с пала та в могилу» (Грибоедов А. Горе от ума).

Особенности интонирования могли передаваться дублированием гласного — иногда с отражением качественной редукции. Так, а диалоге Лебядкина и Ставрогина встречаем: «Блага-адарен, благодарен и независим!», а в сцене разговора Варвары Петровны с Лебядкиной видим: «Что-о-о? — вспрянула и выпря-

милась в креслах Варвара Петровна. – Какая я вам тетя?» (Достоевский Ф. Бесы).

Наделенные особым смыслом и произносящиеся с особой, «многозначительной» интонацией слова могли выделяться курсивом, например: «Но и Липутину захватывало дух от обиды. Пусть Петр Степанович обращается с нашими как угодно, но с ним? Ведь он более всех наших знаем, ближе всех стоит к делу, интимнее всех приобщен к нему и до сих пор хоть косвенно, но беспрерывно участвовал в нем. О, он знал, что Петр Степанович даже и теперь мог его погубить в крайнем случае» (Достоевский Ф. Бесы).

В произведениях высокого стиля, преимущественно поэтических, часто встречаются нарицательные существительные, написанные с прописной буквы: «Вы, жадною толной стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи!» (Лермонтов М. Смерь поэта); такое написание, впрочем, допускается для высокого стиля и правилами современной орфографии.

В главе «Активные процессы в области русского письма» вышедшего в 2008 году коллективного исследования «Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков» Кузьмина отмечает, что усиление апеллятивноэкспрессивной функции языка находит свое отражение и в такой относительно консервативной сфере, как письмо, и фиксирует широкое использование языковой игры в заголовках и рекламе, а также то, что «возрастает роль авторской орфографии, то есть намеренное отступление от орфографической нормы, отражающее пристрастия пишущего или его стремление использовать и этот элемент с определенной целью. «Текст печатается в авторской орфографии» – такое примечание в наше время можно встретить не только при публикации старых текстов, но и текстов ныне живущих наших современников» [Кузьмина 2008: 410].

Справедливости ради надо отметить, что для поэтического текста графические и орфографико-пунктуационные вольности были допустимы и прежде. Так, в научном сборнике «Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева» (1996) отдельный раздел посвящен пунктуации в поэтическом языке. И.И. Ковтунова, Б.А. Некрасов, Б.С. Шваркопф и В.В. Жильцова

в своих статьях на материале поэзии М. Цветаевой, А. Блока, С. Есенина, С. Надсона и более поздних поэтов (Е. Евтушенко, С. Кирсанова, Н. Матвеевой) рассматривают смысловые и композиционные функции ненормативной пунктуации, в первую очередь тире [Язык как творчество 1996].

Однако не будет преувеличением сказать, что «правописные» и прочие графические вольности в поэзии конца XX века значительно усилились. Так, Н.А. Фатеева в статье «Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века» замечает, что «очевидно стремление поэтов к созданию виртуальных структур с обнаженной формой (крайний случай — архитекстура Ры Никоновой — авторские вектора: снизу вверх, справа налево, по диагонали, спирали, зигзагом), когда графическая структура является отражением внутренних закономерностей текста ... и создает интонацию смыслового порядка» [Фатеева 2001: 419]. Установка на зрительное, а не звуковое восприятие поэтического текста «сигнализирует о том, что вновь начинает доминировать ориентация на письменную форму текста — без своей структурнографической формы текст не существует и не запоминается» [Фатеева 2001: 420].

Усиление роли графико-орфографических инноваций наблюдается в последнее время и в прозе. Исследователи отмечают, что в постсоветский период «показательно давление речевой практики на традиционные нормы в области орфографии» [Крысин 2007: 310].

О какой речевой практике идет речь? Осмелимся предположить, что одним (и очень существенным) фактором возникновения и распространения многих инноваций-«вольностей» связано с появлением тех новых форм письменной речи, речь о которых шла в предыдущих главах.

Попробуем дать краткое описание графических, орфографических и пунктуационных отступлений от «правописных» норм КЛЯ, встретившихся нам в тех текстах современной русской художественной литературы, которые в целом написаны в соответствии с литературными нормами, вышли большими тиражами и предназначены для массового, а не элитарного читателя (оставляя за рамками «креатифф» – произведения на «аффтарском» языке).

В качестве материала используем некоторые популярные прозаические произведения Бориса Акунина, Татьяны Устиновой, Александры Марининой, Дарьи Донцовой, Сергея Лукьяненко, Дины Рубиной, Виктории Платовой и Макса Фрая. Все эти произведения впервые были опубликованы после 2000 года.

5.3.2. Приемы отображения особенностей произношения героя

Наиболее частым отклонением от норм является отражение особенностей произношения героя. Это может быть постоянный или временный дефект речи или иностранный акцент. Так, Б. Акунин следующим образом имитирует речь своего героябелоруса: «А я шо, — развел руками Ходкевич. — Спросят — скажу: так, мол, и так. Как гости уехали, англытшанин побежал к хозяину в кабинет, заперлись они там тшего-то. Потом все забэгалы, поразъихалысь. Я завхоз, тиеловек маленький, за полотэнца ответшаю. Ну, дадут пару раз по ушам, а убывать не станут» (Акунин Б. Внеклассное чтение). Здесь и далее мы приводим цитаты из художественной литературы, оформив их по принятому в лингвистических работах правилу курсивом, за исключением тех случаев, когда само использование разрядки, курсива или полужирного шрифта представлено в самом тексте художественного произведения и значимо для нашего исследования.

Как видим, автор изобретает способ фиксации твердого [ч] сочетанием букв *тии*, а твердость согласного перед гласным обозначает употреблением нейотированной гласной буквы. Логично было бы употреблять букву э и после сочетания *тии*, однако это затруднило бы идентификацию читателем слова, и автор отказывается от этого решения. В то же время для обозначения твердости согласного перед гласным в других словах Акунин использует (к слову сказать, непоследовательно) букву э вместо *е*, *ы* вместо *и* (забэгалы), причем допускает появление омонимии в случае слова убывать (=убивать), легко снимающейся контекстом.

Акцент зачастую выражается в особенностях реализации твердости и мягкости согласного перед гласным, при этом отражение твердости согласного перед гласным часто обозначается написанием после согласного нейотированной гласной буквы. Так, В. Платова имитирует кавказский акцент:

- «- Так где Василий? спросил Звягинцев у черкеса.
- Ты жэ читал. Уехал твой Василий.
- -Когда?
- Вчэра, навэрное.
- Ты-то видел, как он уезжал?
- Нэт. Нэ было мэня. Он с утра с Казбэком был. Потом нэ знаю...» (Платова В. В тихом омуте).

Отражение в речи персонажа твердости согласного [ч] фиксируется графические не представленным в КЛЯ сочетанием букв в слове вчэра, а написание частицы жэ вообще фонетически не оправдано: как мы понимаем, согласный [ж] твердый, поэтому такое написание частицы жэ фонетически не мотивировано, однако текст рассчитан на зрительное восприятие, а написание жэ выглядит «не по-русски», и в этом одна из условностей письменной формы существования разговорной речи.

Постоянные или временные дефекты дикции, как известно, могут приводить к коммуникативным неудачам, разрешающимся переспросом или перефразировкой. Однако в письменном тексте однозначная передача смысла фразы должна быть заложена изначально; это приводит к таким, например, способам авторского пояснения: «Офтавафесть фесь! — сказал он Надежде с фонарем в зубах, и она поняла, что он велит ей оставаться здесь» (Устинова Т. Отель последней надежды).

В ряде случаев понять смысл орфографически искаженной фразы помогают широкий контекст произведения и фоновые знания читателя. Так, известным является тот факт, что китайцы и японцы не слышат различия между [р] и [л], и это делает возможным понимание читателем такой фразы: «Сьто люблей — сибко много, — строго пропищал он. — Моя плати писят, а бензина пловеляй» (Акунин Б. Квест). Она помещена в контекст, где переодетый китайцем герой и его товарищи торгуются по поводу стоимости машины.

Иногда, чтобы дать читателю «ключ» к пониманию реплики героя, автор перед ней или после нее описывает особенность дефекта дикции или акцента:

«– Вехоятно, собихался не пускать... Но я его схазу выхубил. На всякий случай.

(Он одновременно грассировал и по-волжски окал.)» (Рубина Д. Камера наезжает!..).

Как мы видим, Д. Рубина с этом фрагменте одним из традиционных способов обозначает грассирование, но совершенно нетрадиционно обозначает оканье — выделяет *о* курсивом в пределах слова, написанного прямым шрифтом.

5.3.3. Отражение компрессированных и стяженных форм

Как известно, в РР присутствуют компрессированные и стяженные в фонетическом отношении формы слов. Традиционной условностью художественной литературы, как уже было сказано, является то, что читатель воспринимает реплики персонажей как разговорную речь, несмотря на запись в нормах орфографии КЛЯ. Однако в последнее время в художественных текстах широко распространилось употребление слов щас, ща (=сейчас), ваще (=вообще), грит (=говорит), тыща (=тысяча), ся (=себя), тя (=тебя) и др. В лингвистических работах отмечается, что «сильную фонетическую деформацию ряда ударных слов можно объяснить их высокой встречаемостью в PP» [Русская разговорная речь 1983: 45]. Авторы «Русской разговорной речи» используют для описания произношения этих слов транскрипцию, однако в лингвистической литературе встречается и буквенная запись реального разговорного произношения. Именно эти компрессивы и именно в таком написании, отражающем их особое интонирование, употребляет, например, Л.А. Капанадзе в своих записях звучащей речи [Капанадзе 2005: 89-90]. Как известно, такое написание (щас, тыща и др.) является узуальной нормой, принятой наряду с традиционным написанием в таких письменных жанрах разговорной речи, как чат или смс-переписка.

Соответствующее всеобщему компрессивному разговорному произношению, эти слова в художественной литературе тем не менее служат указанием на особую разговорность или просторечность речи персонажа или становятся сигналом речевого портрета человека, не владеющего литературным произношением

Такую функцию графически ненормативой передачи произношения отмечали в свое время и К. Кожевникова, и О.Б. Сиротинина. Так, О.Б. Сиротинина пишет: «Показательно, что показа-

телем низкой культуры персонажа, неправильности его речи становится не только действительно нелитературное произношение (сястра), но и орфографическая неправильность в пределах произношения, полностью соответствующего литературным нормам. Так, например, М.А. Шолохов в романе «Поднятая целина» вкладывает в речь своих персонажей скушноватая песня, канешно, што. Написание этих слов создает художественное впечатление произносительной неправильности речи, хотя так, и только так, говорят и должны говорить культурные люди» [Сиротинина 1980: 77].

В современной художественной литературе эта тенденция не только сохранилась, но и значительно расширилась, однако при этом клишировалась: можно составить словарь слов, которые регулярно употребляются в произведениях разных авторов в своей «фонетической» записи, причем это, как правило, те же слова, которые принято записывать таким же образом и в письменных формах РР вне художественного текста (об этом было сказано выше).

Приведем несколько разнотипных примеров, найденных нами в современной художественной литературе:

«Зеленоволосое создание медленно подняло руку и ткнуло пальцем с безобразным ногтем в кнопку.

- Да, захрюкал стоящий перед ней динамик.
- Слышь, Таньк, зевнув, спросила продавщица, где Галька?
- В стиралках, прохрипело из прибора.
- Пусть подымется, пришли к ней.
- X_{p-xp} , донеслось из динамика.
- *Ща появится*, *обнадежила меня девица и зевнула*» (Донцова Д. Микстура от косоглазия).

Один из персонажей романа Б. Акунина «Квест» имитирует просторечие с целью маскировки (то, что это именно имитация, выясняется лишь впоследствии): «Витёк, — представился он новым пассажирам. — Я чё хочу предложить, граждане. Если желаете, я с напарником договорюсь, буду вас хоть неделю катать... хошь днем, хошь ночью» (Акунин Б. Квест).

Как мы видим, кроме стяженных *чё* (=чего) и *хошь* (=хочешь), автор подчеркивает просторечность героя постановкой ненорма-

тивного ударения в слове *предложить*. Мы знаем, что в художественной литературе, предназначенной неспециальной аудитории (не для обучения чтению детей или иностранцев), знак ударения ставится только при омографии, мешающей пониманию смысла фразы (например, *бо́льшими* и *больши́ми*), здесь же это способ речевой характеристики героя.

При этом возможно совмещение подобного написания с отражением какого-либо акцента: «Хамоватый тенор украинского еврея произнес скороговоркой: "Ничео, шо я рановато?"» (Рубина Д. Камера наезжает!..).

Однако в ряде случаев компрессивы маркируют просто разговорность. Так, Т. Устинова использует форму *здрасте* в речи своего героя — профессора математики с мировой известностью, виртуозно владеющего КЛЯ: «Здрасте, — сказал Платон Легран и поднялся, опять свалив на пол только что водруженные на место газеты» (Устинова Т. Третий четверг ноября).

5.3.4. Использование в художественном тексте «языка падонков»

Особо интересно использование в текстах художественной литературы устойчивых приемов и выражений «аффтарского языка», в основе которого изначально лежит игра с графикой и орфографией.

Как цитату использует «язык аффтарафф» Борис Акунин. В одном из его романов вставлены целые фрагменты электронной переписки героев, заключенные в рамочки и с аватарами (условными изображениями адресанта); эти фрагменты таким образом представлены как образцы не устной, а письменной разговорной речи героев. Один из фрагментов — письмо эксцентричной секретарши героя — выглядит следующим образом:

«nuuem <u>gretchen</u> 2009-04-02 22:16

Шев, бидняжичко, каг йа зо ваз пирижывайу!» (Акунин Б. Сокол и Ласточка).

Однако, как это ни парадоксально, возможно использование «языка аффтарафф» и для передачи устной речи героя. Так, у С. Лукьяненко встречаем:

«- ...Не пострадал?

— Лапа, — невнятно пробормотал волк, снова принимаясь зализываться. — Афтомат жжот» (Лукьяненко С. Последний дозор).

Как мы понимаем, приведенное выше написание отражает реальное произношение (за исключением *о* в слове *афтомат*), однако, будучи написанным в орфографии КЛЯ, это выражение может быть не опознано читателем как одна из распространенных идиом «языка падонкаф» (в романе волк — это «перевертыш», или оборотень, юной девушки).

Аналогично употребление «языка аффтарафф» и у Виктории Платовой:

«Пошла ты в жопу, ведьма.

Пошла ты в жёппу!..

Ведьма не уступит. Не может уступить...» (Платова В. Тингль-Тангль).

При этом подобные написания могут встречаться у Платовой и в авторском тексте, который начинает выступать как несобственно-прямая речь или призма сознания героя, например: «И только сейчас, как стильная деффчонка, обратила внимание на название клуба» (Платова В. Любовники в заснеженном саду).

Таким образом, будучи заведомо ориентированными на реальное разговорное произношение и представляющие собой языковую игру с графикой и орфографией, эти выражения начинают маркировать уже не простречность или плохое владение литературным языком, а принадлежность персонажа к особой субкультуре.

5.3.5. Отражение редукции и нейтрализации гласных

Большой интерес представляют попытки обозначить на письме особенности произношения гласных. Некоторые трудности может представлять для автора фиксация продления ударного гласного. Эти трудности возникают в первую очередь тогда, когда продляется гласный, обозначаемый после мягкого согласного йотированной буквой. Он может обозначаться соответствующей нейотированной буквой: «Термина-ал плю-у-ус»?! — протянул человек и подозрительно осмотрел полковника с головы до ног. — А вы хто будете?» (Устинова Т. Отель последней надежды). Однако чаще встречаются другие способы оформления, например

«при-и-име-е-ерно-о-о» у С. Лукьяненко (Лукьяненко С. Последний дозор).

Характерно, что такое оформление медленной речи может быть противопоставлено значительно реже встречающейся попытке графически обозначить очень быструю речь, например:

- «— Медленноипечальнодвигайсяккреслу, протараторил парень...
- Головойневерти! Посмотришьнатеньстреляюсразу. Скольковас?
 - *Чего?*
 - Сколькотакихтварейкактыходитпоземле?
- Hy...- \mathcal{H} задумался. Tы имеешь в виду Светлых или Tемных?
 - -Всеравно!
- При-и-име-е-ерно-о-о ка-а-ажды-ы-ый де-е-еся-я-яти-ииты-ы-ыся-я-ячны-ы-ый, — протянул я. Не из вредности, а пытаясь убедить парня, что он слишком ускорился» (Лукьяненко С. Последний дозор).

Еще интереснее попытки обозначить продление безударного гласного. Одни авторы не делают попытки отразить на письме редукцию безударного гласного (см. пример из А. Лукьяненко, приведенный выше), другие же – и их большинство – фиксируют при этом качественное изменение безударного гласного: «па-а-а-ачтеннейший начальник» (Фрай М. Чужак). При этом в некоторых случаях встречается лингвистически изысканное оформление:

- «- Какой дом? Я окончательно растерялся. Жилой?
- Похоже, жилой, закивала несчастная жертва зеленого змия. Там в окнах свет горел... Двухэтажный дом.
- Трехы-ы-ытажный, поправил его коллега, с удвоенной силой впиваясь в спасительный дверной косяк» (Фрай М. Болтливый мернтвец).

Весьма изощренный прием использует в одном из своих текстов Б. Акунин:

- «А девочка ему, увы, понравилась. И так мило, по-волжски окает...
 - В «Крестики-нолики» играешь? Нравится?

- Воще-то не очень, призналась Мира и шмыгнула носом. Но я ни во что другое не умею. У меня раньше компьютера не было.
- Лучше говорить не мягко «компьютер», а твердо «компьютОр» (Акунин Б. Внеклассное чтение).

Как мы видим, автор решает две проблемы. Во-первых, форма воще, явно производная от описанного выше ваще, позволяет зафиксировать оканье, что не позволило бы сделать употребление нормативного вообще. Во-вторых, Б. Акунин изобретает способ обозначить твердость и мягкость произношения согласного [т] в слове компьютер. Нормативное написание с е становится маркированным и начинает обозначать произношение мягкого [т'] через создание оппозиции с компьютОр, где о обозначает редуцированный гласный звук [ъ], произносящийся в этой позиции после твердых согласных. При этом выделение гласного внутри слова прописной буквой предназначено единственно для привлечения к нему внимания читателя.

Выделение качественной редукции первого предударного может становиться и указанием на аффектированность, игривость, вульгарность или манерность речи персонажа «Заросший слабой застенчивой щетиной подбородок подмигивал: «Мы таких дел наваляем, ди-ивчонка, мало не покажется!..» (Платова В. Любовники в заснеженном саду).

Не менее интересная задача — обозначение на письме сильной количественной редукции безударных гласных непервого предударного и заударного слогов.

С. Лукьяненко передает очень малую длительность непервого предударного по сравнению с первым предударным, традиционно приписываемую москвичам, так: «В его тоне явственно читалось стандартное «п'наехали в нашу Ма-аскву...» (Лукьяненко С. Дневной дозор). Если продление звука дублированием гласной вполне традиционно, то обозначение [ъ] апострофом – авторская находка.

Д. Рубина же использует прием отсутствия гласной буквы: «Выскочишь, бывало, за пивом – проходная пуста. И вдруг на звук твоих шагов из-за барьера вырастает, как кобра, на длин-

ной морщинистой шее голова старикашки: «Пропск!» (Рубина Д. Камера наезжает!..).

5.3.6. Приемы компенсации невербальной информации

Нехватка при письменной фиксации реплик непринужденного разговора невербальных (жесты, мимика, позы и т.п.) и паравербальных (тон, тембр, скорость, паузы) средств, которые, по мнению психологов, определяют до 55% результата в коммуникативном акте, нуждается в средствах компенсации, и они в значительной степени разработаны в таких специфических жанрах письменной разговорной речи, как, например, чат и ICQ. Паравербальные средства (темп, паузы, тон) передаются при помощи символов, совпадающих со знаками пунктуации, а также при помощи разных буквенных регистров и многократного повторения букв, при этом количество точек часто означает длину паузы, а количество знаков препинания по иконическому принципу соответствует силе эмоций. Громкость, как правило, передается выделением текста прописными буквами, или «капсом»; заглавными буквами может выделяться также и особо значимая для отправителя информация.

Описанные выше приемы в последнее время стали активно использоваться и в «бумажной» литературе. При этом автор художественного произведения не ограничен в технических средствах: к перечисленным выше приемам он может добавить и курсив, и жирный шрифт, и свободное совмещение кириллицы и латиницы: материальный носитель накладывает отпечаток на характер текста (возможности же текста на электронном носителе еще шире: здесь и цветовое решение поля и шрифта, и анимация, и гипертекстовые возможности — всё, что может повысить информативность и выразительность текста).

Так, у Б. Акунина встречаем:

«Норд закричал:

— Экстракт гениальности! ГДЕ? MECTO! HA3OBUTE ME-CTO!» [Акунин 2009б: 124].

Если же необходимо обозначить постепенное усиление громкости звука, то могут быть использованы и комбинированные приемы, например: — A-a-a, — негромко произнес Логан. Потом громче. — A-A-A!

И наконец что было мочи:

- *ААААААА!!!*» (Акунин Б. Сокол и Ласточка).

Как мы видим, усиление эмоции и, как следствие, громкости обозначено сначала меной строчной буквы на прописную, а затем увеличением количества гласных и восклицательных знаков.

Однако выделение слова заглавными буквами может нести и другую функцию – выделять слово, на которое падает логическое ударение, или слово, произносящееся с особой, многозначительной интонацией: «Вообще, когда ты клюешь носом УЖЕ, а не ЕЩЕ, пожар на утреннем горизонте впечатляет куда больше!» (Фрай М. Чужак).

Этот способ выделения с последней своей книге использует и чрезвычайно консервативная в графико-орфографическом оформлении текста А. Маринина: «В моем распоряжении нет мужчин с ТАКИМ, — Стасов сделал ударение на последнем слове, — опытом» (Маринина А. Жизнь после Жизни). Как мы видим, автор сопровождает оформленное капсом слово комментарием, что на сегодняшний день совершенно не является необходимым и чего не делают другие рассматриваемые нами писатели.

Желание выделить особо значимое слово может привести автора к парадоксальному решению. Так, например, у Д. Донцовой встречаем: «Ну да, — закивала Роза, — я же говорила про лабораторию. Ой! Они с Альбертом чудеса творили. Ну, конечно, шли по стопам Сергея Семеновича, а тот гений был! ГЕНИЙ! Именно большими буквами» (Донцова Д. Инь, янь и всякая дрянь). Имитируя устную речь героини, автор оформляет прописными буквами слово, произнесенное с особой интонацией, и героине же приписывает комментарий «именно большими буквами», словно она не произносит фразу, а пишет. Надо сказать, что такая презумпция письменной речью перед устной действительно присутствует в наивных представлениях говорящих о языке, следствием чего и являются всем известные выражения типа «он не произносит букву р», «человек с большой буквы».

Презумпция буквы лежит в основе и следующей цитаты: «Анна вспоминала долгие бдения в подсобке у Элиэзере, его черный кожаный фартук, потертый на животе, то, как он вставлял мягкий знак в слова "пьять" и "объязан"» (Рубина Д. Почерк Леонардо). Понятно, что описаны особенности произношения, а не письма, однако сделано это через буквенный код фиксации речи.

Выделение особо значимой информации и, соответственно, особой интонации может выполнять и курсив, например: «Ловкая работа. Если бы мимо по чистой случайности не проходила мисс Клински... Вот тут вопрос. Стоп. *По случайности ли?*» (Акунин Б. Квест).

Курсивом могут быть маркированы и целые абзацы (например, для выделения несобственно-прямой речи героя). Если при этом автор хочет выделить из ряда одно или несколько слов, он вынужден использовать полужирный шрифт или режим заглавных букв. Д. Рубина принимает другое решение, в результате чего текст выглядит достаточно странно: она на фоне курсива выделяет значимые слова прямым шрифтом: «Почему-то она знала, что он в ее жизни Главный. Главный учитель, вообще, — главный человек» (Рубина Д. Почерк Леонардо).

Курсив может быть употреблен и для придания выделенному слову особой семантической нагрузки и дополнительных смыслов, подсказываемых контекстом. Так, в фрагменте «Гальтону ужасно захотелось узнать про эту женщину как можно больше. Желательно всё» (Акунин Б. Квест) выделение слова всё актуализует семы 'в том числе все особенности сексуального поведения'.

Курсив может маркировать и скрытую цитату: «Витек говорил, что за хорошее *лаве* запросто *надыбает пару верных корешей* из таксомоторного парка» (Акунин Б. Квест).

Здесь курсив вводит чужую речь, всплывшую в сознании героя, для которого подобные выражения не характерны. При этом герой-американец сознательно пытается освоить жаргонные выражения русского языка: это необходимо по составленной для него легенде. Отнесясь к делу ответственно, герой использует любые каналы для пополнения своей идиоматики: «Не думая о последствиях, а следуя единственно зову сердца, доктор в первое же мгновение свободы коротко, но очень убедительно двинул левого молодца в солнечное сплетение, правому замечательно урезал в рыло (идиома из писателя Зощенко)» (Акунин Б. Квест).

(Цитата может быть маркирована и более экзотическим образом. Так, Д. Рубина использует соединение дефисами самостоятельных слов в выражении, постоянно повторявшемся отцом героини: «Возможно, мой приезд в столицу представлялся ему стратегическим шагом в верном направлении (если опять-таки конечной целью считать почетное-захоронение-всем-назломоего-праха на Новодевичьем)» (Рубина Д. Камера наезжает!..).

Выделение курсовом может служить и сигналом того, что слово употреблено не в том значении, которое первым приходит в голову. Так, в предложении «Выбрав амулет до конца, я бросил взгляд на девушку» (Лукьяненко С. Ночной дозор) деепричастие реализует не значением 'отобрать из ряда однотипных', а значение 'извлечь, исчерпав' (в данном случае извлечь всю силу), что поддерживается и сочетаемостью с «до конца». Автор словно формирует «терминологию» для данного романа, и это особенно характерно для произведений фэнтези.

Так, у Макса Фрая, где повествование ведется от лица «доброго волшебника» Макса, туман описывается следующим образом: «Я был как в тумане, но это был хороший, *правильный* туман» (Фрай М. Волонтеры вечности). С точки зрения обыденного сознания туман не может быть «правильным» и «неправильным», но в системе координат данного произведения словосочетание «правильный туман» следует понимать как 'не являющийся мороком'.

В произведениях фэнтези многое наполняется особым смыслом, «обычное» часто оборачивается «необычным», волшебным, присутствует некое «тайное знание», неведомое непосвященным. В романах С. Лукьяненко действуют Иные – Светлые и Темные, присутствует Сила, якобы принадлежащий Фафниру коготь является могучим артефактом Когтем, и все эти реалии обозначаются существительными (в том числе субстантиватами), написанными с прописной буквы. Это, с одной стороны, «терминологизирует» их, а с другой – повышает в статусе, выделяет из ряда прочих явлений; при этом нарицательные слова сближаются с собственными именами.

Этот прием может усиливаться, совмещаясь с другими, описанными выше, например: «И еще я сообразил, что за ночь ничем не подпитываемый защитный кокон истаял. От этой штуковины ощутимо веяло Силой. Даже не Силой – СИЛОЙ. Будь здесь хоть один Иной, он непременно почувствовал бы Коготь» (Лукьяненко С. Дневной дозор). Сила – это не просто сила, а волшебная сила Иных, при этом очень могучая сила артефакта обозначена автором словом, в котором все буквы заглавные.

А. Маринина, при всей традиционности использования ею норм КЛЯ, также демонстрирует знакомство с новым формирующимся графическим кодом: само название ее романа 2010 года - «Жизнь после Жизни» - не дань американской традиции оформления заголовков. Слово жизнь, написанное с заглавной буквы, обладает в контексте содержания романа большой смысловой нагрузкой: полковник Настя Каменская, героиня большой серии романов А. Марининой, выходит на пенсию и после насыщенной событиями и эмоциями работы в «убойном» отделе (это для нее и была Жизнь) впадает в депрессию: ей кажется, что всё важное и значимое у нее позади. Однако в процессе очередного, уже частного, расследования она сталкивается со многими удивительными людьми и понимает, что, как любят говорить американцы, на пенсии жизнь только и начинается. Для нее жизнь опять превращается в Жизнь. Так употребленное автором удлинение кода сокращает длину текста.

В игру с ненормативным употреблением прописной и строчной буквы возможна и обратная ситуация: при обозначении типа людей правила орфографии допускают написание фамилии со строчной буквы (чацкие, маниловы). Однако это правило не применяется в отношении личных имен. Д. Рубина же для обозначения персонажей — неотличимых друг от друга «мальчиков на побегушках» — типизирует их написанием со строчной буквы не фамилии, а имени: «В небольшой студии сидят ... монтажер, пара славиков-ассистентов неопределенных занятий, крутившихся на съемках под ногами» (Рубина Д. Камера наезжает!..).

5.3.7. Совмещение кириллицы и латиницы

Большой интерес представляет и совмещение в тексте кириллицы и латиницы.

Как мы знаем, для текстов русской классики XIX века было характерно включение в реплики героев французских слов в оригинальном написании, сопровожденных в советское время пере-

водом в сносках (такова речевая характеристика, например, Степана Верховенского; встречаются варваризмы и в тексте автораповествователя; вспомним, к примеру, пушкинское полемично-игровое «Она казалась верный снимок / Du comme il faut... / (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)» (Пушкин А. Евгений Онегин).

В современных же текстах находит отражение новая лингвокультурная ситуация, при которой ожидаемым является хотя бы минимальное владение английским языком. Многие английские слова и выражения встречаются без перевода: «Эта мыслишка почему-то развеселила и Динку: show must go on, даже такое – дешевое и хлипкое» (Платова В. Любовники в заснеженном саду). При этом возможно сочетание трансрипционной (реже – транслитерационной) записи английского слова кириллицей с написанием латиницей: «Такие книги на дороге не валяются. Мысль намба one» (Платова В. Любовники в заснеженном саду). При употреблении цитат и названий авторы явно делают расчет на то, что они будут поняты читателем «К тому же первая композиция, "Death on two legs", изумительно гармонировала с моей Мантией Смерти» (Фрай М. Наваждения). На английском и без перевода могут идти и целые фрагменты; так, например, Макс Фрай предваряет цитатами-эпиграфами без перевода повесть «Белые камни Харумбы» и романы цикла «Хроники Эхо».

Очень частотные слова, а также слова, употребляющиеся в сленге, или находящиеся в стадии заимствования англицизмы могут писаться кириллицей в кавычках или без них, например: «Внизу в просторном холле под скошенным куполом сидели на «ресепин» улыбчивая мулатка Люси, крошечная китаянка Шан-Шан, с великоватым для нее именем-двустволкой, и Эстер — церемонная дама в очках» (Рубина Д. Почерк Леонардо).

Особенно много англицизмов встречается в текстах так называемых «гламурных» романов или в эпизодах, описывающих жизнь богемы: «...девушка заносчива, груба, она, еще не став звездой, уже обзавелась самыми худшими привычками селебретис» (Донцова Д. Микроб без комплексов).

Латиницей стали часто писаться названия многих брендов, с которыми в советское время читателям в жизни сталкиваться

почти не приходилось: это названия вин и сигарет, торговых марок одежды и автомобилей, банков и банковских карт и многое другое.

Расчет на минимальное знание грамматики английского языка сделан Сергеем Минаевым при создании графикограмматических неологизмов «Духless: Повесть о ненастоящем человеке» и «Тhe телки» в качестве названий своих романов (подобное совмещение латиницы и кириллицы даже в пределах одного слова, кстати сказать, широко распространилось в наружной щитовой рекламе последнего десятилетия). Аналогично устроено название романа Оксаны Робски «Про любоff/оп», равно как и само написание имени автора: ОКсана Робски.

С целью создания речевого портрета героя употребляются, хоть и значительно реже, вкрапления из других языков; при этом они не сопровождаются явным или скрытым переводом только в случае полной прозрачности выражения: «Хм, поэт? Черт знает что... Mundus idioticus, — забормотал исследователь» (Акунин Б. Квест).

Если же фраза сложна, автор дает либо сноску, либо перевод или перефразировку выражения в пределах самой фразы или соседних фраз: «"Blanka paloma", любовь моя, по-испански значит "белая голубка"» (Рубина Д. Белая голубка Кордовы).

Чрезвычайно интересный графический прием использован Борисом Акуниным в романе «Квест». Из героя готовят шпиона для засылки в СССР, причем обучение русскому языку он проходит во сне:

«Утром Айзенкопф еле добудился измученного ученика.

– Moj dyadya samyh chestnych pravil... – пролепетал Гальтон, хлопая глазами. – Ya priblizhalsya k mestu moego naznacheniya... Ya pomnyu chudnoye mgnovenye ... Господи, что я бормочу? Что за бред?» (Акунин Б. Квест).

Герой, как мы видим, цитирует поэтические и прозаические произведения А.С. Пушкина, которые в его память «загрузили» во сне, но смысла их он не понимает, что и передано транслитерацией этих цитат, легко узнаваемых всеми русскими читателями. Как мы понимаем, сама возможность такой записи опирается на представление автора о том, что современный читатель владе-

ет латиницей и знает правила транслитерации, сталкиваясь с ними в современной жизни (в том числе и при смс-общении: многие русскоязычные пользователи до сих пор используют в смс-сообщениях транслитерацию русских слов на латиницу, поскольку в силу специфики кодировки Unicode сообщение транслитом вмещает почти в два раза больше знаков, чем сообщение кириллицей).

Родной язык этого героя английский, и именно сквозь призму этого языка герой воспринимает мир, что и подчеркивается Б. Акуниным следующим образом: «"Boom! Boom!" – рявкнул "кольт"», «What the hell... Что за бред? – пробормотал доктор, протирая глаза» (Акунин Б. Квест).

5.3.8. Ненормативная графика текста

Как мы знаем, в художественной литературе не приняты графические сокращения слов (т.е., т.к. и другие). Однако такие сокращения, широко распространенные в on-line жанрах разговорной письменной речи, проникают и в художественный текст, становясь элементами речевого портрета персонажа: «Прочтя ее, мы некоторое время пребываем в оцепенении. Ничего не скажешь, со вкусом написано. Ничего лишнего. Текст оч. хор. Оч. свеж и нов. И главное — оч. похож. На нас» (Платова В. Любовники в заснеженном саду).

В тексте В. Платовой появляется и принятое в чатах пунктуационное оформление высказывания. С одной стороны, это произвольное количество точек в отточии: «Гуляющий по крыше ветер относит его голов в сторону, до Васьки долетают обрывки фразы, отдельные звуки, оттого и получается: с..м..е..е..р..ть...» (Платова В. Тингль-Тангль). С другой стороны, это парцелляция, при которой каждая часть сложного предложения без каких-либо отделяющих знаков препинания оформляется с новой строки:

«...на юго-западной оконечности тела Ямакаси – Смольный, на юго-восточной – Исаакий, из сердца (расположенного справа) торчит шпиль Петропавловки, в головах у Ямакаси – янтарное солнце, в ногах – июльская радуга,

```
и весь он – вода
и весь он – железо
и весь он – гранит
```

тебе хорошо? – шепчет Ямакаси, и в Васькиной голове гремит гром...» (Платова В. Тингль-Тангль).

Вольно обращается Виктория Платова с употреблением восклицательных знаков и шрифтовых выделений и в следующем отрывке: «День пограничника в Елизаветиной интерпретации выглядел как Д-Д-День П-П-По-ооооо!граничника-аааааа! и, несомненно, являлся не самым светлым днем календаря. Репетицией конца света, проводящейся раз в год и с завидным постоянством. Присутствие на репетиции *толстых жаб* совершенно нежелательно» (Платова В. Stalingrad, станция метро). Курсив использован здесь, как и в предыдущем отрывке, для введения в текст чужого высказывания (эту функцию в традиционно оформленном тексте обычно выполняют кавычки). Жирный же шрифт для художественного текста не характерен вовсе.

Встречающееся в смс-сообщениях оформление высказывания без пробелов между словами, но с прописной буквой в начале каждого слова используется В. Платовой для передачи быстрой монотонной речи:

«Но что сказал Чук?

ВрядЛиТыОнасДумалаГекПогиб.

Вот так, безо всякой интонации, плотно подогнав слова друг к другу и оставив лишь небольшие зацепки, зазоры, выступы, чтобы, ухватившись за них и подтянув тело, можно было добраться до вершины смысла: ГЕК ПОГИБ» (Платова В. Тингль-Тангль).

Как мы видим, часть текста написана капсом, который выполняет здесь ту же функцию, что и в on-line жанрах, – выделение особо значимой информации.

Именно игру со шрифтами и регистрами использует В. Платова и в следующем отрывке: «За три часа ТЭ.ТЭ. успевает дважды (с перерывом на радио) прослушать диск Бреля. В первый раз чтобы понять: то, что делает Жак Брель, — не ее музыка. Ведь на самом деле ее музыка — это ЕЕ МУЗЫКА. После второго прослушивания мысли о ЕЕ МУЗЫКЕ переходят в строчный регистр. Кто-то невидимый (возможно, даже сам Жак Брель) забрасывает ее музыку снежками; она юлит, пытается увернуться и, в конечном итоге, съеживается до «ее музыка». Чтобы разглядеть «ее

музыку» микроскоп, конечно, не потребуется, но глаза напрячь придется» (Платова B. Stalingrad, станция метро).

Словосочетание ее музыка, написанное в регистре заглавных букв, обозначает осознание героиней своей музыки как выдающегося явления музыкальной культуры. Смена регистра с прописных букв на строчные фиксирует падение оценки музыки в глазах героини, а довершает снижение оценки заключение словосочетания в традиционные кавычки.

5.3.9. Игры с пунктуацией

Экспериментируют авторы не только с графикой и орфографией, но и с пунктуацией. Борис Акунин, например, во всех своих произведениях последних лет активно нарушает многие каноны оформления прозаического текста. Так, в цитируемом нами романе «Квест» абсолютно нетрадиционно оформлено начало каждой главы: ее названием является первое слово или словосочетание фразы, которая затем продолжается без повтора, например:

«ПРОПАЛ КОНВЕРТ

, в котором лежал весь запас наличности на дорогу, 500 долларов» (Акунин Б. Квест).

Как мы видим, подобное решение приводит к совершенно ненормативной пунктуации — постановке запятой в абсолютном начале строки. Кроме того, в художественном тексте количественные числительные, за исключением дат, принято писать не цифрами, а словами; эту норму Борис Акунин также нарушает, а в другом отрывке этого же романа автор не только пишет цифрами число, но и употребляет символ %, что характерно для делового и научного, но не для художественного стиля. Аналогично у других писателей встречаем знаки, обозначающие доллар, евро, и другие условные символы.

Из других нарушений норм пунктуации в художественных текстах необходимо отметить многократное дублирование вопросительных и восклицательных знаков (см. примеры выше) или отсутствие знаков препинания в тексте, фрагменте или фразе вообше.

Неканоническое употребление знаков препинания находим и у Дарьи Донцовой: «Он ее взял, – ябедничала девочка, показывая на

паренька, который судорожно запихивал в рот неразвернутую(!) конфету» (Донцова Д. Инь, янь и всякая дрянь).

Н.А. Фатеева, анализируя поэтические тексты конца XX века, отмечает появление таких не принятых в КЛЯ пунктуационных знаков, как, например, парный знак вопроса (два вопросительных знака, обрамляющих одно слово) или сочетание вопросительного и восклицательного знака с запятой [Фатеева 2001: 421].

Борис Акунин в романах 2009 года «Квест» и «Сокол и Ласточка» идет еще дальше: автор имитируют гипертекст (о гипертексте см., например, [Дедова 2008]), предлагая возможность нелинейного чтения романа (конечно, в отличие от текста, размещенного с Интернете, эта возможность лишь игровая: книга при необходимости переворачивается вверх ногами и читается с конца). Правда, прием такого рода использовался и раньше, но преимущественно в художественных текстах зарубежных авторов (например, в романе Хулио. Кортасара «62: Модель для сборки»), однако для русской литературы не являлся характерным.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что современная художественная литература открыла новые возможности отображения РР и что это открытие пошло именно по тому пути, который предсказывала в своей работе еще в 1970 году Квета Кожевникова. Количество таких новых приемов в современных текстах пока невелико, но их использование в текстах разных авторов говорит о наметившейся тенденции к созданию новой узуальной нормы в отображении РР в художественной литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное состояние русского языка очень волнует и «рядовых» носителей, породивших диагноз «порча языка», и филологов, причем повод для беспокойства русский язык подает достаточно давно – с начала 90-х годов XX века.

Так, еще в 1991 году состоялся доклад Ю.Н. Караулова «О состоянии русского языка современности» и организованная автором почтовая дискуссия, в которой приняло участие 18 ученых (В.Г. Гак, О.Б. Сиротинина, Л.П. Крысин и др.). Участники дискуссии сошлись в мнении, что говорить о гибели, смерти, порче и т.п. русского языка нет оснований.

Е.А. Земская во введении в коллективную монографию «Русский язык конца XX века» (2000) отмечает, что «оценивая состояние языка, необходимо разграничивать три феномена: 1) система языка, 2) языковая способность, 3) тексты на данном языке» и что «для нашего времени характерна плохая «языковая компетенция» значительной части общества» [Русский язык конца XX века 2000: 17-20].

Подобные же суждения высказывают авторы другой коллективной монографии — «Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация» (2003), отмечая, что «вторую волну изменений в составе носителей русского литературного языка можно наблюдать в конце XX в. Эти изменения связаны не столько с демократизацией контингента владеющих литературной речью <...> сколько с вхождением в публичную жизнь таких групп людей, которые в своих привычках и пристрастиях привержены разного рода жаргонам и другим формам некодифицированной, нелитературной речи» [Современный русский язык... 2003: 12].

Из этих и многих других работ (например, [Русский язык сегодня 2003], [Русский язык сегодня 2006], [Современный русский язык... 2008]) можно сделать вывод, что лингвисты считают, что происходящее в современном русском языке — дело временное и поправимое. Так, О.Б. Сиротинина в статье «Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века)» (2009) выражает надежду, что «еще не пройдена точка невозврата» и что еще возможно что-то

сделать, «чтобы негативное возможное не превратилось в реальную судьбу языка» [Проблемы речевой коммуникации 2009: 10-11]. Как мы видим, в работах, разделенных почти 20 годами, описана одна и та же тенденция в общем изменении языковой ситуации.

Этим достаточно аккуратным высказываниям противопоставлены два типа суждений профессиональных лингвистов. Первая группа ученых дает резкие оценочные суждения происходящим изменениям и призывает кричать SOS и немедленно предпринимать меры по спасению русского языка. Вторая группа лингвистов, вполне отдавая себе отчет во всех изменениях в современном языке, высказывает мнение об этих изменениях как о естественном и вполне закономерном процессе.

Так, к суждениям лингвистов первой группы надо отнести, например, высоко оценочную статью В.П. Григорьева «Кое-что о стилевой политике» (2007), где он с горечью восклицает: «Где ты, наш «большой стиль»?» [Григорьев 2007: 149], а также статью Д.Б. Гудкова «К вопросу о речевой культуре русского лингво-культурного сообщества» (2009), в которой автор говорит о стремительной «пиджинизации» русского языка и высказывает такое мнение о его современном состоянии: «В настоящее время наблюдается резкое снижение коммуникативной компетенции представителей русского лингво-культурного сообщества (особенно молодых) <...> Сегодня для многих характерен отказ от восприятия нормы как центра, а сленга, жаргона, просторечия и т.д. как периферии языковой системы, что ведет к размыванию границ нормы и, в свою очередь, приводит к утрате владения литературным языком, к неспособности воспринимать написанные на нем тексты, следствием чего является все та же примитивизация речи <...> Описанные тенденции вызывают серьезную тревогу и оставляют мало места для оптимизма при оценке лингвистических и, следовательно, социо-культурных перспектив русского лингво-культурного сообщества» [Гудков 2009: 72-77].

В «Культуре русской речи» (2001) все изменения, происходящие в языке, считаются эволюционными, причем выделяются три типа эволюции:

- 1) высокодинамическая (ускоренная) эволюция с заметным «шагом» в 10-20 лет,
 - 2) умеренная эволюция с «шагом» 30-40 лет,
- 3) низкодинамическая эволюция с «шагом» в 50 и более лет [Культура русской речи 2001: 37].

Очевидно, что нынешние изменения в языке следует характеризовать как минимум как высокодинамическую эволюцию.

С чем это связано и какие сулит последствия?

Появление новых носителей информации (в первую очередь Интернета) настолько увеличило скорость информационных потоков, что только успевающий за новыми технологиями человек сегодня может рассчитывать в большинстве видов деятельности на профессиональный рост и полную адаптацию в обществе. Естественно, что в наибольшей мере «успевает» молодежь, родившаяся или воспитывавшаяся в эпоху компьютера и Интернета, и те люди, которые готовы учиться этим новшествам (преимущественно у молодежи). В.И. Беликов пишет: «Переход был труден, но новое поколение, те, кому сейчас тридцать, не испытало трудностей перехода. Оно не испытывает особого почтения к ценностям тех, для кого переход оказался труден. К числу этих ценностей относится и языковая норма» [Acta Philologica 2007: 51].

Появившиеся формы письменной PP, описанные в нашей работе, вызвали и продолжают вызывать широкий социолингвистический резонанс.

Так, например, язык смс-сообщений становится настолько распространенным, особенно в англоязычных странах, что там говорят о необходимости включения наиболее частотных аббревиатур и сокращений в «Краткий Оксвордский словарь» и об официальном разрешении пользоваться привычными сокращениями даже в ситуации письменной работы на экзамене [www.vokruginfo.ru/news606.html]. В Интернете можно скачать перевод Библии на смс-английский и Европейской конституции на смс-французский [Сидорова 2007: 174].

Неудивительно, что и иностранные, и отечественные филологи, преподаватели, деятели культуры и просто носители языка постоянно выносят оценочные суждения по этому поводу. Как обычно, суждения эти прямо противоположные: от утверждений,

что смс-общение засоряет языковую культуру, и так достаточно «пиджинизированную» [Гудков 2008], до выступлений в его защиту: М.Ю. Сидорова в статье «Засоряют ли СМС-сообщения русский язык? или На зеркало неча пенять...» отмечает, что смсобщение решает, помимо простой передачи содержания, несколько лингвистических и психологических задач: 1) компрессия текста, 2) транслитерация, 3) языковая игра, 4) «похлопывания» [Сидорова 2007: 176-178]. И дальше, совершенно в традициях тех лингвистов, которые утверждают, что язык нельзя «испортить», автор пишет: «Важно понять, что не смски выращивают глухое к лучшим качествам русской речи и неграмотное поколение. Однако если протекающие в обществе и стимулируемые СМИ негативные процессы не будут остановлены, то через некоторое время смс, как и все другие жанры, отразят еще более удручающую картину, чем теперь» [Сидорова 2007: 182].

Представляется, что влияние на русскоязычный сектор смс-, интернет-коммуникации и ЯП проявилось еще в не полной мере, однако проблема подобного влияния безусловно потребует в скором времени отдельного социолингвистического исследования.

Неприятие нового в жизни и языке (пуризм) не является уникальной ситуацией; напротив того, эта ситуация является более чем распространенной. В.П. Григорьев в статье «Культура языка и языковая политика» (2003) отмечает, что с новым в языке пуристы мирятся только в том случае, если это новое не имеет конкурента в старом и отвечающем их вкусам и привычкам ([Григорьев 2003]).

Новые письменные формы PP, исследованные в нашей работе, не имеют аналога в речевой практике предыдущих поколений, поскольку связаны с принципиально новыми материальными носителями текста. И те люди старшего поколения, которые приняли для себя эти способы коммуникации, во многом «играют по новым правилам», не ими заведенным. Так, в главе III мы приводили пример смс-сообщения 72-летней женщины с использованием смайликов вместо номинативных единиц. А о внедрении элементов письменных форм PP в тексты массовой художественной литературы нами говорилось в главе V нашей работы.

Если пытаться построить прогноз относительно ближайшего развития письменных форм PP, то он будет, осмелимся предположить, следующим: уже наметившаяся интеграция и интерференция специальных приемов и средств письменной PP будет усиливаться и выходить за рамки первоначальных носителей текстов. Так, например, уже более чем широко вышли за пределы сетевой и смс-коммуникации смайлики, и мы предрекаем им долгую жизнь как языковому приему, успешно заполнившему пустующую нишу в языковом коде письменной коммуникации носителей русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Использованные и цитируемые печатные издания и электронные ресурсы

Аванесов Р.И. Заметки по теории русской орфографии. – М., 1978.

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – М.: Просвещение, 1984. – 383 с.

Агеенко Е.Л. Русская речь у микрофона // Русская речь. №1. 1996.

Адмони В.Г., Сильман Т.И. Отбор языковых средств и вопросы стиля // Вопросы языкознания. -1954. -№4. -C.93-100.

Акишина А.А. Письмо как один из видов текста. Общие сведения об эпистолярном жанре // Русский язык за рубежом -1982. -№2. - C.57-63.

Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма. – М.: Русский язык, 1981. - 200 с.

Актуальные проблемы культуры речи / Под ред. В.Г. Костомарова и Л.И. Скворцова. – М.: Наука, 1970. - 571 с.

Алексеев Е.Г., Богатырев С.Д. Информатика: мультимедийный электронный учебник. // http:// www.inf.e-alekseev.ru

Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд.2. – М.: Комкнига, 2006. – 192 с.

Антонов В. Сетевой этикет, или Как «не наломать дров» при общении в Интернете // http:// www.paper.key.ru/arts/173

Антонов В.И. Информационные жанры журналистики. – Саратов, 1994. - 19 с.

Арутнонова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136-137.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр., - М.: 1999. - 895 с.

Ахманова O.C. О стилистической дифференциации слов // Сборник статей по языкознанию. Проф. акад. В.В. Виноградову в день его 60-летия. – М., 1958. – С. 24-39.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.

Байкулова А.Н. Семейное общение и общение родственников // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. — Вып. 9. — С.109-120.

Бао Янь. Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискуссии (на материале Интернет-дневников): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

Барнет В. К принципам строения высказываний в разговорной речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. – М.: Прогресс, 1985. – C.524-527.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Хрестоматия по курсу «Введение по языкознанию» – М.: Академический проект, 2005. – C.320-358.

Беликов В.И. Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве // Acta Philologica: Филологические записки. I. – M.: МГУ, 2007. – C.36-52.

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: Учебник для вузов. – М.: РГГУ, 2001. - 439 с.

Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX века (Жанр и текст писем). – Спб.: Изд-во СпбГУ, 2000. – 139 с.

Бельчиков Ю.А. Лексическая стилистика: Проблемы изучения и обучения. Изд. 2. – М.: КомКнига, 2005. – 176 с.

Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи. – М.: Ун-т РАО, 2000. - 160 с.

Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С.129-141.

Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник МГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. -2002. -№1. -C.55-67.

Богданова Н.В. Редуцированные формы — порча языка или факт его эволюции? // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8-10 октября 2010 года. — М.: ИРЯ РАН, 2010. — С.17-20.

Болычева Е.М. О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М.: МГУ, 2007. – С. 340-341.

Болычева Е.М. Фонетическая вариативность в аспекте кодифицированной нормы — Вестник МГУ, сер. 9 Филология. — 1996. — №1. — С. 69-81.

Болычева Е.М. Формирование гуманитарной научной парадигмы в фонетике и орфоэпии // Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: Сборник научных статей. Выпуск 3. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С.22-37.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. - 1535 с.

Бондаренко М.А. Язык современной массовой литературы (к вопросу стиля) // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М.: МГУ, 2010. – С. 692-693.

Борисенко В.В. Разные типы произношения в устной научной речи // Современная русская устная научная речь. – Красноярск, 1985.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Изд. 2. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 320 с.

Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях // Вопросы языкознания. -1954. -№3. - C.55-67.

Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М.: Высшая школа, 1967. - 376 с.

Быков Л.П., Купина Н.А. Лингвистический натурализм текстов массовой литературы как проблема ортологии // Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции. Седьмые Шмелевские чтения. — М.: ИРЯ РАН, 2006. — С.29-31.

Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. — М.: КомКнига, 2005. - 239 с.

Васильева А.Н. Разговорная речь как функциональный стиль // Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам. – М.: Изд-во МГУ, 1972.

Векшин Г.В. Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н.С. Валгиной. – М.: МГПУ, 2002. – С.35-67.

Вепрева И.Т., Купина Н.А., Матвеева Т.В., Михайлова О.А. К проблеме региональных вариантов кодифицированных норм (по результатам мониторинга СМИ УрФО // Доклад на II Международной конференции «Культура русской речи». Москва, ИРЯ РАН, 4-6 октября 2010 года.

Википедия: Свободная энциклопедия // http://www.ru.vikipedia.org

Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. -1955. - №1. - C.60-87.

Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII-XIX вв. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – М., 1946. – Вып.3.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Изд-во художественной литературы, 1959.-653 с.

Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. -1964. -№3.

Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. – М., 1967. – 134 с.

Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. - 320 с.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.

Виноградов В.В. Задачи стилистики // Хрестоматия по курсу «Введение по языкознанию» – М.: Академический проект, 2005. – C.285-317.

Винокур Г.О. Из бесед о культуре речи // Русская речь. — 1967. — №3

Винокур Γ .О. Культура языка. – М., 1925. (то же: Винокур Γ .О. Культура языка. – М.: URSS, 2006. – 347 с.)

Винокур Γ .О. О задачах истории языка // Ученые записки Московского городского педагогического института. Т.5. Кафедра русского языка. Вып.1. – М., 1941. – С.17-18.

Винокур Γ .О. Проблема культуры речи // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Γ .О. Винокура и современность. – М.: Научный мир, 1999. – C.342-355.

Винокур Т.Г. Воспроизведение особенностей разговорной речи в художественном тексте // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 1984. – С.31-46.

Винокур $T.\Gamma$. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: УРСС, 2005. — 176 с.

Винокур Т.Г. К характеристике говорящего: интенция и реакция // Язык и личность. — М.: Наука, 1989. — С.11-23.

Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной русской литературной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М.: Наука, 1968.

Винокур Т.Г. Устная речь и стилистические свойства высказывания // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С.64-72.

Войскунский А.Е. Развитие речевого общения как результат применения Интернета, 2001 // http://nlo.magazine.ru/dog/tual/main8.html

Гавренек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967.

Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. – Пермь, 1980. – С.22-28.

Гальперин И.Р. К проблеме дифференциации стилей речи // Проблемы современной филологии: Сборник статей к 70-летию академика В.В.Виноградова. – М.: Наука, 1965.

Гальперин И.Р. Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. -1954. -№4. -C.76-86.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1980. - 139 с.

Гаспаров Б.Г. Устная речь как семиотический объект // Лингвистическая семантика и семиотика. І. Семантика номинации и семиотика устной речи // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 442. – Тарту: ТГУ, 1978. – С.63-112.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965. - 408 с.

Гинзбург Л.Я. Устная речь и художественная проза // Семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. Т.2. Ученые записки Тартуского университета. Вып.481. — Тарту: ТГУ, 1979б. — С.54-88.

Гладкая М. Падонковский езыг // http://www.mvinternet.bv/articles/view/31

Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С.158-218.

Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1997. - 147 с.

Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. – Л.: Наука, 1978. - 238 с.

Горбачевич К.С. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика -1990 - № 2. - C.70-80.

Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. Изд.3. – М.: Просвещение, 1989. – 208 с.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: Учебное пособие. – М.: Лабиринт, 1998. – 252 с.

Горшков А.И. Лекции по русской стилистике. – М. Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2000. - 269 с.

ГОСТ 16876-71 Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита. – М.: Издательство стандартов, 1981.

Грайс Г. Значение говорящего, значение предложения и значение слова // Философия языка / ред. Дж. Серль. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С.75-98.

Граудина Л.К., Ицкович Л.К., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов. – М.: АСТ: Астрель, 2004. - 557 с.

 Γ раудина Л.К. Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – 441 с.

Григорьев В.П. Кое-что о стилевой политике // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. - C.138-150.

Григорьев В.П. Культура языка и языковая политика // Общественные науки и современность. – 2003. – №1. – С.143-157.

Григорьева О. Н. Стилистика русского языка. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. - 164 с.

Гудков Д.Б. К вопросу о речевой культуре русского лингвокультурного сообщества (на примере речи спортивных комментаторов» // Язык – Культура – Человек: Сб. науч. статей к юбилею заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой. – М.: МАКС-Пресс, 2008. – С.63-69.

 Γ усейнов Γ . Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику // http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm

Гусейнов Г. Другие языки. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей, 2000. // http://nlo.magazine.ru/dog/tual/main8.html

Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 254 с.

Дедова О.В. Антиорфография в Рунете // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. — М.:МГУ, 2007. — С.342-343.

Дедова О.В. К вопросу о типологии русскоязычных интернет-гипертекстов // Acta Philologica: Филологические записки. $I.-M.: M\Gamma Y, 2007. -C.281-306.$

Дедова О.В. О языке Интернета // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. -2010а. -№3. - С. 25-38.

Дедова О.В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 284 с.

Дуличенко A Д. Русский язык конца XX века. – Мюнхен, 1994.

 $\it Ермакова~O.И.$ Этика в компьютерном жаргоне // Логический анализ языка науки. Языки этики. – М., 2000. – С.246-253.

Ерофеева Т.И. Нормы литературного языка «куются и накопляются в кузнице разговорной речи» (Л.В. Щерба) // Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции. Седьмые Шмелевские чтения. – М.: ИРЯ РАН, 2006. – С.55-58.

Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике. В 2 т. / Под ред. С. Зенкина. – М.: Изд-во им.Сабашниковых, 1972.

Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова / Отв. ред. М.Л. Каленчук, Е.А. Земская. – М.: Языки славянских культур: Знак, 2007.-488 с.

Жизнь языка: Сборник статей в 80-летию М.В. Панова / Сост. Л.А. Капанадзе. Отв. ред. С.М. Кузьмина. — М.: Языки славянской культуры, 2001. - 544 с.

Жильцова В.В. Композиционно-поэтическая функция тире в поэзии Марины Цветаевой // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С.353-363.

Журтова О.А. Роль авторской графики в просодической реализации информационной структуры художественного текста (на материале англояз. худож. прозы второй половины XX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 16 с.

Зализняк Анна А. Переписка по электронной почте как лингвистический объект, 2006. http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm.

Занадворова А.В. Общение человека с компьютером // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Под ред. Л.П. Крысина. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С.579-614.

Занадворова А.В. Отражение социальной дифференциации языка в жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Под ред. Л.П. Крысина. — М.: Языки славянских культур, 2003. — С.277-340.

Захарова Е.П., Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Коммуникативная компетенция: проблемы типологии ее составляющих и их роди в дискурсах разных типов // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. — М.: МГУ, 2010. — С. 115-116.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1987. – 237 с.

Земская Е.А. Русская разговорная речь (Проспект). – М.: ИРЯ РАН, 1968. – 99 с.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992. — 221 с.

Земская Е.А. Социально-культурная и индивидуальная фонетическая вариативность слова в русском языке XX века // Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тезисы докладов Международной научной конференции 26-28 апреля 2004 г. – М.:, 2004. – С.122-124.

Земская E.A. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.

Земская Е.А., Ермакова О.П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Земская Е.А. Язык как деятельность. — М.: Языки славянской культуры. — С.601-647.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1981 — 276 с..

Земская Е.И. Литературный разговорный язык // Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С.290-353.

Земская Е.И., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М., 1988. – С.121-152.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика и избранные статьи. – Спб.: СПБГУ: Акадения, 2007. - 576 с.

Золотова Γ .А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: ИРЯ РАН — МГУ, 2004. — 544 с.

Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. – М.: Наука, 1976. - 303 с.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 192 с.

Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. 2000 // http://www.faq-www.ru.

Ивин А.А. Искусство правильно мыслить. – М., 1986. – 201 с.

Изотова Н.В. Диалогические структуры в языке художественной прозы А.П. Чехова. Автореферат ... доктора филологических наук. – M_{\odot} , 2006.

Ильинская И.С. О языковых и неязыковых стилистических средствах // Вопросы языкознания. – 1954. – №5. С.84-89.

Инфантова Γ . Γ . Об использовании в разговорной речи придаточных предложений в роли самостоятельных единиц // Филологический науки. — 1977. — №3.

Инфантова ГГ. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи: Пособие для спецкурса. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов-н.Д. пед. ин-та, 1973. – 135 с.

 $\it Инфантова\ \Gamma\Gamma$. Речь. Речевая деятельность. Текст. – Таганрог, 2004. – 348 с.

Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русского языка в школе. – М.: Флинта, 1998. – 176 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006. - 288 с.

Uикович B.A. Очерки синтаксической нормы. — М.: АН СССР. Ин-т рус. языка, 1982. — 199 с.

Ицкович В.А. Языковая норма. – М.: Просвещение, 1968. - 94 с.

Какорина Е.В. СМИ и Интернет-коммуникация (Интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр) // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Под ред. Л.П. Крысина. – М.: Языки славянских культур, 2008. – C.549-578.

Какорина Е.В. Язык интернет-коммуникации // Современный русский язык: Система — норма — узус. — М.: Языки славянских культур, 2010. — С. 273-340.

Каленчук М.Л. О фонетической обусловленности и орфоэпической прикрепленности // Проблемы фонетики I. - M., 1993.

Калита И.В. Сленгизация как инновационный процесс современного русского языка // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. — Вып. 9. — С.19-23.

Капанадзе Л.А. Голоса и смыслы: Избранные работы по русскому языку. – М.: Институт русского языка РАН, 2005. - 334 с.

Капанадзе Л.А. Структура и тенденции развития электронных жанров // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию М.В. Панова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 246-255.

Кара-Мурза Е.С. Конфликт норм как объект теории культуры // Доклад на II Международной конференции «Культура русской речи». Москва, ИРЯ РАН, 4-6 октября 2010 года.

Кара-Мурза Е.С. Проблемы преподавания функциональной стилистики рекламы // Труды кафедры стилистики русского языка. — Вып.1. — М.: МГУ, 2007. - C.15-28.

Кара-Мурза Е.С., Лейчик В.М. Два подхода к языку рекламы // Сборник докладов X конгресса МАПРЯЛ. – М., 2003.

Караулов Ю.Н. Когнитивные единицы и уровни языкового сознания // Acta Philologica: Филологические записки. I. — М.: МГУ, 2007. - C.5-20.

Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2004. - 264 с.

Касаткина $P.\Phi$. Произносительная норма и фразовые позиции // Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции. Седьмые Шмелевские чтения. — М.: ИРЯ РАН, 2006. - C.74-75.

Кёстер-Тома 3. Сферы бытования русского социолекта // Русистика. 1996. №1/2.

Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. -2009 - №2. - C.3-21.

 $\mathit{Кибрик}\ A.E.$ Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — 335 с.

Китайгородская М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С.65-89

Китайгородская М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте // Русский язык в его функционировании. Коммуникативнопрагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С.65-89.

Клейнер Ю.А. ПетербурЖские повести? // Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тезисы докладов Международной научной конференции 26-28 апреля 2004 г. — М.:, 2004. - C.77-78.

Клепач Е.В. Языковая мода: эволюция лингвокультурных форм Автореферат ... кандидата филологических наук. – М., 2000.-17. с.

Князев С.В., Пожарицкая С.К. Орфография интернет-блогов как источник лингвистической информации. // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М.: МГУ, 2007. – С.346-347.

Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. — М.: Академический проект, 2005. - 320 с.

Ковтун Л.С. Из истории русской разговорной речи // Русская разговорная речь. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1970.

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. — М.: Просвещение, 1976. — 239 с.

Ковтунова И.И. Поэтика пунктуации (функция тире) // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С.331-338.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 204 с.

Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы). – Praha: Universita Karlova, 1971. – 165 с.

Кожевникова Кв. О смысловом строении спонтанной устной речи: Линейное построение речи и нелинейное формирование содержания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. – М.: Прогресс, 1985. – С.512-523.

Кожевникова Н.А. Несобственно-прямой диалог в художественной прозе // Синтаксис и стилистика. – М..1976.

Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972. – 395 с.

Кожина М.Н. О соотношении стилей языка и стилей речи с позиций языка как функционирующей системы // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь, 2002. - 395 с.

Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. – 213 с.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. - 464 с.

Колшанский Г.В. Паралигвистика. – М.: Наука, 1974. – 81 с.

Комарова А. И. Функциональная стилистика: Научная речь. Язык для специальных целей. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 192 с.

Конференция «Социальные и психологические последствия применения информационных технологий» (01.02.2001 — 01.05.2001) // http://psynet.carfax.ru/texts/voysk6.htm

Кормилицына М.А. О некоторых синтаксических характеристиках «постновояза» на страницах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. — Вып. 9. — С.38-45.

Кормилицына М.А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С.268-276.

Кормилицына М.А. Узуальные нормы текстов современных газет // Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции. Седьмые Шмелевские чтения. М.: ИРЯ РАН, 2006. – С.75-77.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. // Новое в лингвистике, вып.3. М., 1963.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. - 287 с.

Костомаров В.Г. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» // Вопросы современной филологии. – М.: Наука, 1965.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика Пресс, 1994. – 247 с.

Красных В.В. Грамматика лингвокультуры: система координат (к постановке вопроса) // Язык — Культура — Человек: Сб. науч. статей к юбилею заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой. — М.: МАКС-Пресс, 2008. — С.204-214.

Кроль Л.М. Логоневроз как модель для изучения семиозиса устной речи // Семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. Т.2. Ученые записки Тартуского университета. Вып.481. – Тарту: ТГУ, 19796. – С.164-174.

Кронгауз М.А. Заметки рассерженного обывателя // Отечественные записки: Общество в зеркале языка. -2005. -№2. -C.8-17.

Кронгауз М.А. Разделенные одним языком // Acta Philologica: Филологические записки. I. — М.: МГУ, 2007. — С.53-60.

Кронгауз М.А. Русский язык в XXI веке // http://www.tvkultura.ru/program.html

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. - 232 с..

Кронгауз М.А. Семантика. – М.: РГГУ, 2001. – 399 с.

Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки: Общество в зеркале языка. -2005. -№2. -C.36-47.

Крысин Л.П. Лексикографическое представление некодифицированных подсистем языка // Доклад на II Международной конференции «Культура русской речи». Москва, ИРЯ РАН, 4-6 октября 2010 года.

Крысин Л.П. Литературная норма и речевая практика // Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции. Седьмые Шмелевские чтения. М.: ИРЯ РАН, 2006. — С.79-84.

Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и куль-

тура: Памяти Татьяны Григорьевна Винокур. – М., 1996. – С.135-138.

Крысин Л.П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Acta Philologica: Филологические записки. I. – М.: $M\Gamma Y$, 2007а. – C.21-35.

Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторович Панова. – М.: Языки славянских культур: Знак, 2007б. – С.301-315.

Кузьмина С.М. Активные процессы в области русского письма // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Ред. Л. П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С.399-414.

Кузьмина С.М. Орфография и современное общество // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С.366-372.

Кукушкина О.В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 288 с.

Куликова Г.С. Роль СМИ в формировании узуальной нормы // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. — Вып. 9. — С.73-80.

Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тезисы докладов Международной научной конференции 26-28 апреля 2004 г. М.:, 2004. – 128 с.

Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 2001. – 560 с.

Куртене Бодуэн де Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 384 с.

Kучина T. Γ . Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI века: Перволичные повествовательные формы. Диссертация ... доктора филологических наук. – Ярославль, 2008.

Лаврентьева Е.А. Текст и контекст в графическом дизайне: автореф. дис. . . . канд. искусствоведения - М., 2008. - 27 с.

Лалаева Р.И. Теория речевой деятельности: Хрестоматия. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2001. – 413 с.

Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Изд. 6. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. - 520 с.

Лаптева О.А. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет (обзор) // Вопросы языкознания. -1967. -№1.

Лаптева О.А. Нормативность некодифицированной литературной нормы // Синтаксис и норма. М., 1974.

Лаптева О.А. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. — 1966. — №2.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Наука, 1976. - 397 с.

Лаптева О.А. Устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка и другие его компоненты // Вопросы стилистики. Вып.7. — Саратов. 1974.

Левин А.В., Левина Л.В. Эффект замещенного общения в интернет-коммуникации, 2001 // http://isn.ru/info/seminardoc/levin.doc

Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. — М.: Наука, 1971.

Леонтьев А.А. Исследование детской речи // Основы теории речевой деятельности. – M., 1974.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: КомКнига, 2005. – 307 с.

Леонтьев А.А. Психология общения: Учебное пособие. – М.: Смысл: Academia, 2005. – 365 с.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. Изд. 2. – М.: Едиториал УРСС, 2003. - 248 с.

Леонтьев В. Знакомства и общение в Интернете. – М., 2008.

Лингвистическая семантика и семиотика. І. Семантика номинации и семиотика устной речи // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 442. – Тарту: ТГУ, 1978. – 135 с.

Лингвистическая семантика и семиотика. II. Семиотика устной речи // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 481. – Тарту: ТГУ, 1979.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Липгарт А.А. К методологическим основаниям функционально-стилистических исследований // Функциональная стилистика. Лингвопоэтика. Философия языка. Сборник научных статей. Вып.3. – М.: МАКС Пресс, 2004. С. 75-80.

Липгарт А.А. К проблеме языковедческого описания публицистического функционального стиля // Язык средств массовой информации. Учебное пособие для вузов. М., Альма Матер, 2008. — М.: Академический Проект, 2008. — С.349-354.

Липгарт А.А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI-XX вв.) Диссертация ... доктора филологических наук. – М., 1996. – 656 с.

Липгарт А.А. О месте журналистики в системе функциональных стилей развитых литературных языков // Функциональная стилистика. Лингвопоэтика. Философия языка. Сборник научных статей. Вып.2. – М.: Экон-Информ, 2004. – С. 37-44.

Липгарт А.А. О функциональных стилях развитых литературных языков и о проблеме их преподавания // Программы курсов по специализации. Язык средств массовой информации. — М.: $M\Gamma Y$, 2000. — C. 38-39.

Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. Учебное пособие. Изд.2-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 1999. – 168с.

Липгарт А.А. Функции языка: классификационный и категориальный подход // Функциональная стилистика. Лингвопоэтика. Философия языка. Сборник научных статей. Вып.1. – М.: МАКС Пресс, 2001. С.6-13.

Липгарт А.А. Функциональная стилистика в свете дихотомии «язык — речь» // Терминологический вестник. — М.: 2000. — № 1. С. 35-37.

Литневская Е.И. «Антиорфография» как лингвистический феномен и как письменная речевая субкультура // Ярославский педагогический вестник. -2010. -№4. -C.7-11.

Литневская Е.И. «Язык падонков» как явление письменной субкультуры // Доклад на II Международной конференции «Культура русской речи». Москва, ИРЯ РАН, 4-6 октября 2010 года.

Литневская Е.И. Графические способы обозначения признаков «живой речи» в художественной литературе // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8-10 октября 2010 года. — М.: ИРЯ РАН, 2010. — С.89-90.

Литневская Е.И. О «вольностях» употребления норм письменной речи в текстах современной художественной литературы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2010a. — №3. — С. 9-24.

Литневская Е.И. О некоторых графико-орфографических вольностях и их использовании в текстах романов Виктории Платовой // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XIII: Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2010б. – С.132-140.

Литневская Е.И. О некоторых графико-орфографических особенностях письменных жанров разговорной речи // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2009а. — №6. — C.65-76.

Литневская Е.И. О некоторых особенностях письменной разговорной речи // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания: Сборник научных работ / Ред. Л. А. Кудрявцева. – Киев: УАПРЯЛ, 2009б. – С.197-201.

Лимневская Е.И. О некоторых языковых особенностях чата как исконного сетевого жанра // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения: I Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции. – M., 2006в. – C.83-87.

Литневская Е.И. О письменных формах обиходно-бытового стиля речи в некоторых типах дискурса // Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: Сборник научных статей. Выпуск 3. – М., 2009в. – С.38-74.

Литневская Е.И. О формировании узуальных графикоорфографических норм письменной разговорной речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М., 2010в. – С.472-473.

Литневская Е.И. О языке смс-переписки как письменного жанра разговорной речи // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры / Ред. О.В.Фокина. М.-Ярославль, 2009. С.293-301.

Литневская Е.И. Об Интернете и так называемой «порче языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М., 2007. – С.393-394.

Литневская Е.И. Русский литературный язык на современном этапе его развития: несколько оценочных суждений // Вестник МГУ. Сер. Филология. -2002. -№2. -C. 98-107.

Литневская Е.И. Теория и методика работы по развитию речи // Литневская Е.И., Багрянцева В.А. Методика преподавания русского языка в средней школе: Учебное пособие. – М.: Академический проект, 2006. – С.505-585.

Литневская Е.И., Бакланова А.П. Психолингвистические особенности Интернета некоторые особенности чата как исконно сетевого жанра // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. -2005. -№6. -C.46-61.

Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.

Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 7. – Тарту: ТГУ, 1964.

Лотман Ю.М. Механизмы диалога // Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С.193-205.

Лотман Ю.М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопросы языкознания. -1963. -№3. -C.44-52.

Лотман Ю.М. О семиосфере // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 641. – Тарту: ТГУ, 1984. -С.5-23.

Лотман Ю.М. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте // Семиотика текста // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 467. – Тарту: ТГУ, 1979а. – С.98-119.

Лотман Ю.М. Риторика // Структура и семиотика художественного текста // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 515. – Тарту: ТГУ, 1981а. – С.8-28.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Структура и семиотика художественного текста // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 515. – Тарту: ТГУ, 1981. – С.3-7.

Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры: Труды по знаковым системам. Вып. 21. – Тарту, 1987

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. - 384 с.

Лотман Ю.М. Текст в процессе движения: автор — аудитория, замысел — текст // Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров: Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1996. - C.87-114.

Лотман Ю.М. Текст в тексте // Текст в тексте // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 567. – Тарту: ТГУ, 1981б. – С.13-18.

Лотман Ю.М. Устная речи в историко-культурной перспективе // Лингвистическая семантика и семиотика. І. Семантика номинации и семиотика устной речи // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 442. – Тарту: ТГУ, 1978. – С.113-121.

Лотман Ю.М. Чему учатся люди: Статьи и заметки — М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И.Рудомино, 2010. — 416 с.

Лутовинова О.В. Современный виртуальный креатифф: о некоторых особенностях языка Рунета // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2007. С. 394-395.

Львов М.Р. Основы теории речи. – М.: Academia, 2000. – 247 с. Львов М.Р. Языковая среда как фактор овладения речью // Язык: изменчивость и постоянство. Сборник статей. К 70-летию Л.Л. Касаткина / Отв. ред. М.Л. Каленчук. – М.: ИРЯ РАН, 1998. – С.365-373. *Макаров М.Л.* Жанры в электронной коммуникации // Жанры речи. Вып. 4. Саратов, 2005. С.336-351.

Местергази Е.Г. «Наивное письмо» конца XX века как литературная реальность // http://www.auditorium ru.htm.

Милёхина Т.А. Отражение в устной речи социального расслоения россиян // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. — Вып. 9. — С.126-132.

Михайлов В.А., Михайлов С.В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества. 2004 // http://russcomm.ru/rca biblio/m/mihailov-mihailov/shtme

Мокробородова Л. Русский жжот! (язык СМИ в эпоху новографа)// Русский язык и литература: Проблемы преподавания в школе и в вузе. – Киев: УАПРЯЛ, 2006. – С. 136-140.

Морослин П.В. Лингвокультурологические основы теории функционирования Рунета в пространстве межкультурной коммуникации. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. – M., 2010. – 42 с.

Научная литература: Язык, стиль, жанры / Отв. ред. М.Я. Цвиллинг. – М.: Наука, 1985. – 336.

Неврозова Р. Жаргон «падонков» как социокультурный и лингвистический феномен // http://www.interlit2001.com/nevrozova-es-5.htm

Hecmepos B. К вопросу о динамике сетевых сообществ. 2000. // http://flogiston.ru/articles/netpsy/articles/netpsy/groupdyn

Нестеров В. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностной коммуникации в Интернет. 1999. // http://flogiston.ru/articles/netpsy/articles/netpsy/netemotions

Нестеров В. Что выплавляют из «тонн словесной руды», или попытка реабилитации чатов. 2000 // http://flogiston.ru/articles/netpsy/articles/netpsy/chat

 $Hecmepos\ B.,\ Hecmepos\ E.\$ Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов // http://psynet.carfax.ry/texts/nesterov4.htm

Николина С.Е., Васильева Н.Е. Толковый словарь стилистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, – 172 с.

Обсуждение вопросов стилистики. Обзор полученных статей // Вопросы языкознания. — $1954. - N_26. - C.80-87.$

Общество в зеркале языка // Отечественные записки. -2005. -№2 (23).

Огрызков С.А. Народ без языка // http://www.stanislaw.ru/rus/research/peoplewolanguage.asp

Oжегов C.И. Очередные вопросы культуры речи // Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974.

Онипенко Н.К. Грамматика описательная и грамматика объяснительная: их объекты и единицы (к постановке проблемы) // Единицы языка и текст: Сборник научных статей / Под ред. Е.Ф. Кирова. — М.: МГПУ, 2009. — С.66-76.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы / Под ред. Аванесова Р.И. 5-е изд. – М., 1989.

Осипова Л.И. Аспекты изучения русской разговорной речи // Вестник МГПУ. Серия «Филологическое образование». Вып.1 (25) - M.: МПГУ, 2008. - C.71-74.

Остин Дж. Слово как действие / Новое в лингвистике. В. 17. — М., 1986

Очерки истории научного стиля русского литературного языка. – Т.1-4. – Пермь, 1995-1998.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: УРСС, 2004. – 288 с.

Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. – М.: Языки славянской культуры, 2007. - C.63-84.

Панов М.В. Из Проспекта коллективной монографии «Русский язык и советское общество» // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. — М.: Языки славянской культуры, 2007. - C.85-196.

Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с.

Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. T.2. - M.: Языки славянской культуры, 2007. - 848 с.

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. – М.: АН СССР. Ин-т русского языка: Наука, 1990. – 456 с.

Панов М.В. О литературном языке // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. - C.88-102.

Панов М.В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. — М.: Языки славянской культуры, 2007. - C.23-42.

Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы) // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С.43-62.

Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. - C.103-136.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. - 275 с.

Панов М.В. Позиционные отношения в стилистике // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 2004. - C.30-35.

Панов М.В. Русская фонетика. – М.: Просвещение, 1967. - 438 с.

Панов М.В. Современный русский язык: Фонетика. – М.: выс-шая школа, 1979. - 256 с.

Панов М.В. Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С.17-22.

Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. - 176 с.

Пинкер С. Язык как инстинкт. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 455 с.

Пиотровский Р.Г. О некоторых стилистических категориях // Вопросы языкознания. -1954. -№1. -C.55-68.

Пирогова Н.К. Лингвосоциальная природа орфоэпической нормы русского языка // Вестник МГУ. – 1991. – №3. – С.19-25.

Плещенко Т. В., Федотова Н. В., Чечет Р. Г. Стилистика и культура речи — Минск: Тетра Системс, 2001.-544 с.

Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – М.: Едиториал УРСС, 2003. - 562 с.

Проблемы лингвистической стилистики: Тезисы докладов (26028 марта). – М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков им. М. Тореза, 1969.-175 с.

Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Ред. М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. — Вып. 9. — 224 с.

Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов, 2005. Вып.5. – 220 с.

Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции. Седьмые Шмелевские чтения. – М.: ИРЯ РАН, $2006.-158\,\mathrm{c}.$

Русский язык и советское общество. Проспект. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. – 119 с.

Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд.3-е. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009а. — 256 с.

Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд.3-е. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009б. — 312 с.

Ревзина О.Г. Текст: ускользающий объект // Научные доклады филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Сб. Вып. VI / Под ред. М.Л. Ремневой, О.А. Клинга. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – C.3-15.

Pеформатский A.A. Компрессивно-аллегровая речь (в связи с ситуацией говорения) // Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. – М., 1979.

Рожанский Ф.И. Точка, точка, запятая... (эмотиконы как живая семиотическая система) [Электронный ресурс] // Диалог

2000: междунар. конф. по компьютер. лингвистике. — М., 2000. // http://www.dialog-

21.ru/materials/archive.asp?id=6353&y=2000&vol=6077

Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1965. - 355 с.

 $Pочко\ T.A.$ Фонетические особенности сценической речи: Нормативный аспект: Автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 1991.

Русская разговорная речь / Ред. Е.А.Земская. — М.: Наука, 1973.-485 с.

Русская разговорная речь: Тексты / Ред. Е.И. Земская, Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978.-307 с.

Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. / Ред. Е.А.Земская. – М.: Наука, 1983. – 238 с.

Русский язык в его функционировании. Коммуникативнопрагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – 224 с.

Русский язык и советское общество: Постановка проблемы и основные задачи изучения // Русский язык и советское общество: Тезисы докладов на расширенном заседании сектора современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1966. – С. 52-53.

Русский язык и советское общество: Социологолингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка. — M.: Hayka, 1968а. — 187 с.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Ред. Е. А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 2000. - 480 с.

Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. – М.: Наука, 1974. - 352 с.

Русский язык сегодня. 2. Активные языковые процессы конца XX века / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2003. – 633 с.

Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2006. - 653 с.

Русское литературное ударение и произношение: Словарьсправочник / Под ред. Аванесова Р.И. и Ожегова С.И. – М.: ГИС, 1959. – 709 с.

Русское сценическое произношение. – М.: Наука, 1986. – 237 с.

Рыко А.И., Степанова С.Б. Фонетическая реализация слов что, чего в спонтанной русской речи (по материалам звукового корпуса «Один речевой день» // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8-10 октября 2010 года. — М.: ИРЯ РАН, 2010. — С.108-109.

Cамосудова Γ . Γ ., Xудякова T.A. Графические средства реализации экспрессивности // Текст: варианты интерпретации : материалы V межвуз. науч.-практ. конф., 26-27 апр. 2000 г. – Бийск, 2000. – Вып. 5. – С. 207-210.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. - 552 с.

 $\it Caxho~O.C.$ Дневник как речевой жанр художественной литературы. 2004. // http://pn.pglu.ru/index.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. – M., 2004. – 320 с.

Седов К.Ф. Структура устного диалога и становление языковой личности. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1998. – 111 с.

Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – 636 с.

Семиотика текста // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 467. – Тарту: ТГУ, 1979.

Семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. Т.2. Ученые записки Тартуского университета. Вып.481. – Тарту: ТГУ, 1979.

 $\it Серль~ Дж.$ Что такое речевой акт? // Философия языка / ред. Дж. Серль. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С.56-75.

 $\it Cudopos~E.B.~$ Проблемы речевой системности. — М.: Наука, 1987. — 140 с..

 $\it Cudopoвa~M.HO.$ Грамматика художественного текста. М., 2001. – 416 с.

Сидорова М.Ю. Засоряют ли СМС-сообщения русский язык», или «Неча на зеркало пенять...» // Сидорова М.Ю. Интернетлингвистика: русский язык. Межличностное общение. — М.: «1989.ру». 2006. - C.173-181.

Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. – М.: «1989.ру». 2006. – 191 с.

Сидорова М.Ю. Рефлексия «наивного» говорящего над языком и коммуникацией (по материалам открытых Интернетдневников) // Сибирский филологический журнал. — 2004. — № 1.

Сидорова М.Ю., Бао Янь. Коммуникативная комфортность как лингвистическое понятие // Вестник Алтайского университета. — 2007. — №1. — C.67-82.

Сидорова М.Ю., Савельев В.С. Русский язык и культура речи: Учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. - 512 с.

Сиротинина О.Б. Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. – Вып. 9. – С.6-11.

Сиротинина О.Б. Есть ли социальная обусловленность типов речевой культуры? // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. — М.: Языки славянской культуры, 2007. - C.563-567.

Сиротинина О.Б. Первые итоги специального изучения разговорной речи // Язык и общество. Вып.2. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1970.

Сиротинина О.Б. Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. — Л.: Наука, 1969.

Сиротинина О.Б. Разговорная речь (проблема определения понятия) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький, 1966.

Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. – М.: Просвещение, 1983.-80 с.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.

Сиротинина О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994.

Сиротинина О.Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка // Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции. Седьмые Шмелевские чтения. — М., 2006. — С.128-129.

Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об ее эталоне // Русский язык сегодня. Вып.2 / Под ред. Л.П.Крысина. — М., 2003. - C.548-555.

Скворцов Л.И. Культура русской речи: Словарь-справочник. – М.: Знание, 1995. - 255 с.

Скороход Л.К. Словарная работа на уроках русского языка: Книга для учителя: Из опыта работы. - M., 1990

Смирницкий А.И., Ахманова О.С. О лингвистических основах преподавания иностранных языков // Иностранный язык в школе. -1954. -№3.

Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Под ред. Л.П. Крысина. – М.: Языки славянских культур, 2008. - 712 с.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Под ред. Л.П. Крысина. — М.: Языки славянских культур, 2003. — 568 с.

Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. — Спб.: Михайлов., 2002.-460 с.

Соколовский Д. Библия падонков, или Учебнег Албанского языка. – М.: Фолио-СП, 2008. – 416 с.

Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. – М.: Издательский центр «Академия», 2006a. - 304 c.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: УРСС, 2006б. – 288 с.

Соломоник А. Семиотика и лингвистика. — М.: Молодая гвардия, 1995.-352 с.

Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. -1954. -№2. -C.68-82.

Соссюр Φ . ∂e Курс общей лингвистики. – М.: УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.

Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л.П. Крысина и Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1976. – 237 с.

Степанов Г.В. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985.

Степанов Г.В. О художественном и научном стилях речи // Вопросы языкознания. -1954. -№4. -C.87-92.

Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 167 с.

Стернин И.А. Филологическое описание русского языка и обыденное сознание (по данным «Службы русского языка» и программы «Территория слова» в Воронеже // Доклад на II Международной конференции «Культура русской речи». Москва, ИРЯ РАН, 4-6 октября 2010 года.

Стилистика текста в коммуникативном аспекте: Межвузовский сборинк трудов. – Пермь: Пермский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1987. – 169 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

Стронсон П. Намерение и конвенция в речевых актах // Философия языка / ред. Дж. Серль. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — C.35-55.

Структура диалога как принцип работы семиотического механизма // Тартуский университет: Ученые записки. — Вып. 641. — Тарту: ТГУ, 1984.

Структура и семиотика художественного текста // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 515. – Тарту: ТГУ, 1981.

Суховей Д.А. Графика современной русской поэзии : дис. ... канд. филол. наук – СПб., 2008. - 271 с.

Суховей Д.А. Круги компьютерного рая (семантика графич. приёмов в текстах поэтич. поколения 1990-2000 гг.) // НЛО. -2003. – № 62. – С. 212-241

Текст в тексте // Тартуский университет: Ученые записки. – Вып. 567. – Тарту: ТГУ, 1981.

Тимофеев В.В. О характере изменения произносительной нормы в русских приставках // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции 8-10 октября 2010 года. – М.: ИРЯ РАН, 2010. – С.120-122.

Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуальносущностные доминанты. 2004. // http://planeta.gramota.ru/gnt.html.

Труды по знаковым системам: Ученые записки Тартуского университета. Вып. 2-20. – Тарту, 1965-1983.

Фатеева H.A. Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века // Новое литературное обозрение. — 2001. — №50.

 Φ едоренко Л.П. Закономерности усвоения родной речи. — М.: Просвещение, 1984. — 159 с.

Федоров А.В. В защиту некоторых понятий стилистики // Вопросы языкознания. -1954. -№5. - C.65-73.

 Φ илинкова Е.О. Графические выразительные средства в художественном тексте // Рос. лингв. ежегодник. — 2007. — Вып. 2. — С. 228-234.

Философия языка / Ред.-сост. Р. Серл. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.

Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д. Светозаровой. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 248 с.

Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Изд. 2., испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. - 320 с.

Хромов С.С. Фонетические и интонационные нормы и их искажения в звучащей речи // Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тезисы докладов Международной научной конференции 26-28 апреля 2004 г. М.:, 2004. – С.113-116.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991a. - 240 с.

Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991б. – 214 с.

Чернова Ю.В. Концепции письменности и устности в чате // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М.: МГУ, 2010. – С.791-792.

Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. – Спб., 1911. – 229 с.

Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи // Чернышев В.И. Избранные труды. – Т.1. – М.: Просвещение, 1970.

Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. – М.: МАЛП, 1998. – 243 с.

Шварцкопф Б.С. О композиционной функции тире в стихах Надсона // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 348-352.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Издательство АН СССР, 1960. – 377 с.

Швецова М.Г. Паралингвистические средства в лингвистике текста, 2007 // http://www.lingvomaster.ru/files/210.pdf.

Шелякин М.А. Ситуативность устной речи как фактор нейтрализации грамматических значений // Семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. Т.2. Ученые записки Тартуского университета. Вып.481. – Тарту: ТГУ, 1979б. – С.3-24.

Шипицина Л.Ю. Классификация жанров компьютерноопосредованной коммуникации по их функции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Спб, – 2009. – №114. – С.171-178.

Ширяев Е.Н. Что такое разговорный диалог? // http://fixed.ru/prikling/intertekst/poniatie.html.

Шмелев А.Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки: Общество в зеркале языка. − 2005. – №2. – С.18-35.

Шмелев А.Д. Падение речевой культуры или изменение нормы? // Доклад на II Международной конференции «Культура русской речи». Москва, ИРЯ РАН, 4-6 октября 2010 года.

Шмелев А.Д. Проблема кодификации в сфере орфоэпии: личный вкус или объективные данные? // Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тезисы докладов Международной научной конференции 26-28 апреля 2004 г. М.:, 2004. — С.116-118.

Шмелев А.Д. Функциональная стилистика и моральные концепты // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Γ .О. Винокура и современность / Отв. ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова. – М., 1999.

Шмелев А.Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. С.613-621.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. - 168 с.

Шмелева Е.Я. Русский язык XXI века: воспоминания о будущем // Доклад на II Международной конференции «Культура русской речи». Москва, ИРЯ РАН, 4-6 октября 2010 года.

Шмелева Е.Я. Слушатели передач о русском языке: попытка социолингвистического портрета // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С.622-628.

Шрейдер Ю.А. Семиотические основы информатики (лекции). – М.: ИПКИР, 1974. – 81 с.

Штифель Е.А. Языковая игра в «олбанском языке» // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – М., 2010. – С. 793-794.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Уч-педгиз, 1957. - 188 с.

Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе (общие вопросы методики). – М.: Высшая школа, 1974. – 112 с.

Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. -1939. -№4.

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М-Л.: Учпедгиз, 1937. - 256 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.-428 с.

Экслер А. Общение в Интернете. – М., 2006.

Эльконин Д.Б. Введение в психологию развития. – М.: Тривола, 1994. – 166 с.

Энциклопедия для детей. Т.10. Языкознание. Русский язык. / Глав. ред. М.Д. Аксенова. – М.: Аванта+, 1999. – 704 с.

Эпштейн В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. URL: http://www.ipu.ru/publ/epstn.htm.

Эпштейн М.Н. О будущем языка // Знамя – 2000. – № 9.

Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 664 с.

Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – 365 с.

Язык: изменчивость и постоянство. Сборник статей. К 70-летию Л.Л. Касаткина / Отв. ред. М.Л. Каленчук. – М.: ИРЯ РАН, 1998.-420 с.

 \mathcal{S} кобсон P. Стилистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – M., 1975.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. Вып.1 / Под ред. Л.В. Щербы. – Петроград, 1923.

Печатные и электронные источники использованного материала

Художественные произведения

Акунин Б. Азазель (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Алмазная колесница (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Алтын-Толобас (из серии «Приключения магистра»).

Aкунин Б. Внеклассное чтение (из серии «Приключения магистра»).

Акунин Б. Квест: Роман – компьютерная игра.

Акунин Б. Коронация (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Левиафан (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Любовник смерти (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Любовница смерти (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Особые поручения (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Смерь Ахиллеса (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Сокол и Ласточка (из серии «Приключения магистра»).

Акунин Б. Статский советник (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Турецкий гамбит (из серии «Новый детектив»).

Акунин Б. Ф.М. (из серии «Приключения магистра»).

Донцова Д. Инь, янь и всякая дрянь.

Донцова Д. Микроб без комплексов.

Донцова Д. Микстура от косоглазия.

Лукьяненко С. Дневной дозор.

Лукьяненко С. Последний дозор.

Маринина А. Жизнь после Жизни.

Платова В. Stalingrad, станция метро.

Платова В. В тихом омуте.

Платова В. Любовники в заснеженном саду.

Платова В. Тингль-Тангль.

Платова В. Хрустальная ловушка.

Рубина Д. Белая голубка Кордовы.

Рубина Д. Камера наезжает!..

Рубина Д. Почерк Леонардо.

Устинова Т. Отель последней надежды.

Устинова Т. Третий четверг ноября.

Фрай М. Болтливый мертвец.

Фрай М. Волонтеры вечности.

Фрай М. Наваждения.

Фрай М. Чужак.

Сайты

http://www.ergeal.ru/blog2/1228.htm,

http://www.ergeal.ru/blog2/938.htm,

http://www.express-k.kz/show article.php?art id=6982),

http://www.gust.ucoz.ru/news/2006-06-23-22,

http://udaff.com/creo/57438.html,

ru.wikipedia.org

http://www.tehnologia.info/forum/viewtopic.php?p=72458&sid=6

7dfb4468a2604a7c279a29a764d5c87

http://bash.org.ru/quote/104726

http://www.habrahabr.ru/blog/blogosphere/11385.html

http://www.yakrevedko.ru/

http://community.livejournal.com/ru preved/

http://offline.computerra.ru/2007/697/329351/

http://opensource.com.ua/products.php?info=p1744 -.html

http://www.ufanta.ru/index.php?showtopic=2021

http://forum.mstuca.ru/viewtopic.php?p=33841&sid=af6a01d4ee7

95c63347110f5

http://supercumshooter.livejournal.com/26245.html

http://www.audi-

club.lv/forum/viewtopic.php?t=5528&view=next&sid= 4c337f21

http://forums.drom.ru/moscow/t1151264647.html

http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon7/siren.html

http://www.sunhome.ru/psychology/,

http://galaxy.gcmsite.ru/pg.php?pg=nws&p=004,

http://www.rian.ru/society/religion/20051008/41637385.html

http://www.newsru.com/cinema/18nov2005/sms.html

http://www.rsci.ru/MoreInfo.html?MessageID=3127 http://www.celler.ru/news/2006/02/10/6129.html

http://www.studioit.ru/mobile/Studenty-ispolzujut-jazyk-SMS/

http://www.mobime.ru/articles/2007/04/10/zlango.html

http://www.inopressa.ru/welt/2007/12/12/15:34:11/sms

http://sociologist.nm.ru/study/seminar 56a.htm